

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредитель:
ФГБОУ ВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

1/2014
(№ 86)

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы федерализма

- 5 **И. В. Бахлов, С. Г. Пилипенко.** Становление конституционной модели российского федерализма с 1993 по 1999/2000 г.

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 17 **В. А. Каштанюк.** Антиобъединительные тенденции в отношении политики укрупнения регионов Дальнего Востока Российской Федерации
- 27 **С. Г. Пьянкова.** Проблема устойчивого и эффективного развития институциональной среды монопрофильных территорий
- 34 **Ю. Г. Акимов.** «Северный план» канадской провинции Квебек: внутри- и внешнеполитический аспект
- 44 **С. В. Сарайкина.** Лимнологические особенности административной границы Республики Мордовия

Региональные проблемы науки и образования

- 50 **И. М. Фадеева, Е. Н. Гусева.** Социальный заказ региона на подготовку профессиональных кадров с иноязычной компетенцией
- 60 **О. Е. Зубов, В. В. Ежова, Т. Н. Пиняева, М. Г. Чаткина, Л. А. Юнусова.** Участие ученых Мордовского государственного университета в конкурсах Российского гуманитарного научного фонда

Экономика региона

- 66 **А. П. Левцев, О. А. Кручинкина.** Проблемы энергосбережения региона и пути их решения
- 73 **Г. В. Бухаркин, М. М. Гераськин.** Развитие системы кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения в регионе
- 81 **Т. М. Малькова.** Тенденции развития аренды лесных участков в России и Республике Марий Эл в условиях разделения государственных и хозяйственных функций

Редколлегия:

С. М. ВДОВИН
(главный редактор)
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
В. П. БАБИНЦЕВ
В. И. ГРИШИН
А. В. ДАХИН
П. В. ДРУЖИНИН
А. Н. ЕРШОВ
В. В. ИЛЬИН
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный
секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
А. КЕРЕЖИ
В. А. КОВАЛЕВ
В. В. КОЗИН
(заместитель
главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
В. В. МАРЕСЬЕВ
А. И. СУХАРЕВ
Ж. СИМАНВИЧЕНЕ
Э. К. ХАРАЦИДИС

Экспертный совет:

И. В. БАХЛОВ
О. А. БОГАТОВА
Н. И. ВОРОНИНА
Н. Д. ГУСЬКОВА
Д. В. ДОЛЕНКО
Ю. А. ЕЛИСЕЕВА
Е. А. НЕРЕТИНА
В. А. ПИСАЧКИН
С. В. ПОЛУТИН
И. Л. СИРОТИНА
И. М. ФАДЕЕВА

Социология региона

- 87 **В. П. Бабинцев, Г. Ф. Ушамирская.** Субкультура бюрократии в региональном хронотопе
- 99 **П. Н. Киричѐк, С. А. Бедягин.** Витальная максима образа жизни
- 109 **Е. Н. Суворкина.** Субкультура детства как динамическая система: синергетический подход
- 114 **С. В. Полутин, А. М. Чушкин.** Этнорелигиозные угрозы в Поволжском регионе
- 123 **Л. А. Апанасюк.** Средовые предпосылки возникновения ксенофобии в студенческой среде
- 128 **А. И. Белкин.** Некоторые особенности государственно-церковных отношений в 1953—1964 гг.: региональный аспект

Социальное развитие региона

- 139 **Т. В. Худойкина.** Формирование системы бесплатной юридической помощи в регионах Приволжского федерального округа
- 147 **Л. Н. Фоломейкина.** Рынок экологических товаров, работ и услуг в регионе

**Народы России:
возрождение и развитие**

- 155 **Ж. В. Кузнецова.** Этническое самосознание и ментальность южных алтайцев в контексте реалий предметного мира

Провинциальная культура

- 166 **Н. М. Инюшкин, Л. Н. Мешкова.** Этнокультурный диалог в жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова
- 177 **М. И. Вечканова.** Явление трансгрессии как культурный сегмент регионального социума (на примере творчества Дж. К. Оуте)
- 183 **О. В. Радзецкая.** Истоки творчества мордовского композитора Н. В. Кошелевой
- 193 **Е. С. Романцова.** Библиотечная сеть Оренбургского региона в годы восстановления народного хозяйства и индустриализации
- 199 **И. А. Кубанцева.** Первые учебные и справочные издания для мордвы

REGIONOLOGY

Scientific-
publicistic
journal

Founder:

Federal State-Financed
Academic Institution
of Higher Professional
Education «N.P. Ogarev
Mordovia State University»

Published since
October 1992 г.

Goes out trimestral

CONTENTS**Issues of Federalism**

- 5 **I. V. Bakhlov, S. G. Pilipenko.** Formation of the Constitutional Model of Russian Federalism (1993—1999/2000)

**Regional Political Space
and Territorial Administration**

- 17 **V. A. Kashtanyuk.** Anti-Unifying Trends in Enlargement of the Far East Regions of the Russian Federation
- 27 **S. G. Pyankova.** Issue of Sustainable and Effective Development of the Institutional Environment of Single-Industry Territories
- 34 **Yu. G. Akimov.** «Plan Nord» of the Canadian Province of Quebec: Domestic and International Economic Aspects
- 44 **S. V. Saraikina.** Limological Features of the Administrative Boundary of the Republic of Mordovia

**Regional Problems
Science and Education**

- 50 **I. M. Fadeyeva, E. N. Guseva.** Social Expectations for Training of Professionals with a Foreign Language Competency.
- 60 **O. E. Zubov, V. V. Ezhova, T. N. Pinyeva, M. G. Chatkina, L. A. Yunusova.** Participation of Scientists of the Mordovia State University in Competitions Held by the Russian Foundation for the Humanities

Regional Economics

- 66 **A. P. Levtshev, O. A. Kruchinkina.** Problems in Energy Saving and Ways of Solution
- 73 **G. V. Bukharkin, M. M. Geraskin.** Development of a System of Cadastral Valuation of Agricultural Lands in a Region
- 81 **T. M. Malkova.** Trends in Development of Forest Lands Rent in Russia and in the Republic of Mari El in Terms of Separation of Public and Economic Functions

Regional Sociology

- 87 **V. P. Babintsev, G. F. Ushamirskaya.** Bureaucracy Subculture in the Regional Chronotope

1/2014
(№ 86)

Editorial board:

S. M. VDOVIN
(Editor in chief)
N. M. ARSENTEV
V. P. BABINTSEV
V. I. GRISHIN
A. V. DAKHIN
P. V. DRUZHININ
A. N. ERSHOV
V. V. ILYIN
L. V. KALACHINA
(Executive secretary)
B. F. KEVBRIN
A. KEREZHI
V. A. KOVALEV
V. V. KOZIN
(Deputy editor in chief)
V. V. KONAKOV
V. V. MARESIEV
A. I. SUKHAREV
Z. SIMANAVICHENE
E. K. CHARATSIDIS

Expert board:

I. V. BAKHLOV
O. A. BOGATOVA
N. I. VORONINA
N. D. GUSKOVA
D. V. DOLENKO
Yu. A. ELISEEVA
E. A. NERETINA
V. A. PISACHKIN
S. V. POLUTIN
I. L. SIROTINA
I. M. FADEEVA

- 99 **P. N. Kirichek, S. A. Bedyagin.** Vital Maxim of a Lifestyle
109 **E. N. Suvorkina.** Subculture of Childhood as a Dynamic System: a Synergetic Approach
114 **S. V. Polutin, A. M. Chushkin.** Ethno-Religious Threats in the Volga Region
123 **L. A. Apanasyuk.** Stands in Life of the Student Youth in a Region
128 **A. I. Belkin.** Some Peculiarities of Relations between the State and Church in 1953—1964: Regional Aspect

Social Development of a Region

- 139 **T. V. Khudoykina.** Formation of the Free Legal Aid System in the Re-gions of the Volga Federal District
147 **L. N. Folomeykina.** Market for Environmental Goods, Works and Services in a Region

Peoples of Russia: Revival and Development

- 155 **Zh. V. Kuznetsova.** Ethnic Identity and Mentality of the Southern Altai People in the Context of Realities of the Objective World

Provincial Culture

- 166 **N. M. Inyushkin, L. N. Meshkova.** Cultural Dialogue in M. Yu. Lermontov's Life and Works
177 **M. I. Vechkanova.** Phenomenon of Transgression as a Cultural Segment of a Regional Socium (Case Study of Works by J. C. Oates)
183 **O. V. Radzetskaya.** Origins of the Creative Work of a Mordovian Composer N. V. Kosheleva
193 **E. S. Romantsova.** Network of Libraries of the Orenburg Region in the Years of Restoration of the Public Economy and of Industrialization
199 **I. A. Kubantseva.** First Textbooks and Reference Books for Mordvins

И. В. БАХЛОВ   С. Г. ПИЛИПЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА С 1993 ПО 1999/2000 г.¹

Ключевые слова: конституционная модель, разграничение предметов ведения и полномочий, Российская Федерация, субъект Федерации, федерализм
Key words: constitutional model, division of jurisdictions and powers, Russian Federation, constituent region of the Federation, federalism

В статье рассматриваются проблемы формирования конституционной модели российского федерализма с 1993 по 1999/2000 г., проводится сравнительный анализ сложившихся в отечественной литературе оценок. Определяются общие тенденции развития российской модели в сопоставлении с мировой теорией и практикой федерализма.

The paper discusses the issues of formation of the constitutional model of Russian federalism in 1993—1999/2000; a comparative analysis of the appraisals given in Russian publications is made. General trends in development of the Russian model in comparison with the global theory and practice of federalism are identified.

Период с 1993 по 1999/2000 г. может быть обозначен как время становления конституционных основ современ-

БАХЛОВ Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории и мирового политического процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, доцент.

ПИЛИПЕНКО Сергей Геннадьевич, доцент кафедры государственного и административного права Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат юридических наук.

ной российской модели федерализма и их последующего утверждения в практике федеративных отношений. Принятая на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. Конституция РФ прекратила действие Конституции (Основного закона) Российской Федерации — России 1978 г. и в то же время сохранила юридическую силу за инкорпорированными в состав прежней Конституции положениями Федеративного договора 1992 г., подчеркнув приоритет своих норм. Почти все положения Федеративного договора вошли в текст новой Конституции без каких-либо изменений. Вместе с тем некоторые нормы Договора значительно отличаются от конституционных и потому утратили юридическую силу.

К наиболее существенным положениям, не соответствующим Конституции, относят неравноправие субъектов РФ (противоречит ч. 1, 4 ст. 5); закрепление природных ресурсов в качестве достояния народов, проживающих на соответствующей территории (противоречит ч. 2 ст. 9); порядок введения чрезвычайного положения на территории республики (противоречит ст. 88, п. «в» ч. 1 ст. 102); отнесение судостроительства к предметам совместного ведения РФ и республик в ее составе (противоречит п. «о» ст. 71)².

Конституция РФ 1993 г. в ст. 5 закрепила общие принципы федеративного устройства государства: государственной целостности, единства системы государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий органов государственной власти Федерации и ее субъектов, равноправия и самоопределения народов в РФ, равноправия субъектов Федерации в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. Даже с учетом наличия в ее структуре отдельной главы о федеративном устройстве можно согласиться с Н. В. Варламовой, считающей, что Конституция закрепляет только общие принципы федеративного устройства и оставляет «на потом» их доктринальную конкретизацию, выработку механизмов их реализации, причем при «переводе» конституционных положений в конкретные регулятивные предписания конституционная схема может трансформироваться в принципиально разные модели. Однако, по ее мнению, между этими принципами нет непреодолимых противоречий, они нуждаются в совокупном истолковании, от которого и будет зависеть дальнейший характер федеративного развития России: расширение

полномочий центральной власти или ее децентрализация, усиление или нивелирование различий в конституционно-правовом статусе субъектов РФ³.

Важные новеллы конституционно-правового регулирования и достижения практики функционирования федерализма в России после принятия Конституции 1993 г. выделены М. С. Саликовым: к числу субъектов Федерации были отнесены бывшие до этого лишь административно-территориальными единицами края, области и города федерального значения, т. е. система федеративных отношений была распространена на всю территорию государства; Конституция впервые закрепила юридическое равноправие всех субъектов Федерации; была установлена новая схема распределения предметов ведения и полномочий между органами власти Федерации и ее субъектов; создан механизм гарантий против превалирования одного конституционного уровня федеральной государственной структуры над другим; разработан механизм, регламентирующий структурные изменения в системе российского федерализма, а именно принятие в РФ нового субъекта и образование нового субъекта внутри Федерации, что создает легальный механизм развития Федерации; введены новые правовые инструменты регулирования федеративных отношений, а точнее вопросов разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти⁴.

Конституция РФ 1993 г. только констатировала факт федеративного устройства Российского государства, общие контуры которого сложились в 1990—1993 гг. Однако она заложила правовые основы конституционной модели российского федерализма, хотя и не наметила четкой стратегии ее развития. На наш взгляд, закрепление федеративного устройства в Конституции 1993 г. служило не созданию оптимальной модели российского федерализма, а реализации политических целей победившей в ходе длительного противостояния федеральной правящей элиты. В связи с этим новая Конституция была нацелена не на решение проблем территориального устройства, а на правовое оформление этой победы путем закрепления соответствующей формы правления. В этой ситуации победившая группа федеральной правящей элиты использовала предполагаемую модель федеративного устройства как предмет «торга» с регионами для

получения их поддержки. Кроме того, проблема сепаратизма не только не была решена, но и еще больше обострилась. Можно согласиться с оценкой Н. В. Варламовой о крайней «размытости», вариативности конституционной модели российского федерализма⁵. Эта модель предполагала, с одной стороны, сохранение традиционной ситуации, в которой центр был вынужден балансировать между интересами отдельных регионов, используя в качестве балансира преимущественно политико-экономические рычаги, с другой — консервацию старых и появление новых проблем, решение которых зависело от политико-экономического потенциала центра.

Можно выделить и проанализировать основные проблемы становления российского федерализма в период с 1993 по 1999/2000 г., актуализация которых во многом определила его специфику.

Проблема регионального сепаратизма, претерпевшая качественные изменения. Д. В. Ольшанский называет несколько его причин. Во-первых, прошла эпоха митинговых деклараций и драматических жестов; региональные лидеры стали действовать более взвешенно. Во-вторых, пугала непредсказуемость федерального руководства, решавшегося на силовые акции (например, в Чечне). В-третьих, пропала особая нужда в конфронтации (и без того регионы получали все, что им было нужно). В-четвертых, стало ясно, что демонстративные политические жесты менее эффективны (если не контрпродуктивны), чем экономические и конкретно-правовые действия. Овладев более сложными политическими технологиями, регионы и их руководители перестали нуждаться в методах начала 90-х гг. XX в. Соответственно, государственно-политический сепаратизм, преобладавший на первом этапе, постепенно сменили на новые формы. К их числу Д. В. Ольшанский относит правовой сепаратизм, когда около 70 % законодательных актов субъектов Федерации содержали те или иные отклонения от общероссийских, а в 30—40 % они явно противоречили Конституции и общифедеральным законам; межпарламентский сепаратизм, представляющий особую разновидность противостояния субъектов центру — формирование межрегиональных объединений законодательных органов формально для повышения эффективности взаимодействия с федеральными органами власти; административно-кадровый сепаратизм в сфере ад-

министративного управления субъектами РФ, развившийся в условиях установившегося порядка, при котором главным инструментом управления страной стали кадровые перестановки; партийно-политический сепаратизм, связанный с возникновением региональных, межрегиональных и просто «ориентированных на регионы» партийно-политических структур; финансово-экономический сепаратизм (вернее, его новая волна, связанная с августовским кризисом 1998 г.), признаками которого оказались: замыкание денежных потоков внутри региона и создание изолированных финансово-кредитных пулов под административным контролем⁶.

Проблема скрытой унитарности российской модели федерализма, выражением которой, по мнению В. Б. Пастухова, становится конституционный формализм как политический фон для развития федерализма и юридический дуализм в качестве правового фона. Федеративные отношения строятся не на основании правил, закрепленных в Конституции, а в соответствии с установившимися неформальными традициями⁷. О признаках фактической унитаризации РФ писали и другие исследователи⁸.

Проблема асимметричности российского федерализма, сложившаяся раньше и получившая конституционное закрепление в этот период. А. И. Казаков отмечает существенные различия в конституционном статусе республик и других субъектов (ч. 2 ст. 5, ч. 1, 2 ст. 66 и др.) и подчеркивает, что равноправие субъектов РФ в их взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти, означающее юридическое равенство субъектов всех видов в отношении с федеральным центром и юридически равное отношение федерального центра к субъектам всех видов, возможно лишь тогда, когда сами субъекты равноправны, т. е. имеют одинаковый статус⁹.

Л. М. Карапетян полагает, что причина того, почему именно бывшие автономные республики названы в действующей Конституции республиками-государствами, кроется в понимании национальной федерации и ее исторических традиций советского периода. Однако, помимо исторически обусловленных, в Конституции обнаруживаются и правовые проблемы неравноправия субъектов Федерации, не связанные с историей решения национального вопроса (например, по Конституции порядок принятия уставов субъектов Федерации

отнесен только к законодательным органам, в отношении республик таких ограничений нет, и т. п.)¹⁰.

Н. В. Варламова, характеризуя статус автономного округа, отмечает, что Конституция РФ как бы подчеркивает временность и неопределенность этой конструкции, оставляя данный вопрос открытым. Так, Конституция устанавливает, что отношения автономных округов, входящих в состав края или области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти края или области (ч. 4 ст. 66), а также по представлению законодательного и исполнительного органов автономного округа может быть принят федеральный закон об автономном округе (ч. 3 ст. 66). По мнению Н. В. Варламовой, Конституция не исключает и определенное подчинение округа краю или области (на добровольной договорной основе) и фактический или даже юридический выход округа из состава края или области¹¹.

Как считает Н. М. Добрынин, автономный округ не подчиняется области (краю), а образует объединение равных субъектов Федерации, при этом только на основе взаимного соглашения между ними можно определить структуру, юридическое содержание, полноту отношений, связанных с вхождением округа в состав области (края). Характер этих отношений может меняться, но лишь посредством договоренности между названными субъектами Федерации¹².

Проблема договорной составляющей в становлении российской модели федерализма, пик развития которой приходится на вторую половину 1990-х гг. Подписание договоров о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами Федерации и ее субъектами, первоначально бывшее мерой вынужденного характера в качестве способа вовлечения субъектов с сильно выраженными тенденциями к сепаратизму в федеральную орбиту и дополнительной легитимации Конституции, затем получило широкое распространение как обязательный атрибут отношений с федеральным центром не только республик, но и других субъектов Федерации. В этот период исследователи отмечали, что для субъектов РФ стало «непрестижным» не заключать договор с центром¹³.

Оценивая договорную практику как элемент российской модели федерализма, А. Аригин выделяет имеющиеся точки зрения: договорный процесс создает предпосылки для решения проблем, возникающих в ходе развития федеративных отношений; договорный процесс необходим и различается для отдельных субъектов Федерации; договоры разрушают российскую государственность, превращая ее в конфедерацию; договорный процесс должен существовать, но при условии соответствия договоров и соглашений Конституции РФ и федеральному законодательству¹⁴. Н. М. Добрынин полагает, что договорный процесс, осуществленный в строгом соответствии федеральному конституционному закону, раскрывающему положения ст. 71—73 действующей Конституции, должен способствовать реальному выравниванию субъектов нашей «несимметричной» Федерации¹⁵.

Можно согласиться с мнением Л. М. Карапетяна, который считает, что договоры между федеральными органами власти и органами власти субъектов Федерации не могут стать аргументом о договорном характере Федерации, как и изменить или отменить конституционные установления по разграничению предметов ведения и полномочий Российской Федерации (федеральных органов) и ее субъектов (органов субъектов Федерации). Федеративный договор и договоры субъектов Федерации должны вписываться в единый конституционный процесс¹⁶.

Таким образом, анализируя становление конституционной модели российского федерализма с 1993 по 1999/2000 г., можно выделить следующие его особенности, во-первых, конституционное закрепление федеративных отношений было обусловлено политическими интересами федеральной правящей элиты и компромиссом между ней и большинством региональных элит, в связи с чем оно стало констатацией ситуации, сложившейся на начальном этапе (во многом даже виртуальной, учитывавшая явный сепаратизм Чечни и менее явно выраженный сепаратизм Татарстана).

Во-вторых, федеральный центр использовал гораздо больший спектр практических методов во взаимоотношениях с регионами (как правовых, так и иных, включая силовые). Закономерным следствием многообразия конкретных моделей отношений с отдельными регионами стало усиление политико-экономической асимметричности Федерации, допол-

нившей заложенную в Конституции асимметрию правового статуса субъектов. В этих условиях от федерального центра требовалось проведение гибкой политики баланса между республиками и иными субъектами, регионами-донорами и регионами-реципиентами и т. п. Этого баланса, несмотря на серьезные неудачи, ему удавалось достигать в основном политикой уступок регионам и использованием традиционных для российской политики внеправовых механизмов (личных встреч, совместного партийного строительства и т. д.), что свидетельствует о незавершенности конституционной модели федеративных отношений.

В-третьих, изменился характер отношения большинства субъектов Федерации (в лице региональных элит) к центру касательно усиления лояльности: их значительная часть зависела от механизма вертикального финансового выравнивания, находившегося в руках федерального правительства. Другая часть также смогла путем заключения договоров реализовать свои требования. Кроме того, прямая конфронтация с центром стала менее эффективной, чем политика лоббирования своих интересов с использованием методов непрямого давления.

В целом можно сказать, что федеральный центр сделал ряд шагов в направлении классической модели федерализма: разграничены предметы ведения и полномочия по вертикали, формально закреплен принцип равноправия и т. п. Однако сохранялось большинство элементов советской модели (к концу второго этапа стал проследиваться и модифицированный вариант принципа демократического централизма). На наш взгляд, *российская модель стала комбинированной, сочетающей элементы советского и дуалистического (классического) федерализма*. Отсюда и усилившаяся к концу этого этапа централизация и постепенное возрождение «скрытого унитаризма». Российскую договорную практику нельзя рассматривать как элемент кооперативного федерализма, так как она была следствием перевода в правовое русло регионального сепаратизма и не создала (и не могла создать) действенный механизм финансового выравнивания (в том числе горизонтального) в качестве наиболее существенного признака кооперативной модели.

Уже к концу 1990-х гг. тенденция развития российского федерализма в направлении общей эволюции миро-

вой теории и практики федерализма, наметившаяся еще в начале реформы, несколько укрепилась. Классический (дуалистический) федерализм стал начальным этапом эволюции федеративных отношений, стадией их становления и нормативно-институционального оформления. Кроме того, модель дуалистического федерализма не всегда срабатывает в условиях перекоса этих отношений в пользу центра, хотя это и является прямым следствием ее развития.

Вместе с тем в практике российского федерализма можно было отметить тенденции, позволяющие судить о его дальнейшем развитии. Так, элементом модели интеграционного федерализма можно считать эволюцию процесса регионализации, во многом напоминающую аналогичный процесс в странах Латинской Америки. Его главная особенность — формирование так называемых «экономико-географических регионов» как промежуточной ступени между Федерацией и ее субъектами, интеграции ряда субъектов РФ в определенных географических рамках и преимущественно в экономической сфере. Примером подобного образования выступали межрегиональные ассоциации экономического взаимодействия (хотя уже к началу нового века эта инициатива «снизу» стала постепенно «приглушаться» и ставиться под прямой контроль центра. В 1999 г. принят Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности ассоциаций экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации»).

В рамках ассоциаций происходило межрегиональное сотрудничество, которое выходило за рамки только экономической сферы. Предпосылками для этого являлись возможность сотрудничества в области экологии, развития национально-культурных отношений и т. п. Все это признаки горизонтальной кооперации. Именно с такой позиции можно говорить о некоторых элементах кооперативной модели в российском федерализме, достаточно слабо развивающихся и не получивших соответствующей поддержки федерального центра, который взял на себя функцию единственного реформатора (что было вполне оправданно в условиях усиления дезинтеграции, но на современном этапе постепенно теряет смысл при достижении стабилизации федеративных отношений).

Реформирование конституционной модели российского федерализма продолжилось и в дальнейшем. Оно часто

связывается и с функционально-технологическими (административно-управленческими) проблемами, и с определенными концептуальными новациями (одна из главных — это укрупнение субъектов Федерации). Современная модель российского федерализма, ориентированная на поиск оптимальных механизмов регулирования взаимоотношений центра и регионов, сочетает противоречащие друг другу элементы и тенденции, например, ликвидация федеративной правосубъектности автономных образований и укрупнение субъектов Федерации в перспективе ведут к преодолению асимметричности Федерации и устранению характеристик, свойственных советскому федерализму. Однако региональное иждивенчество из-за отсутствия прочной материальной базы и качественных механизмов финансового выравнивания, усиление зависимости регионов в политико-правовом отношении, явное «затухание» региональных инициатив свидетельствуют скорее о сохранении приоритетности советского принципа «автономии» — наделении субъектов Федерации полномочиями и ресурсами «сверху».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках госзадания. Проект 6.3306.2011 «Трансформация статусно-ролевых характеристик национальных образований финно-угорских народов России в процессе модернизации политико-территориальной системы».

² См.: Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юрист, 1997. С. 687.

³ См.: Варламова Н.В. Современный российский федерализм: конституционная модель и политико-правовая динамика. М.: Ин-т права и публичной политики, 2001. С. 12—14.

⁴ См.: Саликов М.С. Конституционный федерализм России: опыт десятилетнего развития // Федерализм. 2003. № 3. С. 6—10.

⁵ См.: Варламова Н.В. Современный российский федерализм ... С. 12.

⁶ См.: Ольшанский Д.В. Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 41—46.

⁷ См.: Пастухов Б.В. Российский федерализм: политическая и правовая практика // Обществ. науки и современность. 2003. № 3. С. 55—56.

⁸ См.: Саленко А.В. Россия — унитарная Федерация: парадокс или реальность? // Правоведение. 2001. № 2. С. 63—73.

⁹ См.: Казаков А.И. Сильная Россия — это федеративная Россия // Свободная мысль — XXI. 2004. № 6. С. 13—14.

¹⁰ См.: Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Норма, 2001. С. 95—96.

¹¹ См.: Варламова Н.В. Современный российский федерализм ... С. 15.

¹² См.: Добрынин Н.М. Конституционно-правовые основы отношений края или области с входящими в их состав автономными округами. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1998. С. 17.

¹³ См.: Некрасов С.И. Российский федерализм и некоторые проблемы разделения властных полномочий по вертикали // Журн. рос. права. 1999. № 10. С. 69.

¹⁴ См.: Аринин А. Проблемы развития российской государственности в конце XX века // Федерализм власти и власть федерализма. М.: ТОО Интел, 1997. С. 11—15.

¹⁵ См.: Добрынин Н.М. К вопросу о разграничении предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов // Государство и право. 2004. № 5. С. 92.

¹⁶ См.: Карапетян Л.М. Современный российский федерализм ... С. 151—152.

Поступила 12.11.2013.

REFERENCES

¹ Izdanie osushhestvleno pri finansovoj podderzhke Minobrnauki RF v ramkah goszadaniya. Proekt 6.3306.2011 «Transformacija statusno-rolevykh harakteristik nacional'nykh obrazovanij finno-ugorskih narodov Rossii v processe modernizacii politiko-territorial'noj sistemy».

² Sm.: Konstitucija Rossijskoj Federacii: nauch.-prakt. kommentarij / pod red. akad. B.N. Topornina. M.: Jurist, 1997. S. 687.

³ Sm.: Varlamova N.V. Sovremennyj rossijskij federalizm: konstitucionnaja model' i politiko-pravovaja dinamika. M.: In-t prava i publichnoj politiki, 2001. S. 12—14.

⁴ Sm.: Salikov M.S. Konstitucionnyj federalizm Rossii: opyt desjatiletnego razvitija // Federalizm. 2003. № 3. S. 6—10.

⁵ Sm.: Varlamova N.V. Sovremennyj rossijskij federalizm ... S. 12.

⁶ Sm.: Ol'shanskij D.V. Dezintegracija: novye simptomy staroj bolezni // Pro et Contra. 2000. T. 5. № 1. S. 41—46.

⁷ Sm.: Pastuhov B.V. Rossijskij federalizm: politicheskaja i pravovaja praktika // Obshhestv. nauki i sovremennost'. 2003. № 3. S. 55—56.

⁸ Sm.: Salenko A.V. Rossija — unitarnaja Federacija: paradoks ili real'nost'? // Pravovedenie. 2001. № 2. S. 63—73.

⁹ Sm.: Kazakov A.I. Sil'naja Rossija — jeto federativnaja Rossija // Svobodnaja mysl' — XXI. 2004. № 6. S. 13—14.

¹⁰ Sm.: Karapetjan L.M. Federativnoe ustrojstvo Rossijskogo gosudarstva. M.: Norma, 2001. S. 95—96.

¹¹ Sm.: Varlamova N.V. Sovremennyj rossijskij federalizm ... S. 15.

¹² Sm.: Dobrynin N.M. Konstitucionno-pravovye osnovy otnoshenij kraja ili oblasti s vhodjashhimi v ih sostav avtonomnymi okrugami. Tjumen': Izd-vo Tjumen. gos. un-ta, 1998. S. 17.

¹³ Sm.: Nekrasov S.I. Rossijskij federalizm i nekotorye problemy razdelenija vlastnyh polnomochij po vertikalii // Zhurn. ros. prava. 1999. № 10. S. 69.

¹⁴ Sm.: Arinin A. Problemy razvitiya rossijskoj gosudarstvennosti v konce HH veka // Federalizm vlasti i vlast' federalizma. M.: TOO Intel, 1997. S. 11—15.

¹⁵ Sm.: Dobrynin N.M. K voprosu o razgranichenii predmetov sovmestnogo vedenija Rossijskoj Federacii i ee subektov // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 5. S. 92.

¹⁶ Sm.: Karapetjan L.M. Sovremennij rossijskij federalizm ... S. 151—152.

I. V. Bakhlov, S. G. Pilipenko. Formation of the Constitutional Model of Russian Federalism (1993—1999/2000)

The paper identifies the major issues of formation of Russian federalism in 1993—1999/2000 which largely determined its specificity: regional separatism, hidden unitarity of the federal model, asymmetry, contractual component in the development of the Russian model of federalism. A comparative analysis of the appraisals given in Russian publications is made.

Features of formation of the constitutional model of Russian federalism are distinguished: constitutional consolidation of federal relations was due to political interests of the then ruling federal elite and the compromise between it and most of the regional elites; the federal center used a much wider range of practices in its relations with the regions, both legal and other ones; attitudes of the majority of the constituent territories of the federation (represented by regional elites) towards the center were changing along the lines of strengthening loyalty.

According to the authors, the federal center made a number of steps in the direction of the classical model of federalism: areas of responsibility and powers are delimited vertically; formally the principle of equality was enshrined, etc. However, most of the elements of the Soviet model were preserved. The Russian model became a composite one combining elements of the Soviet and dualistic (classical) federalism. That is where the centralization intensified by the end of that stage and a gradual revival of «hidden unitarianism» came from. Russian contractual practice cannot be considered as an element of cooperative federalism because it was caused by the switch towards the legal framework of regional separatism, and, most importantly, it did not establish any effective mechanism of financial adjustment which is the most significant feature of the cooperative model.

BAKHLOV Igor Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Docent, Head of the Department of the World History and the World Political Process, National Research Mordovia State University.

PILIPENKO Sergei Gennadievich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of State and Administrative Law, National Research Mordovia State University.

В. А. КАШТАНЮК

АНТИОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛИТИКИ УКРУПНЕНИЯ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: Еврейская автономная область, Хабаровский край, регион, национальный фактор, субъект Российской Федерации, внешнеэкономическая деятельность

Key words: Jewish Autonomous Region, Khabarovsk Territory, region, ethnic factor, constituent region of the Russian Federation, foreign economic activities

В статье рассматривается политико-правовой статус Еврейской автономной области с момента образования до настоящего времени. Анализируются особенности культурно-исторического и экономического развития региона.

The paper discusses the political and legal status of the Jewish Autonomous Region since its formation up to date. The characteristic features of the historical and economic development of this region are analyzed.

После распада СССР активно шел процесс законодательного оформления субъектов Российской Федерации. Эта тенденция была характерна и для Дальневосточного региона. Во вновь образованных субъектах сложилась определенная система регионального управления, собственная нормативно-правовая база, стали формироваться на иных принципах экономические, социальные, культурные взаимоотношения между соседними регионами. Вместе с тем не ослабевает тенденция к укрупнению регионов. В связи с этим имеется ряд факторов, влияющих на позитивную и негативную оценку этих процессов населением исследуемых регионов.

В соответствии со ст. 65 Конституции РФ Еврейский автономный округ (ЕАО) является самостоятельным субъек-

КАШТАНЮК Валерия Александровна, доцент кафедры истории и архивоведения Приамурского государственного университета, кандидат исторических наук (г. Биробиджан).

ектом РФ¹. 5 февраля 2013 г. на сайте ЕАОmedia опубликованы высказывания депутатов Законодательной думы Хабаровского края о возможном присоединении территории ЕАО², что вызвало общественный резонанс. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть правовой, политический и исторический аспекты проблематики этого вопроса.

В 1934 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял постановление о присвоении Бирско-Биджанскому району официального статуса советской национальной единицы³. До 1991 г. Еврейская автономная область входила в состав Хабаровского края в соответствии со ст. 86, 87 гл. 11 Конституции СССР 1977 г. Конституционно закрепилось совместное ведение дел, общие экономические вопросы, единое руководство и т. п.

В истории ЕАО можно выделить особые этапы, каждый из которых имеет специфику развития и трансформации еврейской культуры. Первый этап (1918—1934 гг.) — с момента образования еврейского комиссариата (ЕВКОМ), рождения идеи о создании территориального образования и до официального факта создания ЕАО. С 1928—1934 гг. происходило заселение территории будущей ЕАО, формировался образ «советского еврея». В этот период первыми переселенцами был заложен фундамент последующего экономического развития области, определена специфика хозяйственного развития (в дальнейшем в регионе преимущественно развивается сельское хозяйство, легкая промышленность)⁴.

Второй этап — с 7 мая 1934 г. с момента присвоения области официального статуса до 1991 г. До 1934 г. еврейские переселенцы являлись составной частью всех советских евреев, уже с 1930-х гг. начинает складываться, развиваться история евреев отдельного национального образования на конкретной территории. Так, например, культурная жизнь в ЕАО постепенно приобретала этническую окраску: в селах, основанных еврейскими переселенцами (Валдгейм, Бирофельд, Амурзет, Найфельд) появляются клубы и библиотеки, где культурные мероприятия велись на двух языках: идише и иврите. В 1967 г. появляется еврейский народный театр имени Шолом-Алейхема, в 1970-х — камерный еврейский музыкальный театр. В этот период в сознании евреев области формируется фактор территории, хотя и созданной искусственно и под влиянием политического фактора.

Безусловно, под влиянием советской идеологии религиозная составляющая значительно ослабла (1920—1930-е гг.), а в определенный период можно констатировать ее исчезновение (1934—1980-е гг.). Однако в Еврейской автономной области в отрыве от иудаизма сохранились музыкальная культура, еврейская кухня, театр⁵. ЕАО до 1990-х гг. входила в состав Хабаровского края, но стала регионом с собственной историей и традициями, у ее жителей сложился особый этнокультурный менталитет. 1990-е гг. можно считать началом возрождения еврейской культуры в области, во многом благодаря деятельности религиозных общин «Бейт Тшува» и «Фрейд»; театра «Когелет», воссозданного в 1989 г.; систематически проводимым фестивалям еврейской национальной культуры; активной деятельности творческих коллективов; популяризации еврейской культуры в образовательных учреждениях (детских садах, школах области)⁶.

В то же время социально-экономический кризис первой половины 90-х гг. XX в. значительно ухудшил положение населения, существенно снизил уровень жизни людей. Усугублялось положение и без того не очень высокими показателями экономического развития области: небольшое количество промышленных предприятий, отдаленность от поставщиков сырья, ограниченность рынков сбыта. Это усиливало кризисные явления в экономике, способствовало закрытию и ликвидации предприятий, сокращению числа рабочих мест. В таких условиях было сложно развиваться также и частному предпринимательству. В основном оно сводилось к торговле импортными товарами широкого потребления, к так называемому «челночному бизнесу»⁷.

В условиях возрождения национального самосознания в первой половине 90-х гг. XX в. начинается обсуждение вопроса взаимоотношений ЕАО с Хабаровским краем (споры политиков местного уровня, публикации в СМИ, обсуждения на бытовом уровне). Полемика была посвящена политическим, экономическим проблемам. Общественное мнение, точки зрения представителей региональных властей нашли свое отражение в прессе⁸.

Следует отметить, что публицистическая полемика не имела практического результата. Совет народных депутатов ЕАО не принимал решения об изменении государственно-правового статуса области, о ее выходе из административного

подчинения Хабаровскому краю. Однако 5 апреля 1991 г. съезд народных депутатов РСФСР признал право автономных областей и автономных округов на выход из состава краев и областей⁹. Первоначально «самостоятельность» ЕАО была оформлена Федеративным договором от 31 марта 1992 г.¹⁰, а юридически — Конституцией РФ 1993 г.

Таким образом, в соответствии с внесенными изменениями в законодательство РФ в Еврейской автономной области как субъекте РФ происходит ряд значительных изменений.

Во-первых, все субъекты РФ получили право участвовать в международных и внешнеэкономических связях, но не могли заключать с другими государствами договоры политического характера, образовывать внутренние федерации¹¹. Согласно Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г., международные договоры РФ, затрагивающие вопросы, относящиеся к ведению субъекта Федерации, заключаются по согласованию с органами власти заинтересованного субъекта¹². В соответствии с Федеральным законом «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации»¹³ ЕАО получила право самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность, распоряжаться собственными ресурсами. Развитие внешнеэкономических связей области проходило под влиянием смены приоритетов во внешней политике России: смещение акцентов в сторону тихоокеанского направления. Китай, Япония, Республика Корея являлись в этот период основными внешнеторговыми партнерами предприятий области, на эти страны традиционно приходилась основная часть внешнеторгового оборота.

В 90-е гг. XX в. основным внешнеторговым партнером области была Китайская Народная Республика. В отдельные годы на ее долю приходилось до 90 % внешнеторгового оборота. Кроме того, осуществлялось сотрудничество и товарообмен с Японией, Республикой Корея, США, Израилем. В 1996 г. основными партнерами были компании стран дальнего зарубежья, на долю которых приходилось 88,4 % объема внешнеторгового оборота. С 1995 г. инвестирование в экономику области иностранного капитала вступило в фазу «спокойного ожидания» и постепенную ее переориентацию в сферу производства. Определенным стимулом для повыше-

ния интереса иностранных инвесторов к производственному сектору экономики области стала возможность приватизации в России производственных объектов, введение налоговых льгот на территории области¹⁴.

С 1 октября 1996 г. вступил в силу «Закон Еврейской автономной области о государственных символах ЕАО»¹⁵. В соответствии со ст. 2 гл. II закона Еврейская автономная область как субъект РФ, обладает собственными символами государственно-правового статуса: флагом и гербом. Флаг ЕАО представляет собой белое прямоугольное полотнище, на горизонтальной оси которого расположена цветная полоса, символизирующая радугу, состоящая из семи узких горизонтальных полосок: красной, оранжевой, желтой, зеленой, голубой, синей и фиолетовой¹⁶. В центре герба изображен золотой уссурийский тигр с черными полосами согласно натуральной окраске. Фигура тигра развернута вправо от зрителя, что указывает на необычную историю и своеобразный путь развития области»¹⁷.

С началом 2000-х гг. наметился новый этап в развитии области. Например, существенно сократилось число желающих уехать в Израиль, и наметилась обратная тенденция — возвращение людей из Израиля¹⁸. С 2000—2005 гг. количество вернувшихся составило 531 чел.¹⁹ Это является следствием стабилизации экономики, возрождения национальной гордости, социальной стабилизации, восстановления престижа России на мировой арене. Процесс укрепления государственной власти предполагает постепенное формирование базовых ценностей общественной жизни. Эти изменения в России повлияли на миграционные потоки из Израиля.

В Российской Федерации наметилась тенденция укрупнения регионов²⁰. Первым шагом на этом пути стало образование в мае 2000 г. семи федеральных округов, ставших дополнительным звеном государственно-административного управления. Эти территориальные образования не имеют статуса субъектов, но выполняют контрольные функции и находятся в ведении полномочных представителей президента. Этот шаг укрепил «вертикаль» власти и показал свою эффективность²¹. Процесс укрупнения субъектов Федерации начался с подписания Президентом РФ В. В. Путиным в 2004 г. Федерального закона «Об образовании в составе РФ нового субъекта Российской Федерации в результате объ-

единения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа»²².

Один из самых острых вопросов укрупнений — слияние административных образований с национальными автономиями, многие из которых крайне болезненно воспринимают идею лишения автономного статуса, видя в нем залог дальнейшей потери национальной идентичности. Эта проблема обсуждалась на федеральном и региональном уровне, в научной среде и СМИ²³. Что касается взаимоотношений ЕАО и Хабаровского края, главное отличие современной полемики от ситуации 90-х гг. XX в., на наш взгляд, состоит в более размытых формулировках, отсутствии конкретики аргументов «за» и «против».

Надо отметить, что в настоящее время свыше 80 % областной казны идет на меры социальной поддержки, содержание бюджетной сферы. По оценке специалистов, ситуация с наполнением областного бюджета должна кардинально измениться. В первую очередь это связано с реализацией на территории ЕАО и Амурской области масштабного частного инвестиционного проекта по добыче и переработке железной руды. В автономии проект получил название Биробиджанский промышленно-транспортный узел и включает в себя строительство Кимкано-Сутарского горно-обогатительного комбината, металлургического завода и железнодорожного моста через пограничный Амур в Китай в районе с. Нижнеленинское. Комбинат на данном этапе строится и начнет работать с 2015 г. Чуть позже будет возведен и мост. Запуск в эксплуатацию только этих двух объектов должен вывести бюджет автономии на принципиально другой уровень доходности²⁴. Иными словами, фактически у ЕАО есть основания и «возможности, чтобы участвовать в развитии ДВ» самостоятельно.

На наш взгляд, именно возможность реализации грандиозных, приносящих экономическую прибыль проектов и привлекает внимание соседних регионов.

В ч. 2 ст. 65 Конституции РФ предусматривается возможность изменения состава Российской Федерации. Подобное может происходить путем принятия в Российскую Федерацию субъекта иностранного государства или его части; образования в ее составе нового субъекта в результате объединения существующих субъектов, вычленения

из существующих субъектов самостоятельных образований, обретения включенным в федерацию субъектом новой государственно-правовой формы (перехода из одного вида субъекта в другой), изменения конституционно-правового статуса субъекта. Статус субъекта Федерации не может быть изменен Федерацией в одностороннем порядке, он не может быть изменен и самим субъектом. Народ имеет право выбрать новую форму самоопределения России, но изменение статуса государственного образования в составе Федерации — ее субъекта требует согласия Федерации и субъекта.

Таким образом, статус Еврейской автономной области в качестве самостоятельного субъекта Российской Федерации закреплен конституционно, поэтому без учета мнения граждан (проведение референдума в ЕАО, Хабаровском крае) и определенных законодательных процедур не может быть изменен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Конституция РФ 1993. Ст. 65. Гл. 3.

² См.: Объединение ЕАО и Хабаровского края. URL: <http://eaomedia.ru/news/politics/13.02.2013> (дата обращения: 20.07.2013).

³ Административно-территориальное устройство ЕАО. 1858—2003. Хабаровск, 2004. С. 265.

⁴ Там же. С. 45—49.

⁵ См.: Примак П.В. Этнокультурная адаптация евреев Еврейской автономной области к общественным трансформациям на рубеже XX—XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2011. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ См.: Каштанюк В.А. Развитие внешнеэкономических связей ЕАО в 1990-е гг. // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX в.: материалы Междунар. науч. конф., 11—12 мая 2005 г. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2005. Ч. 2. С. 191—197.

⁸ См.: Еврейская идея на границе с Китаем // Нов. время. 1993. № 21.

⁹ См.: Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. М., 1991. № 16. Ст. 501.

¹⁰ См.: Государственный архив ЕАО Ф 500 ОП 1 Д7а. С. 73.

¹¹ См.: Пустогаров В.В. Международные связи субъектов Российской Федерации и их правовое регулирование // Государство и право. 1994. № 7. С. 21—26.

¹² См.: Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г. // ФЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

¹³ См.: Федеральный закон РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

- ¹⁴ См.: Материалы Управления международных и внешнеэкономических связей Правительства ЕАО.
- ¹⁵ См.: Гуревич В. С. Все о Еврейской автономной области. Биробиджан: Этнос-ДВ, 1997. 225 с.
- ¹⁶ См.: Закон Еврейской автономной области о государственных символах ЕАО (Закон ЕАО от 31.07.1996 г. № 18-ОЗ (ред. от 30.01.2008 г.) «О государственных символах Еврейской автономной области»).
- ¹⁷ См.: Закон ЕАО от 23.04.2008 г. № 369-ОЗ (ред. от 25.03.2009 г.) «О государственных символах Еврейской автономной области» (принят Законодательным Собранием ЕАО от 23.04.2008 г.).
- ¹⁸ См.: Государственный архив ЕАО. Ф. Р-302. Оп. 3. Д. 12. Л. 58.
- ¹⁹ См.: Население Еврейской автономной области: стат. сб. / Евростат, 2007. С. 55.
- ²⁰ См.: Большая актуальная политическая энциклопедия. URL: <http://politike.ru> (дата обращения: 13.06.2013).
- ²¹ См.: Малчинов А. Конституционно-правовые механизмы укрупнения субъектов Российской Федерации // Власть. 2006. № 6. С. 27—31.
- ²² См.: Большая актуальная политическая энциклопедия ...
- ²³ См.: Карапетян М.Г. Правовая политика в сфере укрупнения субъектов РФ: понятие, цели и приоритеты // Ленингр. юрид. журн. 2009. № 2. С. 184—192; Колмогорова Д.М. Федеративный процесс и укрупнение российских регионов: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2008. 161 с.; Российская практика укрупнения субъектов Федерации: общие подходы // Актуальные проблемы совершенствования состава субъектов Российской Федерации: анализ. вестн. Совета Федерации ФС РФ. 2005. № 16. С. 18—23.
- ²⁴ См.: Объединение ЕАО и Хабаровского края <http://eaomedia.ru/news/politics/13.02.2013> (дата обращения: 13.06.2013).

Поступила 13.09.2013.

REFERENCES

- ¹ См.: Конституция РФ 1993. Ст. 65. Гл. 3.
- ² См.: Обединение ЕАО и Хабаровского края. URL: <http://eaomedia.ru/news/politics/13.02.2013> (дата обращения: 20.07.2013).
- ³ Административно-территориальное устройство ЕАО. 1858—2003. Хабаровск, 2004. С. 265.
- ⁴ Там же. С. 45—49.
- ⁵ См.: Primak P.V. Jetnokul'turnaja adaptacija evreev Evrejskoj avtonomnoj oblasti k obshhestvennym transformacijam na rubezhe XX—XXI vv. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. С. 7.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Kashtanyuk V.A. Razvitie vneshneekonomicheskikh svjazej EAO v 1990-e gg. // Rossiya i strany ATR v voennykh konfliktah i mirovykh vojnah XX v.: materialy Mezhdunar. nauch. konf., 11—12 maja 2005 g. Habarovsk: Izd-vo HGPU, 2005. Ch. 2. S. 191—197.

- ⁸ См.: Evrejskaja ideja na granice s Kitaem // Nov. vremja. 1993. № 21.
- ⁹ См.: Vedomosti sezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta RSFSR. M., 1991. № 16. St. 501.
- ¹⁰ См.: Gosudarstvennyj arhiv EAO F 500 OP 1 D7a. S. 73.
- ¹¹ См.: Pustogarov V.V. Mezhdunarodnye svjazi subektov Rossijskoj Federacii i ih pravovoe regulirovanie // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 7. S. 21—26.
- ¹² См.: Federal'nyj zakon «O mezhdunarodnyh dogovorah Rossijskoj Federacii» ot 15 ijulja 1995 g. // FZ RF. 1995. № 29. St. 2757.
- ¹³ См.: Federal'nyj zakon RF. 1995. № 29. St. 2757.
- ¹⁴ См.: Materialy Upravlenija mezhdunarodnyh i vneshneekonomicheskikh svjazej Pravitel'stva EAO.
- ¹⁵ См.: Gurevich V. S. Vse o Evrejskoj avtonomnoj oblasti. Birobidzhan: Jetnos-DV, 1997. 225 s.
- ¹⁶ См.: Закон Еврейской автономной области о государственных символах ЕАО (Закон ЕАО от 31.07.1996 г. № 18-ОЗ (ред. от 30.01.2008 г.) «O gosudarstvennyh simvolah Evrejskoj avtonomnoj oblasti»).
- ¹⁷ См.: Закон ЕАО от 23.04.2008 г. № 369-ОЗ (ред. от 25.03.2009 г.) «O gosudarstvennyh simvolah Evrejskoj avtonomnoj oblasti» (prinjat Zakonodatel'nym Sobranie EAO ot 23.04.2008 g.).
- ¹⁸ См.: Gosudarstvennyj arhiv EAO. F. R-302. Op. 3. D. 12. L. 58.
- ¹⁹ См.: Naselenie Evrejskoj avtonomnoj oblasti: stat. sb. / Evrastat, 2007. S. 55.
- ²⁰ См.: Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija. URL: <http://politike.ru> (дата обращения: 13.06.2013).
- ²¹ См.: Malchinov A. Konstitucionno-pravovye mehanizmy ukрупnenija subektov Rossijskoj Federacii // Vlast'. 2006. № 6. S. 27—31.
- ²² См.: Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija ...
- ²³ См.: Karapetjan M.G. Pravovaja politika v sfere ukрупnenija subektov RF: ponjatie, celi i prioritety // Leningr. jurid. zhurn. 2009. № 2. S. 184—192; Kolmogorova D.M. Federativnyj process i ukрупnenie rossijskih regionov: dis. ... kand. polit. nauk. Perm', 2008. 161 s.; Rossijskaja praktika ukрупnenija subektov Federacii: obshhie podhody // Aktual'nye problemy sovershenstvovanija sostava subektov Rossijskoj Federacii: analit. vestn. Soveta Federacii FS RF. 2005. № 16. S. 18—23.
- ²⁴ См.: Обединение ЕАО и Хабаровского края <http://eaomedia.ru/news/politics/13.02.2013> (дата обращения: 13.06.2013).

V. A. Kashtanyuk. Anti-Unifying Trends in Enlargement of the Far East Regions of the Russian Federation

Since the mid-1990's to date, there remains a trend towards enlargement of regions both on the federal and regional levels. The Jewish Autonomous Region is a separate constituent territory of the Russian Federation. In 2013, the idea of possible accession of the region's territory was voiced which caused public response. What were the facts and events that could lead to such an assumption?

Distinctive history of the region is original and unique, it is associated with the peculiarities of creation and development of this ethnic formation. It is possible to allocate special stages in the history of the Jewish Autonomous Region each of which has its own specific development and transformation of the Jewish culture. The first stage (1918—1934) was the settlement of the future Jewish Autonomous Region's territory; the image of a «Soviet Jew» was formed. The second stage started from May 7, 1934, the moment the area was given its official status, until 1991. Until the 1990's, the region was part of the Khabarovsk Territory; in the absence of certain «independence», it became a region with its own history, its residents formed a special ethno-cultural appearance. All this made it possible to show its national awareness in the late 1980's—1990's which manifested itself in various aspects (development of the Jewish ethnic culture, possibility of independent political and economic development of the region as a separate federal subject).

Since the 1990's the discussion of «relationships» between the Jewish Autonomous Region and the Khabarovsk Territory has begun: debates of politicians at a local level, publications in mass media, everyday discussions in buses and kitchens. The Russian Constitution enshrined the federal structure of Russia of the 89 constituent regions, which were recognized republics within the Russian Federation, territories, regions, cities of federal importance, an autonomous region and autonomous areas. Becoming the subject of the Russian Federation, the Jewish Autonomous Region received the right to carry out foreign trade, manage their own resources. The 1990's were a period of rapid development for the Jewish Autonomous Region, there were changes in the political, economic, social and cultural spheres.

Since the beginning of the 2000's, a new stage in the development of the region has begun. Currently, on the territory of the Jewish Autonomous Region and the Amur Region a large-scale private investment project is being implemented for production and processing of iron ore. In the autonomous region this project was called «the Birobidzhan industrial and transport hub», and includes the construction of Kimkan and Sutara ore-dressing plant, a metallurgical works and a rail bridge near the village of Nizhneleninskoye across the frontier Amur River to China. The plant is currently under construction and will be commissioned in 2015. Later, the bridge will also be erected. Commissioning of only these two projects should, due to the increase in tax revenues, bring the budget of the Autonomy to a fundamentally different level of profitability. That is, in fact, the Jewish Autonomous Region has all the chances and opportunities to participate independently in the development of the Far East.

KASHTANYUK Valeria Aleksandrovna, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Amur State University, Candidate of Historical Sciences (Birobidzhan).

С. Г. ПЬЯНКОВА

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО И ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: монопрофильная территория, эффективность, устойчивость, институциональная среда

Key words: single-industry territory, efficiency, sustainability, institutional environment

Представлены различные направления создания институциональной среды монопрофильных территорий, рассмотрены примеры повышения устойчивости и эффективности развития институциональной среды моногородов, предложены пути повышения устойчивости и эффективности развития их институциональной среды.

Different directions of creating institutional environment for single-industry territories are presented in this paper; examples of increased sustainability and efficiency of development of the institutional environment single-industry towns are given; ways to improve the sustainability and efficiency of development of their institutional environment are suggested.

Вопросы динамичного развития городов, устойчивого, равномерного и эффективного развития их институциональной среды на современном этапе активно обсуждаются. Особенно актуальны эти вопросы для монопрофильных территорий, которые наиболее чувствительны к кризисным явлениям. Проблема устойчивого развития городов была впервые обозначена Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию». Согласно Указу, переход к устойчивому развитию должен был обеспечить комплексное решение социально-экономических проблем, сохранение природно-ресурсного потенциала страны и окружающей среды для удовлетворения потребностей сегодняшних и будущих поколений российских граждан.

ПЬЯНКОВА Светлана Григорьевна, докторант Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург).

Ученые Института экономики Уральского отделения Российской академии наук (УрО РАН) указывают, что определение «устойчивость» подразумевает некое свойство структуры системы социально-экономического и природного взаимодействия. По отношению к столь сложному объекту, каким является территориальная социально-экономическая система региона с множеством взаимосвязей, определяющих устойчивость, такая оценка практически невозможна. По теории устойчивости в этом случае рекомендуется оценивать устойчивость движения (процесса) в заданных пределах, т. е. устойчивое развитие»¹. Многие ученые связывают устойчивость развития города с функционированием его эффективной институциональной системы².

Ряд ученых предложили пути повышения эффективности деятельности институтов развития, как основного фактора улучшения институциональной среды территорий. Ю. Симачев, М. Кузык указывают, что необходимо привести в соответствие деятельность институтов развития с «провалами рынка». По их мнению, деятельность институтов развития должна способствовать постепенному сокращению «провалов рынка». Принципиальным условием совершенствования системы институтов развития является регулярное проведение внешней оценки их деятельности³. А. И. Татаркин подчеркивает, что в рамках федерального бюджета должен быть создан резервный фонд для поддержки моногородов, особенно тех, которые выполняют социальную и политическую функцию государства⁴. Е. Копелян отмечает, что следует создать координирующий центр или агентство стратегического развития области, которое бы занималось анализом возможностей региона, помогало Правительству области в разработке стратегии развития, анализировало возможности привлечения инвестиций в регион и давало рекомендации по созданию тех или иных необходимых для полноты картины институтов развития. В качестве аналогии создания такой структуры можно взять федеральный центр стратегических разработок. При этом необходимо учитывать, что разные федеральные ведомства перераспределяют разные ресурсы по совершенно различным механизмам. Соответственно, для каждого направления инновационной деятельности должен быть создан свой институт развития⁵.

О. Г. Солнцев, М. Ю. Хромов, Р. Г. Волков представили основные направления программ совершенствования институтов развития.

Программы антициклической поддержки национальных рынков: предоставление кредитов банками развития предприятиям трудоемких отраслей на погашение ранее полученных коммерческих ссуд; помощь коммерческим банкам в секьюритизации низколиквидных активов и их рефинансировании на рынке; покупка у коммерческих банков проблемных и низколиквидных активов, урегулирование проблемной задолженности; помощь промышленным компаниям по стабилизации их финансового положения и реструктуризации активов; приобретение банками развития за свой счет акций частных компаний или проведение правительственной подписки на них для предотвращения резкого снижения их курсовой стоимости; реорганизация промышленных компаний путем подготовки и финансирования сделок слияний и поглощений; поддержка незавершенных по форс-мажорным причинам проектов частных инвесторов в приоритетных сферах.

Программы финансовой и организационной поддержки малого и среднего бизнеса: инструменты финансирования основного и оборотного капиталов — ссуды на формирование оборотного капитала, лизинг оборудования, рефинансирование стандартизованных банковских ссуд малому и среднему бизнесу, участие в капитале малых и средних предприятий; гарантийные и страховые инструменты — предоставление гарантий по ссудам, страхование инновационных и внешнеторговых рисков; инструменты технической поддержки — консалтинг, подбор и подготовка кадров, проведение тренингов и семинаров, организация обмена опытом, технической и деловой информацией, помощь в поиске источников финансирования и др.

Программы развития систем микрофинансирования малого бизнеса и социальной инфраструктуры: организационная поддержка формирования сетей микрофинансовых организаций; субсидирование отдельных видов расходов микрофинансовых организаций; целевое кредитование микрофинансовых организаций; рефинансирование кредитов коммерческих банков микрофинансовых организаций⁶.

Для повышения устойчивости и эффективности развития институциональной среды по данным Министерства эконо-

мики Свердловской области реализуются меры горнорудного комплекса (Качканар и др.), черной (Полевской, Нижний Тагил и др.) и цветной металлургии (Каменск-Уральский, Краснотурьинск и др.). Одним из механизмов повышения устойчивости моногородов могут быть меры государственной поддержки, в том числе из институтов развития. После кризиса 2009 г. такие меры нашли широкое распространение в России.

Во Франции, Германии осуществлялось льготное государственное кредитование; участие в капитале крупных банков, страховых компаний и фондовых бирж; государственные вложения на восстановление новых федеральных земель; страхование экспортных рисков из федерального бюджета; проведение операций по экспортному кредитованию; действие программ стимулирования малого и среднего бизнеса (предоставление финансовой помощи, консультационные и информационные услуги); большинство банков являются государственными⁷. В США, Великобритании создали сеть фондов венчурного капитала, работающих на основе частного бизнеса при государственной поддержке; создана служба малого бизнеса, которая занимается координацией государственных программ; государство оказывает поддержку лишь молодым и быстро развивающимся предприятиям, но не расходует ресурсы на помощь убыточным компаниям⁸. В Японии 35 % ВВП приходится на общественный сектор. В него входит система подрядных работ и закупок на бюджетные средства, в которой государство выступает как рыночный агент, а также предпринимательский сектор, где государство является полным или частичным собственником⁹. Основные направления государственной поддержки малого и среднего бизнеса — помощь в привлечении частного финансирования, финансирование экспортных операций и выдача специализированных кредитов в национальной валюте¹⁰.

Более устойчивое и эффективное развитие институциональной среды монопрофильных территорий, на наш взгляд, возможно достичь за счет саморазвития территории при комплексном подходе.

При дефиците местных бюджетов, периодическом секвестировании средств в региональных и федеральных бюджетах, необходимо изыскивать собственные невыявленные ресурсы и пересмотреть стратегические подходы управления

в контексте саморазвития монопрофильного города. Для этого в рамках соглашений по развитию государственно-частного партнерства можно предложить в монопрофильных территориях составлять прогнозы возникающих кризисных явлений (с учетом федеральных и региональных прогнозов на среднесрочный период); составлять дорожные карты по решению внутренних и частично внешних проблем моногородов; создавать институты развития социальной инфраструктуры за счет средств предприятий и предпринимателей, а также благотворительных средств населения города; в сфере ЖКХ строить частные локальные энерго- и коммунальные системы для диверсификации проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве; в сфере торговли и сельского хозяйства централизовать закупки бюджетных учреждений для поддержки местных производителей; предоставлять преференции жителям, имеющим дачные участки для развития частного растениеводства и животноводства в городе; в сфере малого и среднего бизнеса открывать предприятия, имеющие безотходный, энергосберегающий, поточный цикл производства; в сфере дорожного строительства развивать предприятия, имеющие сопутствующие отходы для засыпки и ремонта дорог города; в сфере экологической безопасности предоставлять преференции предприятиям, имеющим экологически безвредное производство; в сфере промышленности составлять программы повышения производительности труда в моногородах за счет технологического перевооружения предприятий, создания новых видов экспортно ориентированной и импортозамещающей продукции, модернизации действующих рабочих мест и создания новых высокопроизводительных рабочих мест; составление дорожных карт по привлечению инвесторов в монопрофильные города.

Таким образом, важным и необходимым становится изучение факторов, способствующих саморазвитию монопрофильных территорий. Саморазвитие территорий является одним из основных источников эффективного и устойчивого развития институциональной среды моногородов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Реструктуризация регионального промышленного комплекса: от индустриальной к социально ориентированной модели / под общ. ред. А.И. Татаркина: в 2 т. М.: ЗАО «Издательство „Экономика”», 2005. Т. 2. С. 90.

² См.: Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. 240 с.; Ковалева Т.Ю. Проблема институциональной неэффективности в развитии интеллектуального предпринимательства // Вестн. УГТУ-УПИ. 2009. № 4. С. 26—36; Андреев А.А. Проблемы устойчивого развития муниципальных образований в посткризисный период. URL: <http://municipal.uara.ru/ru-ru/issue/2011/01/05> (дата обращения: 15.06.2013); Николаев В.А. Формирование институциональной среды муниципальных экономических систем. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/nikolaev32.html> (дата обращения: 15.06.2013); Заславская Т.И. Социальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М., 2003. 568 с.

³ См.: Симачев Ю., Кузык М. Институты в развитии // Прямые инвестиции. 2010. № 4. С. 21.

⁴ См.: Проблема моногородов. Пути выхода из тупика // Заседание Екатеринбургского отделения Клуба политического действия «4 ноября». 2009. 14 с.

⁵ См.: Степанова В. Магнит для федеральных денег // Эксперт-Урал. 2008. № 1. С. 12.

⁶ См.: Солнцев О.Г., Хромов М.Ю., Волков Р.Г. Институты развития: анализ и оценка мирового опыта. URL: <http://institutiones.com/general/1386-institutu-razvitiya.html> (дата обращения: 21.06.2013).

⁷ См.: Юнблюд Д. Социально-экономические модели развитых стран: основные особенности, эффективность, перспективы // Общество и экономика. 2007. № 7. С. 99—147.

⁸ Там же.

⁹ См.: Леонтьева Е.Л. Государственный сектор: реформа бюджетной системы и новый круг приватизации. Япония сегодня. URL: <http://www.jarantoday.ru/associationrus/2.shtml> (дата обращения: 17.06.2013).

¹⁰ См.: Osamu Tsukahara. SME Financing in Japan. URL: <http://www.Jasme.go.jp/indexe> (дата обращения: 23.06.2013).

Поступила 25.10.2013.

REFERENCES

¹ См.: Restrukturizacija regional'nogo promyshlennogo kompleksa: ot industrial'noj k social'no orientirovannoj modeli / pod obshh. red. A.I. Tatarikina: v 2 t. M.: ZAO «Izdatel'stvo „Jekonomika”», 2005. T. 2. S. 90.

² См.: Klejner G.B. Jevoljucija institucional'nyh sistem. M.: Nauka, 2004. 240 s.; Kovaleva T.Ju. Problema institucional'noj nejeffektivnosti v razvitii intellektual'nogo predprinimatel'stva // Vestn. UGTU-UPI. 2009. № 4. S. 26—36; Andreev A.A. Problemy ustojchivogo razvitiya municipal'nyh obrazovanij v postkrizisnyj period. URL: <http://municipal.uara.ru/ru-ru/issue/2011/01/05> (дата обращения: 15.06.2013); Nikolaev V.A. Formirovanie institucional'noj sredy municipal'nyh jekonomicheskijh sistem. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/nikolaev32.html> (дата обращения: 15.06.2013); Zaslavskaja T.I. Social'naja transformacija rossijskogo obshhestva: dejatel'nostno-strukturnaja koncepcija. M., 2003. 568 s.

³ См.: Simachev Ju., Kuzyk M. Instituty v razvitii // Prjamyje investicii. 2010. № 4. S. 21.

⁴ См.: Problema monogorodov. Puti vyhoda iz tupika // Zasedanie Ekaterinburgskogo otdelenija Kluba politicheskogo dejstvija «4 nojabrja». 2009. 14 s.

⁵ См.: Stepanova V. Magnit dlja federal'nyh deneg // Jekspert-Ural. 2008. № 1. S. 12.

⁶ См.: Solncev O.G., Hromov M.Ju., Volkov R.G. Instituty razvitija: analiz i oценка mirovogo opyta. URL: <http://institutiones.com/general/1386-institutu-razvitiya.html> (дата обращения: 21.06.2013).

⁷ См.: Jungbljud D. Social'no-jekonomicheskie modeli razvityh stran: osnovnye osobennosti, jeffektivnost', perspektivy // Obshhestvo i jekonomika. 2007. № 7. S. 99—147.

⁸ Там же.

⁹ См.: Leont'eva E.L. Gosudarstvennyj sektor: reforma bjudzhetnoj sistemy i novyj krug privatizacii. Japonija segodnja. URL: <http://www.jarantoday.ru/associationrus/2.shtml> (дата обращения: 17.06.2013).

¹⁰ См.: Osamu Tsukahara. SME Financing in Japan. URL: <http://www.Jasme.go.jp/indexe> (дата обращения: 23.06.2013).

S. G. Pyankova. Issue of Sustainable and Effective Development of the Institutional Environment of Single-Industry Territories

For dynamic urban development, issues of sustainable, even and effective development of their institutional environment are important and widely discussed. These issues are particularly relevant for single-industry territories that are most sensitive to crises.

Definitions of the criterion for the «efficiency of institutional environment» proposed by G. B. Kleiner, T. Yu. Kovaleva, A. A. Andreyev, V. A. Nikolaev, and T. I. Zaslavskaya are given in this paper. The ways to increase the efficiency of development of institutions proposed by scientists are considered being the main factor in improving the institutional environment of territories. Practical examples of increase in sustainability and efficiency of development of institutional environment of single-industry towns of the Sverdlovsk Region are also given (Kachkanar, Polevskoy, Nizhny Tagil, Kamensk-Uralsky, Krasnoturyinsk); measures of state support for single-industry towns in foreign countries are analyzed; ways to improve the sustainability and efficiency of the development of institutional environment of single-industry territories are suggested.

Study of institutional environment of single-industry towns becomes topical for scientists and researchers studying formation of dynamic socio-economic development of single-industry territories of the Russian Federation.

PYANKOVA Svetlana Grigorievna, Doctoral Student at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg).

Ю. Г. АКИМОВ

«СЕВЕРНЫЙ ПЛАН» КАНАДСКОЙ ПРОВИНЦИИ КВЕБЕК: ВНУТРИ- И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: Квебек, Север, освоение, «Северный план», выборы, внешние связи

Key words: Quebec, North, development, «Plan Nord», elections, external relations

Статья посвящена выяснению роли Арктики в политике канадской провинции Квебек. Особое внимание уделяется «Северному плану» развития северных районов и перспективам его реализации

The paper is devoted to clarification of the role of the Arctic in the policies of the Canadian province of Quebec. Particular attention is paid to the «Plan Nord» for development of the northern regions and to the prospects of its implementation.

Франкоязычная провинция Квебек занимает особое место в Канадской федерации не только в силу своей культурно-лингвистической специфики. Политика, проводимая ею в различных сферах, существенно отличается от общеканадской. В частности, Квебек (или как его часто неофициально называют Прекрасная провинция) активно развивает внешние связи — причем не только с субъектами других федераций, но и с суверенными государствами и межгосударственными объединениями. В современном мире в сфере парадипломатии (или субъектно-территориальной дипломатии) Квебек является одним из наиболее активных акторов¹.

С начала XXI в. квебекское руководство стало уделять повышенное внимание развитию обширных северных районов Прекрасной провинции. В данной статье речь пойдет о «Северном плане», выдвинутом квебекским руководством в 2011 г., его международном звучании и перспективах его реализации в свете результатов провинциальных выборов 2012 г.

АКИМОВ Юрий Германович, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук.

Квебек является самой крупной по территории канадской провинцией (1,5 млн км²). При этом большую часть его территории составляют северные районы, расположенные в зоне арктического и субарктического климата. Также Квебек является единственной канадской провинцией, пределы которой простираются за 60-ю параллель, которая для «остальной Канады»² служит административной границей Севера (севернее 60-й параллели расположены федеральные территории — Нунавут, Северо-Западные и Юкон).

В административном плане более половины (55 %) территории Прекрасной провинции занимает регион Северный Квебек (Le Nord du Québec), равный по площади Франции и Бельгии, вместе взятыми. В рамках этого региона выделяется его самая северная часть, расположенная к северу от 55-й параллели — Нунавик (или Новый Квебек). В административном плане она образует особую единицу (territoire équivalent) или «региональную администрацию». Она была создана в 1978 г. и финансируется совместно квебекским и федеральным правительством.

Население квебекского севера крайне малочисленно — во всем регионе Северный Квебек проживает 0,5 % населения Прекрасной провинции (около 40 тыс. чел.). При этом в Нунавике насчитывается всего 11,6 тыс. жителей (главным образом инуитов). По условиям соглашений 1975 и 1978 гг. аборигены всего квебекского севера обладают широкой автономией и исключительными правами на охоту и рыболовство на специально выделенных для этого территориях общей площадью 170 тыс. км².

Квебекский север обладает колоссальным ресурсным потенциалом, который включает гидроресурсы, полезные ископаемые (в том числе редкоземельные металлы), лес, рекреационные ресурсы и т. п. До настоящего времени освоение квебекского севера шло достаточно медленно. Наиболее крупным проектом последних десятилетий было строительство масштабного комплекса гидроэлектростанций на реках, впадающих в залив Джеймса (часть Гудзонова залива) — так называемый Проект залива Джеймса (Projet de la Baie-James), который осуществлялся в несколько этапов, начиная с 1973 г. Однако этот проект затронул преимущественно западную часть региона Северный Квебек — региональную администрацию Жамези.

В 2008 г. в ходе очередной избирательной кампании в Национальную Ассамблею Квебека лидер квебекских либералов (находившихся в то время у власти в провинции) Ж. Шаре заявил о необходимости разработки специального «Северного плана», который должен дать мощный толчок развитию квебекского севера. Однако, одержав победу на выборах и сохранив за собой пост провинциального премьера, Шаре в последующие три года (2008—2010 гг.) не слишком часто вспоминал о «Северном плане», который не входил в число приоритетов политики его правительства (многие вообще воспринимали его лишь как элемент предвыборной риторики). Осенью 2009 г. Н. Нормандо провинциальный вице-премьер и министр природных ресурсов и фауны, отвечавшая за развитие севера, была вынуждена признать, что вопрос о плане еще находится на стадии разработки и консультаций³.

Однако в мае 2011 г. Ж. Шаре торжественно объявил о принятии «Северного плана» (le Plan Nord) — представляющего собой амбициозную программу комплексного освоения всего квебекского Севера, включая разработку его ресурсов и обеспечение устойчивого развития. При этом под севером понимались все территории, расположенные к северу от 49-й параллели, т. е. весь регион Северный Квебек, регион Кот-Нор (Северный берег) и значительная часть региона Сагене-лак-Сен-Жан (Сагене — озеро Сен-Жан).

Среди ключевых целей Северного плана было названо: создание современной инфраструктуры в Северном Квебеке (строительство железных и автомобильных дорог, портов, линий электропередач), 20 тыс. новых рабочих мест ежегодно; обеспечение качественного скачка в развитии традиционных отраслей экономики Северного Квебека (прежде всего в добыче полезных ископаемых); создание природоохранных зон на 50 % территории Северного Квебека; привлечение в Северный Квебек 200 тыс. туристов ежегодно⁴.

«Северный план» рассчитан на 25 лет (при этом он делится на пять пятилетних планов). Он предусматривает инвестирование в общей сложности 80 млрд долл.⁵ государственных и частных средств. Очевидно, что авторы «Северного плана» рассчитывали с его помощью придать мощный импульс развитию экономики Прекрасной провинции, которая в настоящее время занимает отнюдь не

лидирующие позиции в Канаде. Здесь достаточно сравнить такие показатели как ВВП на душу населения или налоги на душу населения (например, в Альберте эти показатели почти в два раза выше).

Первая «пятилетка» осуществления «Северного плана» (2011—2016 гг.) предполагает инвестирование 2,1 млрд долл., из которых более половины (1,2 млрд) должно пойти на развитие инфраструктуры. 382 млн долл. будет потрачено на социальное развитие Севера (строительство жилья, организацию системы здравоохранения и образования, сокращение транспортных расходов для жителей севера). 80 млн долл. пойдет на подбор и обучение кадров.

В добывающей сфере эта пятилетка предусматривает осуществление 11 проектов разработки новых месторождений (меди, железа, никеля, золота, алмазов и др.). При этом квебекские власти надеются, что реализация этих проектов принесет в провинциальную казну 1,4 млрд долл. уже к 2016 г. В энергетическом секторе предполагается увеличение производства электроэнергии на 3 500 МВт (на 80 % за счет развития гидроэнергетики).

Для управления реализацией плана предполагается создание «Общества Северного плана». Соответствующий законопроект (Закон № 27) был в июне 2011 г. внесен в Национальную Ассамблею Квебека.

Правительство Шаре развернуло широкую пропаганду Северного плана, названного «стройкой поколения» (Le chantier d'une g n ration) и «проектом поколения». Квебекский север преподносится как последний неосвоенный регион на планете. Сам премьер-министр заявил: ««Северный план» — это проект для всех квебекцев. Его плоды будут принадлежать всем квебекцам. Все квебекцы будут акционерами «Северного плана»». В день презентации плана Шаре сказал журналистам: «Это самый счастливый день моей жизни как политика. Именно поэтому я и хочу заниматься политикой»⁶.

Для информационной поддержки проекта были созданы «Салон Северного плана» и «Форум Северного плана». Во второй половине 2011 — начале 2012 г. Ж. Шаре и другие квебекские лидеры совершили ряд зарубежных поездок, с целью привлечь внимание зарубежных инвесторов к «Северному плану». Прежде всего, это касалось Франции — страны,

с которой Квебек на протяжении полувека поддерживает «особые» отношения. Так, визит Ж. Шаре в Париж в конце 2011 г. был целиком посвящен северной тематике.

В целом «Северный план» вызвал большой интерес среди крупных добывающих компаний, причем не только из Квебека и «Остальной Канады», но и других стран — прежде всего из КНР, Индии, США и Европы. Уже в течение первого года осуществления «Северный план» был анонсирован рядом крупных инвестиционных проектов: ArcelorMittal (Люксембург) — 2,1 млрд долл. — развитие добывающего комплекса Монт-Райт и завода в Пор-Картье; New Millenium и компания Tata Steel (Индия) — 4 млрд долл. — проект KéMag; Xstrata (Швейцария) — 530 млн долл. — месторождение Паглан; Jilin Jien Nickel Industry (КНР) — 800 млн долл. — разработка никелевых месторождений; Adriana Resources совместно WISCO (Wuhan Iron and Steel) — от 11 до 13 млрд долл. — эксплуатация месторождения озеро Отелнук.

В то же время «Северный план» стал объектом бурных дискуссий, в ходе которых он подвергался суровой критике со стороны политических оппонентов Либеральной партии Квебека, а также общественных (прежде всего, экологических) организаций и аборигенных сообществ.

К числу наиболее часто встречающихся замечаний относилось утверждение о том, что «Северный план» на самом деле не является каким-то принципиально новым подходом к развитию северных областей, а представляет собой «зонтик» для множества отдельных проектов, так или иначе относящихся к квебекскому северу, которые существовали и ранее (будь то строительство социального жилья, некоторые инвестиционные проекты и т. п.). При этом указывалось, что отдельные положения Северного плана носят характер благих пожеланий, никак не обеспеченных финансированием.

Утверждалось также, что либералы выдвинули Северный план и начали его продвижение для того, чтобы отвлечь внимание общественности от имеющихся в провинции серьезных проблем и получить поддержку на выборах. Критика «слева» отмечала, что рабочих мест, которые должны быть созданы в ходе реализации Северного плана, слишком много. Также говорилось о том, что от его реализации выиграют транснациональные корпорации, получающие доступ

к дешевому сырью и ресурсам за счет инфраструктуры, которые будут создаваться на деньги квебекских налогоплательщиков.

Свои опасения по поводу реализации «Северного плана» также высказали экологические организации. По их мнению, экологические риски не просчитаны должным образом и хрупкой экосистеме севера может быть нанесен непоправимый ущерб. Полемизируя с экологами, Ж. Шаре отметил, что пространство, которое будут занимать добывающие предприятия, не превышает пространства, которое занимают в городах провинции гипермаркеты сети Wal-Mart⁷.

Что касается аборигенных сообществ, то они выражают недовольство тем, что создаваемая в рамках Северного плана транспортная инфраструктура (железнодорожные ветки, автодороги, трубопроводы и т. п.) будет проходить по территориям, которые в том или ином виде считаются их собственностью. Так, община индейцев инну (монтанье-наскапи) Уашат Мак Мани-Утенам выступила против строительства железной дороги между поселением Шеффервилл (на административной границе провинции Квебек и провинции Ньюфаундленд и Лабрадор) и портом Сет-Иль (на берегу залива Св. Лаврентия), предназначенной для транспортировки железной руды, добытой в рамках Северного плана. 27 сентября 2012 г. было опубликовано заявление общины о том, что она не позволит сооружать дорогу по планируемому маршруту, поскольку та проходит через охотничьи угодья индейцев⁸. Учитывая, что аборигенные сообщества в Канаде имеют широкие права и за последние десятилетия хорошо научились их отстаивать — это может стать большой проблемой (тем более, что аборигенные сообщества зависят не столько от провинциальных, сколько от федеральных властей).

1 августа 2012 г. по просьбе провинциального премьер-министра Ж. Шаре Национальная Ассамблея Квебека была распущена и на 4 сентября были назначены новые выборы. Они проводились в достаточно нервной обстановке, учитывая масштабные студенческие волнения, охватившие провинцию весной 2012 г. (так называемая «Кленовая весна»). Поводом для них стало решение провинциального правительства о поэтапном повышении стоимости обучения в вузах. Однако вскоре недовольство студентов перекинулось в том

числе и на «Северный план» (не в последнюю очередь из-за неосторожного высказывания Ж. Шаре, предложившего протестующим отправиться работать на Север)⁹. Поэтому в ходе предвыборной кампании «Северному плану» было уделено значительное внимание.

Квебекская партия («пекисты»), выступающая за суверенитет Квебека и являющаяся основным оппонентом квебекских либералов заявила о том, что она в целом положительно относится к развитию экономики северных районов провинции, однако считает необходимым внесение в «Северный план» значительных корректив. «Мы поддерживаем северное развитие» — заявила лидер Квебекской партии П. Маруа, но «мы видим это в ином ключе» нежели либералы¹⁰. «Пекисты» утверждали, что Северный план в том виде, в каком его отстаивают либералы, означает распродажу природных ресурсов Квебека по демпинговым ценам. Они выдвинули тезис о необходимости повышения отчислений добывающих предприятий в провинциальный бюджет с помощью введения дополнительного 30 % налога на сверхприбыли в сфере ресурсодобычи. Квебекская партия также выступила против вложения бюджетных средств в инфраструктурные проекты¹¹.

Коалиция Будущее Квебека (Coalition Avenir Quйbec) — политическая партия, впервые участвовавшая в провинциальных выборах, предложила вкладывать деньги региона в компании, которые действуют на севере. По мнению лидера Коалиции Ф. Лего, с этой целью следовало бы создать специальный провинциальный Фонд природных ресурсов¹².

Более резкая критика Северного плана звучала со стороны левого объединения Солидарный Квебек (Quйbec solidaire). Его лидер А. Хадир заявил, что правительство Шаре создает неолиберальный рай для крупного капитала за счет средств, вынутых из карманов жителей провинции¹³.

Ж. Шаре и квебекские либералы всячески отстаивали свое детище, подчеркивая его достоинства и опровергая критические доводы оппонентов. В частности, К. Жиньяк (министр природных ресурсов, отвечающий за «Северный план») отметил, что в Квебеке наиболее высокий налог на прибыль в добывающей отрасли (он увеличился с 12 до 16 %). По его словам, лучше иметь налог 16 % и много работающих проектов, чем налог 30 %, который не с кого брать¹⁴.

Выборы 4 сентября 2012 г. принесли победу Квебекской партии, однако ей не удалось получить большинства в Национальной Ассамблее — П. Маруа сформировала правительство меньшинства. Следует отметить, что «пекистов» поддержало большинство избирателей квебекского севера (они выиграли в округах Унгава, Дюплесси, Лак-Сен-Жан, Роберваль и Рене-Левек). Сразу же после формирования правительства перед П. Маруа встал вопрос о «Северном плане». Первоначально новый лидер Прекрасной провинции и ее министры предпочитали избегать этого словосочетания. Однако уже спустя месяц после выборов П. Маруа заявила, что оно никогда не являлось табу, хотя и повторила, что не со всеми положениями «Северного плана» согласна¹⁵. В ходе визита во Францию премьер-министр Квебека заявила: «Мы собираемся продолжать развивать север, уважая автохтонные народы и первые нации, которые занимают его территорию». При этом П. Маруа обратила внимание, что это развитие будет осуществляться «с некоторыми изменениями, которые мы собираемся привнести» в ближайшее время¹⁶.

Безусловно, новый премьер оказалась в щекотливой ситуации, поскольку годом раньше ряд крупных французских компаний проявили интерес к Северному плану, выразили готовность в нем участвовать и стали предпринимать конкретные шаги. Отношения с Францией всегда были чрезвычайно важны для Квебека. Тем более, это важно для Квебекской партии, отстаивающей суверенистский проект и остро нуждающейся в поддержке Парижа. Это тем более важно, если учитывать, что администрация Ф. Олланда вернулась к политике «ni-ni» (non-ingйrence, non indiffйrence, т. е. не вмешательство, не безразличие), которой Франция придерживается по отношению к Квебеку с 1970-х гг. и которая в целом устраивает «пекистов». Предыдущий президент Н. Саркози попытался отказаться от нее, крайне жестко заявив о своем неприятии идеи квебекского суверенитета. Поэтому неудивительно, что на встрече с представителями основного объединения французских предпринимателей MEDEF (Mouvement des entreprises de France) П. Маруа была вынуждена занять гибкую позицию по отношению к «Северному плану» — ее собеседники хотели понять остается ли он в силе и если он будет модифицирован, то каким образом? Поэтому здесь она говорила о «преемственности».

«Северный план» представляет интерес также и для российских регионов. В частности, администрация Красноярского края выразила готовность участвовать в его реализации¹⁷.

Что касается перспектив реализации «Северного плана», то, с одной стороны, в Квебеке никто не отрицает необходимости развивать север, с другой — правительство П. Маруа должно выполнять обещания, данные в ходе избирательной кампании 2012 г. и помнить о том, что оно не имеет парламентского большинства. В этой ситуации реализация «Северного плана» представляется проблематичной, хотя объективно она была бы выгодна Квебеку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Акимов Ю.Г. Квебекская парадипломатия и позиция федерального правительства Канады: от конфликта к компромиссу // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2011. Сер. 6. Вып. 4. С. 48—57.

² Rest of Canada — так принято называть Канаду без Квебека

³ Le Devoir. Le 14 octobre 2009.

⁴ La Presse. Le 9 mai 2011.

⁵ Здесь и далее — канадские доллары.

⁶ Radio-Canada. Le 9 mai 2011. URL: <http://www.radio-canada.ca/nouvelles/Politique/2011/05/09/004-devoilement-plan-nord-charest-levis.shtml> (дата обращения: 15.11.2013).

⁷ France Soir. Le 10 mai 2012.

⁸ La Presse. Le 28 septembre 2012.

⁹ La Presse. Le 20 avril 2012.

¹⁰ The Montreal Gazette. June, 28. 2012.

¹¹ Ibid.

¹² La Presse. Le 14 septembre 2011.

¹³ L'Humanité. Le 4 septembre 2012.

¹⁴ La Presse. Le 12 mai 2011.

¹⁵ The Globe and Mail. October 17, 2012.

¹⁶ La Presse. Le 17 octobre 2011.

¹⁷ У Красноярского края и провинции Квебек обнаружилось много взаимопересекающихся интересов в развитии. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=69741> (дата обращения: 31.10.2013).

Поступила 06.11.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Akimov Ju.G. Kvebekskaja paradiplomatiya i pozicija federal'nogo pravitel'stva Kanady: ot konflikta k kompromissu // Vestn. S.-Peterb. un-ta. 2011. Ser. 6. Vyp. 4. S. 48—57.

² Rest of Canada — tak prinjato nazyvav' Kanadu bez Kvebeka

³ Le Devoir. Le 14 octobre 2009.

⁴ La Presse. Le 9 mai 2011.

⁵ Zdes' i dalee — kanadskie dollary.

⁶ Radio-Canada. Le 9 mai 2011. URL: <http://www.radio-canada.ca/nouvelles/Politique/2011/05/09/004-devoilement-plan-nord-charest-levis.shtml> (data obrashhenija: 15.11.2013).

⁷ France Soir. Le 10 mai 2012.

⁸ La Presse. Le 28 septembre 2012.

⁹ La Presse. Le 20 avril 2012.

¹⁰ The Montreal Gazette. June, 28. 2012.

¹¹ Ibid.

¹² La Presse. Le 14 septembre 2011.

¹³ L'Humanité. Le 4 septembre 2012.

¹⁴ La Presse. Le 12 mai 2011.

¹⁵ The Globe and Mail. October 17, 2012.

¹⁶ La Presse. Le 17 octobre 2011.

¹⁷ U Krasnojarskogo kraja i provincii Kvebek obnaruzhilos' mnogo vzaimoperesekekajushhihsja interesov v razvitii. URL: <http://www.24rus.ru/more.php?UID=69741> (data obrashhenija: 31.10.2013).

Yu. G. Akimov. «Plan Nord» of the Canadian Province of Quebec: Domestic and International Economic Aspects

Policies conducted by the francophone Canadian province of Quebec in many respects differ from the policies pursued by the other provinces of Canada. This applies to its internal and external policies. Most of the territory of Quebec is occupied by northern and Arctic regions, but, until recently, they almost were neither developed, nor populated.

In 2011 the provincial government led by Jean Charest (Quebec Liberal Party) announced the adoption of the «Plan Nord», which was a program of integrated development of the Northern part of Quebec for the period of 25 years. It included the establishment of modern infrastructure, development of new mineral deposits, tourism, etc. According to the Charest Government, implementation of the plan would create new jobs and ensure general economic recovery of Quebec. A number of large consortia from the U. S., Europe and Asia showed their interest in the plan. Special attention was paid to extension of cooperation in the development of the North between Quebec and France, being its preferred foreign partner.

«Plan Nord» became the object of criticism and the subject of debate during the 2012 election campaign for the National Assembly (provincial legislature). The election was won by the «Parti Quebecois» («PQ», «péquistes») led by Pauline Marois, who did not deny the need to develop the North, but she considered it necessary to reduce the corresponding costs of the provincial budget. However, after winning the election, the Marois Government had to adjust its position so as not to jeopardize the fulfillment of international obligations of Quebec.

AKIMOV Yuri Germanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of American Studies, St. Petersburg State University.

С. В. САРАЙКИНА

ЛИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ГРАНИЦЫ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ключевые слова: лимология, административная граница, муниципальный район, приграничная зона, физико-географические и этно-географические особенности границы

Key words: Limology, administrative boundary, municipal district, border zone, physical-geographical and ethno-geographical features of a boundary

Исследуются административные границы Республики Мордовия. Раскрываются вопросы формирования границы, ее природные и этнографические свойства. Выявлены природные особенности приграничных территорий муниципальных районов республики, имеющих выход к границе с соседними субъектами России.

The administrative boundaries of the Republic of Mordovia are examined. Issues of formation of the boundary, its natural and ethnographic features are discussed. Natural characteristics of the territories of the municipal districts of the Republic bordering the neighboring constituent regions of the Russian Federation are identified.

В последние годы в российской науке усиливается роль политико-географических исследований. Одним из хорошо развитых направлений этих исследований является лимология — наука, изучающая границы. Если изучение государственных границ представлено довольно широко, то научных работ, посвященных исследованиям административных границ субъектов Российской Федерации, крайне мало. Именно это и позволило нам сосредоточить свое внимание на исследовании лимологических особенностей административной границы Республики Мордовия, которого никогда не проводилось.

Площадь территории Мордовии составляет 26,2 тыс. кв. км. Протяженность региона с запада на восток — около 280 км (от 42°12' до 46°43' в. д.), с севера на юг — от 55

САРАЙКИНА Светлана Васильевна, доцент кафедры международного и регионального туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

до 140 км (от 53°40' до 55°15' с. ш.). Мордовия граничит на севере с Нижегородской, на востоке — с Ульяновской, на юге — с Пензенской, на западе — с Рязанской областями, а также на северо-востоке — с Республикой Чувашией. Общая протяженность административной границы республики составляет 1 484 км. Мордовия является одним из субъектов Федерации, административная граница которого была сформирована на основе национального признака в начале XX в.

В послереволюционной России стремление мордовского народа к национальной государственности получило новый импульс благодаря национальной политике руководства страны. С оформлением Федерации входящие в нее народы получили возможность создания автономии. Мордовский этнос был дисперсным. Ни в одном из уездов он не составлял преимущественного большинства, что усложняло выделение границ его проживания. Кроме того, мордва сохранила свой язык и другие национальные особенности.

До 1920-х гг. 90 % мордовского населения проживало в границах Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Тамбовской губерний. На основе 4 губерний (Самарской, Симбирской, Пензенской и Тамбовской) была образована Средне-Волжская область с 9 округами. 16 июля 1928 г. Саранский округ переименован в Мордовский, который, в свою очередь, 10 января 1930 г. был преобразован в Мордовскую автономную область в составе Средне-Волжской области. За мордовским народом законодательно закреплялась его этническая территория и границы. Постепенно к области присоединялись южные территории Нижегородского края, густонаселенные мордвой. 20 декабря 1934 г. Мордовская автономная область преобразована в существующих границах в Мордовскую автономную советскую социалистическую республику¹.

Таким образом, современная административная граница Мордовии сформировалась в результате объединения территорий четырех уездов бывшей Пензенской губернии (Саранского, Краснослободского, Наровчатского, Инсарского), двух уездов бывшей Тамбовской губернии (Темниковского, Спасского), двух уездов Нижегородской губернии (Лукояновского, Сергачского), трех уездов Симбирской губернии (Ардатовского, Алатырского, Корсунского). Административная

граница Мордовии имеет ярко выраженные природные и этнические свойства.

Характеризуя физико-географические особенности границы республики, следует отметить, что Мордовия имеет сухопутную административную границу. Это объясняется ее расположением в центре Восточно-Европейской (Русской) равнины на стыке Приволжской возвышенности и Окско-Донской низменности, в пределах лесостепной подзоны и зоны смешанных и широколиственных лесов в бассейне р. Волги. Благодаря равнинному рельефу ярко выраженных орографических границ республика не имеет.

На северо-западе, в Теньгушевском районе, граница проходит по плоскому, слабоволнистому междуречному пространству. Природные комплексы приграничной территории представлены смешанными лесами с дерново-слабоподзолистыми почвами. Эти природные комплексы характерны и для приграничной зоны в северной части Темниковского района, на границе Ельниковского района с Нижегородской областью, в северной приграничной зоне Ичалковского района с Нижегородской областью, на западе Zubovo-Полянского района, граничащего с Рязанской областью, и на юге Zubovo-Полянского района, граничащего с Пензенской областью. На западе Zubovo-Полянского района вдоль границы от населенного пункта Выша до пункта Свеженькая, а также вдоль западной границы Zubovo-Полянского района в пределах населенного пункта Старое Высокое находятся природные комплексы со слабоволнистым рельефом, где под смешанными лесами сформировались дерновые средне- и сильноподзолистые почвы. Такие же природные комплексы встречаются на границе Ельниковского района с Нижегородской областью от населенного пункта Алексеевка до границы со Старошайговским районом².

В приграничной зоне Старошайговского района с Нижегородской областью от населенного пункта Новая Александровка до пункта Новая Федоровка, а также в районе населенного пункта Старая Федоровка расположены природные комплексы, для которых характерен волнистый рельеф с широколиственными лесами на темно-серых лесных и оподзоленно-черноземных почвах. Эти природные комплексы встречаются на западе Большеигнатовского района в пределах населенных пунктов Петровка и Раскажены, на юге

Ковылкинского района от границы с Торбеевским районом до населенного пункта Старые Дубровки, а также на границе Инсарского района близ населенного пункта Кашаево.

Природные комплексы на волнистых участках склонов с широколиственными лесами, под которыми сформировались темно-серые лесные и оподзоленно-черноземные почвы, встречаются на западе Ичалковского района вблизи поселения Миндра; в Большеигнатовском районе на западе и востоке приграничной зоны небольшими участками в районе населенных пунктов Старые Селищи, Кужчаево, Аржадеево; в Ардатовском районе на севере у Ульяновки, на востоке у Красных Полян; на границе Атяшевского, Дубенского районов и Ульяновской области; на границе Кочкуровского района с Пензенской областью у населенного пункта Воеводское; на юге Рузаевского района у Медведовки; на востоке Инсарского района небольшой полосой у Шадымово-Рыскино; на юге Ковылкинского района от Старой Дубровки до Васильевки³.

На большей части приграничной зоны Ичалковского района с Нижегородской областью, в Большеигнатовском районе от Петровки до Кужчаево, на севере пограничной зоны Ардатовского района с Республикой Чувашия и на востоке той же границы Ардатовского района, вдоль границы Кочкуровского района с Пензенской областью, на востоке границы Инсарского района у с. Кашаево, на границе Торбеевского района с Пензенской областью встречаются природные комплексы, представленные выщелоченными и луговыми черноземами, сформировавшимися под луговыми степями⁴.

Некоторые участки административной границы Мордовии имеют ярко выраженные гидрологические свойства. Количество рек, пересекающих границу республики, — 64. Причем больше всего их находится на границе с Нижегородской областью, затем с Рязанской, Пензенской, Ульяновской областями и Республикой Чувашия. По административной границе Мордовии протекает 21 река различной протяженности. Их общая протяженность составляет 177,8 км. Крупных озер, расположенных на границе с Мордовией, всего 3 — Белое и Большое в Теньгушевском районе на границе с Рязанской областью и Инерка в Кочкуровском районе на границе с Ульяновской областью. Кроме того, большое количество мелких озер выявлено на границе с Нижегородской областью (в бассейне рек Мокши и Сатис),

Ульяновской областью (в бассейне р. Суры), которые имеют старичное происхождение.

Административная граница Мордовии отличается и этническими свойствами. На границе расположено большое количество населенных пунктов, что говорит о привлекательности приграничного положения, обусловленного историческими процессами товарообмена. Из 22 муниципальных районов Мордовии, 18 (81 %) имеют выход к границе.

Следует отметить, что многие приграничные населенные пункты, удаленные от г. Саранска, имеют тесные связи с соседними регионами. Так, жители западных районов республики (Теньгушевского, Зубово-Полянского, Темниковского) предпочитают уезжать на заработки в г. Москву и Нижегородскую область.

Анализ сети приграничных населенных пунктов позволил выявить некоторые особенности: на административной границе республики находятся 90 населенных пунктов, что составляет 7 % от их общего числа; в процессе исследования топонимов пограничья выявлено, что антропонимы составляют 72 %, гидронимы 10 %, ойконимы 3 %. Выделено 8 гидронимов, этническая принадлежность которых отражает национальный состав населенных пунктов пограничья: русские села — 54,7 %, эрзянские — 29,1 %, мокшанские — 9,3 %, русско-мордовские — 5,8 %, татарские — 1,2 %.

Изучение лимнологических особенностей административной границы Мордовии необходимо не только для активизации приграничных связей с соседними регионами, но и для того, чтобы не допустить вымирания сел и деревень в приграничной зоне. Это важно для реализации региональной политики, направленной на инновационное развитие экономики республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арсентьев В.М., Арсентьев Н.М., Богатырев Э.Д. История и культура мордовского края: учебник для вузов. Саранск, 2008. 416 с.

² См.: Ямашкин А.А. Физико-географические условия и ландшафты Мордовии: учеб. пособие. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 156 с.

³ Там же.

⁴ См.: Сарайкина С.В., Салькаева Д.Ф. Географические особенности административной границы Республики Мордовия. URL: <http://geoeko.mrsu.ru> (дата обращения: 15.03.2013).

REFERENCES

¹ Arsent'ev V.M., Arsent'ev N.M., Bogatyrev Je.D. Istorija i kul'tura mordovskogo kraja: uchebnik dlja vuzov. Saransk, 2008. 416 s.

² Sm.: Jamashkin A.A. Fiziko-geograficheskie uslovija i landshafty Mordovii: ucheb. posobie. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1998. 156 s.

³ Tam zhe.

⁴ Sm.: Sarajkina S.V., Sal'kaeva D.F. Geograficheskie osobennosti administrativnoj granicy Respubliki Mordovija. URL: <http://geoeko.mrsu.ru> (data obrashhenija: 15.03.2013).

Поступила 01.04.2013.

S. V. Saraikina. Limological Features of the Administrative Boundary of the Republic of Mordovia

The paper considers the issue of studying the administrative boundaries of the constituent regions of the Russian Federation by the example of the Republic of Mordovia. The author emphasizes that in recent years the Russian geographical science strengthens the role of political- geographical research. One of the fairly well developed areas of these studies is Limology — the science that studies boundaries.

The paper focuses on the fact that, unlike the state borders, which have been studied quite actively, there is a lack of research papers dedicated to studies of administrative boundaries of the constituent regions of the Russian Federation. This is what determined the relevance of the study, since the study of limological features of the administrative boundary of the Republic of Mordovia has never been carried out. The article describes the features of the history of formation of the administrative boundaries of the Republic; landscape conditions which formed the boundary and the borderland are identified. The paper gives special attention to studies of hydrological and ethnic characteristics of the administrative boundary of Mordovia.

The main conclusion of the research carried out by the author is that the study of the limological features of the administrative boundary of the Republic of Mordovia is necessary not only to strengthen ties with the neighboring entities, but also to prevent the extinction of villages in the boundary area. It is important for the implementation of regional policy aimed at innovative economic development of the Republic.

SARAIKINA Svetlana Vasilievna, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of International and Regional Tourism, National Research Mordovia State University.

И. М. ФАДЕЕВА

Е. Н. ГУСЕВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ РЕГИОНА НА ПОДГОТОВКУ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ С ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИЕЙ

Ключевые слова: иностранный язык, иноязычная компетенция, социальный заказ, регион, социальный лифт

Key words: foreign language, foreign language competency, social expectation, region, vertical social mobility

Статья посвящена изучению взаимосвязи социального заказа региона и системы языковой подготовки профессиональных кадров в регионе. На основе результатов сравнительного социологического исследования показана роль региональной политики и института образования в этом процессе.

The paper examines the connections between social expectations in a region and the system of language training of professionals in the region. On the basis of a comparative sociological study the roles of regional policy and of the institution of education in this process are shown.

Наблюдается изменение общественного спроса на высшее образование, количественные характеристики которого (например, наличие достаточного количества бюджетных мест

ФАДЕЕВА Ирина Михайловна, профессор кафедры социологии, директор НОЦ по социальным исследованиям «Социум-М» Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

ГУСЕВА Елена Николаевна, студентка 4 курса Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

в вузах) конкурируют с вопросами качества. В публикациях, наряду с проблемами финансового дефицита в высшей школе, актуализируются вопросы социальной ответственности, повышения отдачи от результатов образования как возможности хотя бы частичного возврата образованию функции «социального лифта». Сфере профессионального образования приходится учитывать не только существующие реалии на региональном рынке труда, но и основные общероссийские тенденции в сфере занятости, глобальные тренды в международной системе разделения труда, новые вызовы и факторы социальной динамики.

Возродившийся интерес к территориальному развитию России, новая волна социально-экономического и этнокультурного возрождения первого и второго десятилетий XXI в., политика стимулирования развития человеческого капитала и формирования у молодежи региональной идентичности, обусловленной созданием интеллектуальных рабочих мест, комфортной среды жизнедеятельности, повышением качества жизни, требуют сопряжения приоритетов развития территорий со стратегиями развития образования. Дефицит ресурсов, с одной стороны, сжатие рынка образовательных услуг как ответ на демографические изменения, с другой, становятся факторами, требующими оптимизации структуры подготовки кадров и концентрации интеллектуальных ресурсов для достижения целей регионального развития и формирования соответствующего бренда региона.

Республика Мордовия стала площадкой для реализации ряда социально-экономических и социально-культурных проектов, в числе которых республиканские целевые программы «Культура Мордовии» на 2011—2016 гг., «Подготовка и проведение Чемпионата мира по футболу 2018 г. в Республике Мордовия» на 2013—2018 гг., «Программа Республики Мордовия по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» на 2013—2015 гг., Государственная программа научно-инновационного развития Республики Мордовия на 2013—2018 гг. и комплекс программ для повышения инвестиционной привлекательности, интеграции Мордовии в мировое экономическое пространство и в систему межрегиональных экономических отношений и др.¹ Следствием новой региональной государственной политики становятся

планы проведения спортивных мероприятий международного уровня и развитие соответствующей спортивной инфраструктуры, финно-угорская интеграция и расширение влияния международных языков в межкультурной коммуникации, международное сотрудничество региональных компаний, корпораций и т. д.

Владение иностранными языками, как правило, является маркером особой компетенции, ее носители идентифицируют себя с представителями профессий, востребованных на международном рынке труда. Следует отметить, что в большинстве случаев уровень иноязычной грамотности выпускников региональных образовательных учреждений не удовлетворяет требованиям современного рынка труда и не эквивалентен зарубежным стандартам. Причиной сложившейся ситуации является давление стереотипа относительно изучения иностранного языка как: учебной дисциплины, отраженной в учебных планах; культурно-образовательного и воспитательного средства; области, с которой связывают скорее территориальную, а не вертикальную социальную мобильность. В связи с унификацией европейской системы образования, включением России в процессы европейской интеграции на первый план выступает практическое использование языкового знания. Однако, участие российских граждан в деятельности международных организаций, культурных и интеллектуальных контактах с иностранцами часто ограничено рамками языкового знания².

Под иноязычной профессиональной компетенцией мы понимаем не только определенный уровень владения одним из европейских языков (английским, немецким, французским), исторически изучаемых в образовательных учреждениях России, но и способность применять его в социальном взаимодействии с носителями языка, в коммуникативных ситуациях, связанных с профессией, в процессе изучения иностранной литературы и иноязычных сайтов для решения профессиональных задач, овладения этикой деловой переписки и приобщения к нормам международного взаимодействия в целом (системе отношений, принятой в международных компаниях, организациях, фирмах).

Социальный заказ является четко сформулированным пожеланием социального субъекта относительно особенностей подготовки кадров с профессиональным образованием для

экономики и социальной сферы территории (города, области, края, республики, страны), ориентированной на инновационное развитие. В данном случае в качестве социального субъекта мы рассматриваем регион (субъект федерации) с определенной социально-экономической ситуацией и перспективой его развития в соответствии с концепцией-программой, определенной федеральной и региональной властью.

Специфика овладения языком для свободного общения имеет несколько этапов и множество факторов мотивации субъекта образования. В определенном смысле стартом для языковой инокомпетентности являются первые поездки за рубеж, обучение в языковых школах (или репетиторство) для детей, телепередачи и мультфильмы на иностранном языке. Общеобразовательная школа, в свою очередь, включается в систему воспроизводства образовательного потенциала населения с иноязычной компетенцией, служит ориентиром для родителей и показателем престижа образовательного учреждения. Система высшего образования в идеале профессионализирует инокомпетентности и показывает преимущества специалиста, владеющего иностранным языком, на рынке труда, через освоение им новых стандартов, правил взаимоотношений, принятых в международном сообществе, а в дальнейшем приобщение к ним населения региона.

Как показывают наши наблюдения, значительная часть российских студентов (около 30 %) осознает статус иностранного языка как средства повышения социального престижа, а владение им как уникальную компетенцию, рассматривает английский язык как один из «социальных лифтов», залог более высокой стартовой позиции при трудоустройстве на работу. Однако имеются два противоречия: с одной стороны, региональный рынок труда не всегда готов к повышению оплаты труда специалистов, владеющих иностранным языком, с другой — качество практических языковых компетенций студентов в вузах региона оставляет желать лучшего, поскольку система организации их языковой подготовки устарела, преподаватель не мотивирован на достижение необходимого качества знаний иностранного языка и оплата его труда не ставится в зависимость от этого знания.

Согласно телефонному опросу Фонда общественного мнения (ФОМ), проводимого в июне 2013 г., среди россиян в возрасте 18—30 лет иностранным языком владеют 72 %,

из них 34 % — на начальном уровне, 24 % — на среднем, 4 % — на продвинутом уровне; 9 % владеют свободно. 52 % респондентов в возрасте до 30 лет отметили, что у них часто встречаются ситуации, в которых им необходимо знание «чужого» языка; 20 % в повседневной жизни иностранные языки никак не используют; 68 % опрошенных хотели бы выучить какой-нибудь иностранный язык³. Основные стимулы к изучению языка — заграничный туризм и перспективы хорошей карьеры, трудоустройство в иностранной компании, в том числе непосредственно за границей. Результаты показывают низкий уровень иноязычной речевой культуры молодых россиян, что требует масштабных реформ в институте преподавания иностранного языка.

Согласно результатам опроса, проведенного НОЦ по социальным исследованиям «Социум-М» в 2013 г. среди студентов 1—2 курсов неязыковых специальностей Мордовского государственного университета ($n = 1\ 469$), уровень владения иностранным языком как средства профессионального общения у них оказался достаточно низким. Среди опрошенных выявлена значительная доля, изучающих английский язык (80,8 %) на институциональном уровне (в школе и вузе), и меньшая — немецкий (19,6 %) и французский (2,9 %). Часть студентов, окончивших школу с углубленным изучением иностранных языков, владеет двумя языками (3,3 %).

Показательно, что уровень владения студентами иностранным языком коррелирует с общероссийскими данными, полученными ФОМ. Так, при оценке компетенций владения иностранным языком методом соотнесения со шкалой CEFR (Common European Framework of Reference)⁴, принятой в европейском сообществе, к уровню А (элементарное владение) себя отнесли 74,5 % респондентов, к уровню В (самостоятельное владение) — 22,6 % и к уровню С (свободное владение) — всего 3,5 % (таблица).

Несмотря на то что студенты указали тот или иной уровень владения языком (среди молодых россиян таковых оказалось не более 72 %), среди них представителей с высокими показателями (если суммировать показатели уровней В2, С1 и С2) выявлено не более 10 %. Показатели начального уровня в данном исследовании (по шкале А1 — уровень выживания) практически совпадают с результатами исследования ФОМ (31,4 и 34 % соответственно). Показатель

«самостоятельное владение» (22,6 %) также близок к данным ФОМ (24 %) и показывает состояние среднего уровня владения иностранным языком у четверти опрошенных.

Таблица

Оценка компетенций владения иностранным языком студентами

Уровни	Подуровни	%	%
А (элементарное владение)	А1 (уровень выживания)	31,4	74,5
	А2 (предпороговый уровень)	43,1	
В (самостоятельное владение)	В1 (пороговый уровень)	17,1	22,6
	В2 (пороговый продвинутый уровень)	4,9	
С (свободное владение)	С1 (уровень профессионального владения)	1,8	3,5
	С2 (уровень владения в совершенстве)	1,6	

Следует отметить, что завершающая стадия реализации большинства программ развития Мордовии приходится на период окончания университета студентами и их выход на рынок труда. Таким образом, сегодняшние младшекурсники станут полноценными кадрами региональной экономики в преддверии такого значимого для Мордовии события как Чемпионат мира по футболу 2018 г. Именно они, активно включившись в социально-экономическую деятельность, будут представлять социокультурное пространство принимающего региона. Подобные проекты не обходятся без участия волонтеров, возраст которых, как правило, не превышает 25 лет. В новейшей истории Мордовии уже имеется опыт организации и проведения мероприятий мирового уровня, таких как международный спортивный форум «Россия — спортивная держава» (2011 г.), Кубок мира по спортивной ходьбе (2012 г.) и др. Практически все гиды-волонтеры являлись студентами факультетов иностранных языков Мордовского государственного университета и Мордовского государственного педагогического института, в связи с их языковой компетентностью и лингвистическим плюрализмом, позволяющим осуществлять межкультурную коммуникацию. Студенты же неязыковых специальностей вследствие слабой иноязычной подготовки могли выполнять лишь черлидинговую, рекламно-имиджевую работу либо участвовать в так называемых «массовках».

В преддверии мирового турнира по футболу повышается социальная значимость не только профессиональных пере-

водчиков, но и узкопрофильных специалистов сферы услуг со знанием иностранного языка. В настоящее время на базе Мордовского государственного педагогического института начата языковая подготовка сотрудников полиции, в будущем актуально обучить иностранному языку медицинских работников, таксистов, сотрудников коммунальных служб и обслуживающий персонал мероприятия.

Языковая компетентность стала актуальной темой в условиях развития международного сотрудничества в инновационном и промышленном секторе экономики. Так, АУ «Технопарк-Мордовия», созданный для развития и коммерциализации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, сотрудничает со многими организациями-резидентами, среди которых есть и зарубежные партнеры. Оно также привлекает на работу иностранных граждан с уникальными компетенциями и квалификациями⁵. В регионе появляются и развиваются интернациональные компании, среди которых САН ИнБев (российское подразделение крупнейшего в мире пивоваренного концерна «Анхойзер-Буш ИнБев»), филиал франко-российской группы компаний Danone-Юнимилк (один из ведущих производителей молочной продукции), филиал немецкой компании FranzKleine (производитель сельхозтехники) и др. Специалисты этих компаний имеют не только опыт общения со своими иностранными коллегами, но и постоянно выезжают за рубеж на стажировки, участвуют в конференциях и программах обмена специалистами.

Вступление России в ВТО призвано способствовать развитию положительной динамики внешнеторгового оборота. Внешнеэкономические связи предприятий Мордовии (ОАО «Сарэкс», ОАО «Ламзурь», ОАО «МордовЦемент», ОАО «Рузхиммаш», ООО «Саранскабель-Оптика», ООО «Сармич» и др.) с зарубежными корпорациями приводят к росту специалистов, владеющих иностранным языком и знающих корпоративную культуру зарубежных партнеров, культурные традиции стран, потребительские предпочтения населения для продвижения продукции на мировые рынки и др.

Одним из приоритетных направлений развития Мордовского государственного университета являются фундаментальные и прикладные исследования в области финно-угроведения, включающие в себя изучение многообразия культур (финны, эстонцы, венгры, саамы, мордва и др.) и сотрудничество с Финляндией, Венгрией, Эстонией и фин-

но-угорскими диаспорами, проживающими по всему миру. На базе университета работает Межрегиональный научный центр финно-угроведения. Кроме того, инновационная деятельность Мордовского университета предполагает сотрудничество с зарубежными университетами Венгрии, Англии, Швеции, Германии, США, Финляндии и других стран через выполнение совместных проектов⁶. Для успешного взаимодействия ученых необходимо знание английского языка на уровне свободного владения как языка международного научного сообщества, а профессиональная специализация в зависимости от сферы деятельности исследователя нацеливает на углубленное знание лингвистических особенностей языка, чтение англоязычных профессиональных текстов и их перевод, подготовку текстов для зарубежных журналов в соответствии с их требованиями.

В контексте создания сети исследовательских университетов, увеличения масштабов студенческого обмена, во многом определяющих статус учебного заведения, владение преподавателями, администрацией и сотрудниками английским языком становится академической нормой. По данным Управления международных связей Мордовского государственного университета по состоянию на декабрь 2013 г. в университете обучается более 400 иностранных студентов из 26 стран, что в пять раз больше, чем за тот же период 2003 г. (тогда в университете получали высшее образование 88 иностранных граждан из 18 стран)⁷. Десятилетняя динамика роста численности иностранных обучающихся в университете, тенденции постепенной трансформации статуса иностранного языка с межкультурной коммуникации на профессиональную компетентность, усиление его профессиональной ориентированности, востребованность языковых услуг и повышение их качества в регионе связаны со многими процессами, в том числе с расширением сотрудничества ведущего вуза региона с университетами других стран. Кроме того, межэтнические отношения в Мордовии достаточно гармоничны, зоны напряжения находятся в диапазоне социально приемлемых для полиэтнического общества, что позволяет прогнозировать дальнейшую положительную динамику притока иностранных студентов.

В контексте изменений глобального характера, активной включенности различных российских регионов в международные социально-экономические и социокультурные процессы,

активное освоение иноязычной профессиональной компетенции студентами, преподавателями, государственной службой, сотрудниками вузов должно стать общегосударственным приоритетным направлением в обновлении содержания профессионального образования, повышения квалификации преподавателей и создания условий для внедрения соответствующих образовательных технологий. В связи с этим назрела необходимость институциональных изменений в области подготовки кадров с иноязычной компетентностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства РМ от 29.04.2013 № 233-Р «Основные направления деятельности Правительства Республики Мордовия на период до 2018 года». URL: <http://e-mordovia.ru/file/28636> (дата обращения: 05.12.2013).

² См.: Готлиб Р.А. Социальная востребованность знания иностранного языка // Социол. исслед. 2009. № 2. С.123.

³ См.: Владение иностранными языками // Исследование Фонда общественного мнения. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10998> (дата обращения: 15.11.2013).

⁴ См.: Информация взята с сайта Совета Европы. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Cadre1_en.asp (дата обращения: 09.12.2013).

⁵ См.: Информация взята с сайта «Технопарк-Мордовия». URL: <http://www.technopark-mordovia.ru> (дата обращения: 05.12.2013).

⁶ См.: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. URL: <http://www.mrsu.ru> (дата обращения: 05.12.2013).

⁷ См.: Фадеева И.М. Высшая школа в современном российском обществе. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 154.

Поступила 17.12.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Rasporyazhenie Pravitel'stva RM ot 29.04.2013 № 233-R «Osnovnyye napravleniya dejatel'nosti Pravitel'stva Respubliki Mordovija na period do 2018 goda». URL: <http://e-mordovia.ru/file/28636> (data obrashhenija: 05.12.2013).

² Sm.: Gotlib R.A. Social'naja vostrebovannost' znaniya inostrannogo jazyka // Sociol. issled. 2009. № 2. S.123.

³ Sm.: Vladenie inostrannymi jazykami // Issledovanie Fonda obshhestvennogo mnjenja. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10998> (data obrashhenija: 15.11.2013).

⁴ Sm.: Informacija vzjata s sajta Soveta Evropy. URL: http://www.coe.int/t/dg4/linguistic/Cadre1_en.asp (data obrashhenija: 09.12.2013).

⁵ Sm.: Informacija vzjata s sajta «Tehnopark-Mordovija». URL: <http://www.technopark-mordovia.ru> (data obrashhenija: 05.12.2013).

⁶ Sm.: Nacional'nyj issledovatel'skij Mordovskij gosudarstvennyj universitet. URL: <http://www.mrsu.ru> (data obrashhenija: 05.12.2013).

⁷ Sm.: Fadeeva I.M. Vysshaja shkola v sovremennom rossijskom obshchestve. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2004. S. 154.

I. M. Fadeyeva, E. N. Guseva. Social Expectations for Training of Professionals with a Foreign Language Competency

The paper examines the connections between social expectations in a region and the system of language training of professionals, the need to enhance the practical use of linguistic knowledge in connection with inclusion of Russia and the Republic of Mordovia into global integration processes. A foreign language is seen as a means of social interaction with native speakers in communicative situations, in the process of learning foreign literature and foreign language websites for professional use, in the socio-professional environment and for development of professional competencies. The necessity of using a foreign language to master general business vocabulary (etiquette of business correspondence, getting acquainted with instructions and regulations) is proved in the paper as well as that of joining the standards of international cooperation in the whole (system of relations, adopted by international companies, organizations and business firms).

The paper describes the role of regional policy and the institution of education in this process. It also explains the need to increase the number of linguistically qualified professionals in connection with the specific development priorities implemented in Mordovia, as well as preparation for activities of international scale important for socio-economic development of the region. The author lists regional companies and production capacities that strengthen economic ties with Russian and foreign partners and markets by attracting investors including foreign ones.

The results of a comparative sociological study conducted in 2013 are given. Evaluation of competencies of proficiency in a foreign language is presented done in correlation with the CEFR scale (Common European Framework of Reference) conventional for the European Community.

FADEYEVA Irina Mikhailovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, Director of the «Socium-M» Research and Education Center, National Research Mordovia State University.

GUSEVA Elena Nikolaevna, a fourth-year student of the Institute of History and Sociology, National Research Mordovia State University.

О. Е. ЗУБОВ,
В. В. ЕЖОВА,
Т. Н. ПИНЯЕВА,
М. Г. ЧАТКИНА,
Л. А. ЮНУСОВА

**УЧАСТИЕ УЧЕНЫХ
МОРДОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА В КОНКУРСАХ
РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО
НАУЧНОГО ФОНДА**

Ключевые слова: российский гуманитарный научный фонд, конкурс, гранты, региональный конкурс, Республика Мордовия, Мордовский государственный университет, заявки, гуманитарная наука

Key words: Russian Foundation for the Humanities, competition, grants, regional competition, the Republic of Mordovia, Mordovia State University, applications, the Humanities

Анализируется научно-исследовательский потенциал ученых гуманитарного блока Мордовского государственного университета и его реализация в конкурсах, проводимых Российским гуманитарным научным фондом.

The research potential of scientists representing the humanitarian unit of the Ogarev Mordovia State University and its realization in the competitions held by the Russian Foundation for the Humanities are analyzed.

Мордовский государственный университет является одним из ведущих вузов в Приволжском федеральном округе по проведению фундаментальных и поисковых исследований, носящих региональный и общероссийский характер. Ученые-гуманитарии Мордовского университета принимают активное

ЗУБОВ Олег Евгеньевич, старший научный сотрудник отдела госбюджетных фундаментальных и поисковых исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук.

ЕЖОВА Валентина Васильевна, научный сотрудник отдела госбюджетных фундаментальных и поисковых исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

ПИНЯЕВА Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник отдела госбюджетных фундаментальных и поисковых исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

ЧАТКИНА Марина Геннадьевна, младший научный сотрудник отдела госбюджетных фундаментальных и поисковых исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

ЮНУСОВА Ляйля Алиевна, младший научный сотрудник отдела госбюджетных фундаментальных и поисковых исследований Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

участие в конкурсах Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). На определенном этапе развития научной деятельности актуализировалось проведение регионального конкурса РГНФ, тем более что положительный опыт проведения конкурсов такого уровня по инициативе Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) уже был.

Правительством Республики Мордовия в РГНФ было направлено письмо с просьбой об организации регионального конкурса с участием республик Мордовия, Чувашия, Марий Эл, Татарстан, а также Ульяновской, Пензенской, Волгоградской и Самарской областей. В результате совместных обсуждений было выработано Положение о региональном конкурсе в области гуманитарных наук «Волжские земли в истории и культуре России». Основной целью конкурса была консолидация усилий федеральных и региональных органов управления и ученых для совместного финансирования исследований о состоянии научного потенциала Поволжского региона и активизации исследований в области истории, экономики, социального развития, культурного и духовного наследия волжских земель. В феврале 1999 г. заключено Соглашение между РГНФ и Правительством Республики Мордовия о порядке финансирования конкурса на 2000—2002 гг. В соответствии с Соглашением было определено, что финансирование конкурса осуществляется обеими сторонами на паритетных началах.

На региональный конкурс РГНФ «Волжские земли в истории и культуре России» 2000 г. научными коллективами Мордовского государственного университета было подано более 20 заявок по политологии, экономике, истории, юриспруденции, культурологии, филологии, социологии, географии, философии. В результате конкурсного отбора победителями стали 14 научных проектов фундаментального и прикладного характера: «Ритм веков (относительная и абсолютная хронология могильников Западного Поволжья I—XV вв.)», «Формирование перспективной системы управления инвестиционными процессами в дотационных регионах», «Совершенствование экономико-правовых методов местного самоуправления», «Составление дифференциального словаря русских говоров на территории современной Республики Мордовия», «Социальное поведение трудовых масс российской провинции в последней четверти XIX — первой четверти

XX в.», «Республика Мордовия в процессе становления российского федерализма и Поволжского регионализма», «Динамика нравственных ценностей в зоне этнического контакта (на примере Республики Мордовия)», «Пластичность выразительности мордовского танца», «Формирование инвестиционной стратегии региона», «Влияние конституций и уставов субъектов РФ на формирование регионального законодательства», «Актуализация творческого наследия С. Д. Эрзы», «Отказ детей от родителей как явление современной культуры населения Республики Мордовия», «Историко-геоэкологический анализ освоения территории Мордовии для целей планирования культурного ландшафта», «Региональная научно-практическая конференция „Язык, культура, коммуникация: контексты современности“». Общий объем финансирования по проектам за год составил 605 тыс. руб. из бюджета РГНФ и республики. Реализация части проектов была рассчитана на 3 года, часть — на год.

В 2001 г. на региональный конкурс от Мордовского государственного университета подано 6 заявок. С учетом продолжающихся проектов и вновь выигранных количество грантов конкурса в этом году составило 13. Общий объем финансирования по этим проектам составил 498 125 руб. В 2002 г. на конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» от вуза подано 7 заявок и с учетом продолжавшихся, количество проектов стало 8. Общий объем финансирования по проектам за 2002 г. составил 361 тыс. руб. Ежегодно количество заявок на основной и региональный конкурсы увеличивалось. Такая динамика сохранялась до 2011 г.

Для более подробного анализа количества и качества заявок используем данные за 2009—2013 гг. На конкурс 2009 г. была подана 71 заявка, из них на региональный — 45. Выиграло 4 гранта российского уровня и 9 регионального (здесь и далее учитываются только новые гранты, без продолжающихся). Это проекты экономического факультета — 1 основной (4 региональных), Историко-социологического института (ИСИ) — 1 (3), филологического факультета — 0 (1), Института национальной культуры (ИНК) — 1, факультета иностранных языков — 1 (1). Объем новых грантов составил 1 940 тыс. руб., из них гранты регионального уровня — 1 290 тыс. руб. На конкурс 2010 г. подано 83 (59) заявки. Выиграно 3 гранта российского и 5 регионального уровня:

экономический факультет — 2 (3), ИСИ — 1, филологический факультет — 0 (2). На конкурс 2011 г. подано 85 (37) заявок. Выиграно 5 грантов российского, 1 международного и 10 регионального уровней: экономический факультет — 1 (5), ИСИ — 2 (3), филологический факультет — 1 (2), ИНК — 1 (1 — международный). На конкурс 2012 г. подано 85 (36) заявок. Выиграно 3 гранта российского и 9 регионального: экономический факультет — 0 (3), ИСИ — 1 (2), филологический факультет — 1 (1), юридический факультет — 0 (1), ИНК — 1 (1), медицинский факультет — 0 (1). На конкурс 2013 г. подано 45 (30) заявок. Выиграно 4 гранта российского и 3 гранта регионального уровня: экономический факультет — 1 (1), ИСИ — 0 (1), филологический факультет — 2 (1), ИНК — 1 (табл. 1).

Таблица 1

Количество поданных заявок на конкурсы РГНФ в 2009—2013 гг.

Факультет / институт	Количество поданных заявок									
	2009 г.		2010 г.		2011 г.		2012 г.		2013 г.	
	Основной	Региональный	Основной	Региональный	Основной	Региональный	Основной	Региональный	Основной	Региональный
Географический	2	1	2	2	1	1	2	—	1	1
Иностранных языков	2	1	2	1	2	—	1	—	—	—
Математический	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Филологический	8	4	13	9	8	3	12	2	3	2
Экономический	27	23	44	36	5	23	7	20	6	21
Юридический	7	3	6	4	1	—	6	5	1	—
Историко-социологический институт	17	8	13	5	27	9	16	6	3	5
Институт национальной культуры	4	2	2	1	4	—	2	1	1	1
Медицинский институт	2	1	1	1	—	1	—	1	—	—
Институт механики и энергетики	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—
Рузаевский институт машиностроения	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Практика подачи заявок на конкурсы грантов и проектов показывает, что если выигрывает 30% от общего числа заявок, это вполне качественный показатель. Обратимся к статистике указанных выше конкурсов. Так, в 2009 г. он составил 15,0 % (20,0 %), 2010 г. — 12,5 % (8,4 %), 2011 г. — 12,5 % (27,0 %), 2012 г. — 6,0 % (25,0 %), 2013 г. — 26,6 % (10,0 %). При этом проекты регионального конкурса рассчитаны на 1—2 года, т. е. каждый год имеются продол-

жающиеся проекты, а объем выделяемых на такой конкурс финансовых средств лимитирован. Поэтому больше обращает на себя внимание основной конкурс РГНФ (табл. 2).

Таблица 2

Количество выигранных грантов по основному конкурсу РГНФ, %

Факультет / институт	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Экономический	3,7	4,5	20,0	—	16,6
ИСИ	5,9	7,7	7,4	6,25	—
ИНК	25,0	—	50,0	50,0	100,0
Иностранных языков	50,0	—	—	—	—
Филологический	—	—	12,5	8,3	16,6

Как видно из показателей, процент выигранных грантов не высок, за исключением ИНК. Количество заявок, особенно на экономическом факультете, значительно. Причина малого количества выигранных грантов, на наш взгляд, состоит, во-первых, в погоне за рейтингом, что снижает качество заявок; во-вторых, во внутренней конкуренции из-за схожей тематики заявок. Так, в тематике 2009—2011 гг. экономического факультета 5 тем повторяются из 2009 г. в 2010 г., в 2009 г. четыре заявки посвящены одной и той же проблеме. Можно было бы составить одну качественную заявку, вместо того, чтобы «распыляться» и зарабатывать сомнительные баллы рейтинга. 5 тем также повторяются из 2010 г. в 2011 г.; три заявки 2010 г. оформлены в контексте одной проблемы.

Обращает на себя внимание малое количество заявок от географического факультета, факультета иностранных языков, института национальной культуры. Если у коллектива географического факультета есть возможность подавать заявки на конкурсы грантов РФФИ, то для института национальной культуры — возможность отличаться именно в конкурсах РГНФ.

По данным РГНФ, Мордовия заняла 4 место в Приволжском федеральном округе по количеству поданных заявок на конкурсы 2014 г.¹ Более 50 % заявок региона приходится на долю университета (72 из 119).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Список заявок на текущие конкурсы РГНФ. URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/grant/zayavki> (дата обращения: 14.12.2013).

Поступила 16.12.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Spisok zayavok na tekushhie konkursy RGNF. URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/grant/zayavki> (data obrashheniya: 14.12.2013).

О. Е. Зубов, В. В. Ежова, Т. Н. Пиняева, М. Г. Chatkina, Л. А. Yunusova. Participation of Scientists of the Mordovia State University in Competitions Held by the Russian Foundation for the Humanities

The paper analyzes the scientific and research potential of scientists representing the humanitarian unit of the Ogarev Mordovia State University and its realization in the competitions held by the Russian Foundation for the Humanities (RFH). Relevance of the subject does not need any additional proof as research through participation in open competition significantly enhances the prestige of a scholar and that of the humanities in general.

The paper focuses on the analysis of the activity of scientists in the humanities representing the Mordovia State University in scientific competitions by the RHF at the federal and regional levels. The paper also analyzes quantitative and qualitative indicators of filing applications for the RHF competitions by scientists in the humanities representing the University. Detailed statistical information (year of applications, their number, name of a structural unit) is presented. The detailed analytical analysis reveals trends in development of humanitarian scientific environment of the leading university in the Volga Federal District — the Ogarev Mordovia State University.

ZUBOV Oleg Evgenievich, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Officer at the Department of State Budget Fundamental and Exploratory Research, National Research Mordovia State University.

EZHOVA Valentina Vasilievna, Research Officer at the Department of State Budget Fundamental and Exploratory Research, National Research Mordovia State University.

PINYAEVA, Tatiana Nikolaevna, Research Assistant at the Department of State Budget Fundamental and Exploratory Research, National Research Mordovia State University.

CHATKINA Marina Gennadievna, Research Assistant at the Department of State Budget Fundamental and Exploratory Research, National Research Mordovia State University.

YUNUSOVA Lyailya Alievna, Research Assistant at the Department of State Budget Fundamental and Exploratory Research, National Research Mordovia State University.

А. П. ЛЕВЦЕВ   О. А. КРУЧИНКИНА

ПРОБЛЕМЫ ЭНЕРГОСБЕРЕЖЕНИЯ РЕГИОНА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Ключевые слова: энергосбережение, энергоэффективность, энергоаудит, потенциал энергосбережения, мини-ГЭС, биогаз, ветроэнергетика, солнечные коллекторы, целевые показатели, центр энергосбережения, пилотные проекты

Key words: energy saving, energy efficiency, energy audit, energy saving potential, mini hydropower plant, biogas, wind energy, solar collectors, target indicators, Energy Efficiency Center, pilot projects

На основе анализа возобновляемых источников энергии и местных видов топлива, оценивается их потенциал на перспективу для Мордовии. Изложены проблемы реализации региональной целевой программы в области энергосбережения и энергоэффективности, показаны пути их решения с участием Мордовского государственного университета.

Basing on the analysis of renewable energy sources and local fuels their potential for Mordovia is evaluated. Problems in implementation of the regional target program in the field of energy saving and energy efficiency are discussed; the ways of solution implying participation of the Mordovia State University are shown.

ЛЕВЦЕВ Алексей Павлович, заведующий кафедрой теплоэнергетических систем Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор технических наук, профессор.

КРУЧИНКИНА Ольга Алексеевна, аспирант кафедры технического сервиса машин Национального исследовательского Мордовского государственного университета.

Развитие экономики современной России в значительной степени обусловлено ростом активности энергосбережения. С 2011 г. в стране заработала федеральная целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности России до 2020 года» и в связи с этим получили импульс развития и региональные программы энергосбережения. По многим направлениям (энергоаудит, установка коммерческих узлов учета, утепление фасадов зданий, замена стеклопакетов и др.) в 2011 г. 54 региона получили федеральную субсидию на реализацию ряда направлений типовых и оригинальных мероприятий и проектов, а также на проведение энергетических обследований. За 2012 г. в бюджетной сфере обеспечен практически полностью коммерческий учет энергетических ресурсов, успешно осуществляется замена оконных переплетов на стеклопакеты, утепляются фасады зданий и т. п. Однако темпы реализации направлений энергосбережения не отвечают современным требованиям, есть некоторые проблемы на региональном и федеральном уровне. Следует отметить, что сегодня энергосбережение набирает обороты, становится более массовым. В этих условиях региональные вузы должны занять лидирующие позиции по многим направлениям энергосбережения.

Энергосбережение начинается с оценки его потенциала. Чтобы оценить его масштабы достаточно сопоставить энергоёмкости продукции развитых стран мира (стран Евросоюза, США, Китая) энергоёмкость которых стремится к единому равновесному состоянию, чуть больше 0,1 по отношению к которому Россия отстаёт в 2,05 раза. В частности в федеральной целевой программе потенциал энергосбережения составляет 40 %. Для регионов, в которых нет собственных месторождений углеводородов, а потребность в энергоёмких ресурсах растёт, ставки должны делаться на реализацию потенциала возобновляемых источников энергии. Мини-ГЭС в Мордовии существовали до 50-х гг. XX в., их насчитывалось 99 шт. Они были сооружены практически на всех реках. Энергосбережение для Мордовии имеет особую актуальность: в республике нет собственных месторождений нефти и газа; потенциал возобновляемых источников энергии не превышает 10 %; из-за достаточно сурового климата (продолжительность отопительного периода составляет

209 суток) более 60 % потребляемых ТЭР приходится на нужды теплоснабжения; износ энергетических мощностей приближается к 70 % ; значительные потери при передаче электрической и тепловой энергии по сетям (14,5 и 19,0 % соответственно); вторичное использование тепла составляет менее 5 %.

Ветроэнергетика в Мордовии долгое время игнорировалась вследствие небольшой скорости ветра. В 1999 г. СНиП «Строительная климатология» был пересмотрен, скорость ветра увеличилась с 3,8 м/с до 5,8 м/с в отопительный период. Учитывая новые конструкции ветроустановок (ВЭУ) с вертикальной осью вращения, особенности ландшафта территории республики, определена расчетная мощность ВЭУ — 3 кВт. Если таких установок будет работать 1 тыс., то можно получить 3 МВт мощности.

Солнечная энергия одна из наиболее прогрессивных и бурно развивающихся в мире. Солнечные батареи и коллекторы используются повсюду. Учитывая суммарную солнечную радиацию в год и мощность солнечных коллекторов, если их будет 100 тыс. м², то можно будет получить 11,5 МВт электроэнергии.

Из местных видов топлива в республике имеются значительные запасы торфа и горючих сланцев. Эти запасы расположены в труднодоступных местах четырех районов республики: Zubovo-Полянский, Краснослободский, Ромодановский, Большеигнатовский. При добыче по 100 тыс. т можно получить 15 МВт электроэнергии.

В последние годы стала бурно развиваться биоэнергетика (биодизель, биоэтанол и биогаз). В Евросоюзе действует стандарт бензинов Е85 (85 % этанола и 15 % бензина).

Биогаз в больших масштабах можно получить на крупных свинофермах (13 объектов Бекона), если использовать 300 тыс. т свиного самосплавного навоза, то можно получить 11,5 МВт электроэнергии.

Региональная целевая программа «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия на 2011—2020 гг.» разрабатывалась с учетом особенностей региона. Ее целевые показатели выше среднероссийских, при этом вся тяжесть реализации Программы ложится на первый период. Ее реализация должна идти по важнейшим направлениям энергосбережения (табл. 1).

В ходе реализации выявились и дополнительные направления, которые ежегодно корректируются. Финансирование мероприятий региональной программы за счет средств федеральной субсидии в 2011 г. по отношению план-факт представлено в табл. 2.

Таблица 1

**Целевые индикаторы целевой программы
«Электросбережение и повышение энергетической эффективности
в Республике Мордовия на 2011—2020 гг.»**

Целевой показатель	Ед. измер.	За весь период	1-й этап* 2011— 2015 гг.	2-й этап** 2016— 2020 гг.
Снижение энергоемкости:	%			
— ВРП		53	50	3
— в сельском хозяйстве	%	34	16	18
— в коммунальном хозяйстве	%	9	4	5
Суммарная экономия первичной энергии	тыс. т у. т	4 380	1 390	2 990
Экономия природного газа	млн м ³	3 190	1 016	2 174
Экономия электроэнергии	млн кВт·ч	3 354	1 068	2 286
Экономия тепловой энергии	тыс. Гкал	3 944	1 256	2 688

* Постановление Правительства РМ от 26 июня 2010 г. № 305

** Постановление Правительства РМ от 6 июня 2011 г. № 195.

Таблица 2

**Финансирование мероприятий региональной программы
за счет средств федеральной субсидии в 2011 г.**

Мероприятие	Федеральный бюджет, тыс. руб.	
	План	Факт
Модернизация тепловой схемы котельной	28 842	6 090,0
Обязательное энергетическое обследование	8 043,0	8 043,0
Повышение тепловой защиты зданий	16 709,4	16 709,4
Установка приборов учета	1 171,0	1 171,0
Замена оконных блоков на стеклопакеты	21 876,6	21 876,6
Предоставление субсидий бюджетам муниципальных образований	16 760,5	45 512,5
Оборудование центра энергосбережения	6 000	—
Итого	99 402,5	99 402,5

На энергетических форумах, проводимых Министерством энергетики Российской Федерации, Министерством образования и науки Российской Федерации, Министерством экономического развития Российской Федерации, отмечалось, что необходимо переходить к мероприятиям, дающим

наибольший эффект. В связи с этим нами разработано три проекта: 1) оптимизация тепловой схемы котельной, разработка и наладка гидравлического режима подачи тепловой энергии потребителю на 10 системах центрального теплоснабжения (СЦТ) в пяти муниципальных районах Мордовии (Ардатовском, Ковылкинском, Краснослободском, Торбеевском, Чамзинском) (стоимость реализации проекта составила 28,8 млн руб., в 2011 г. выполнена 1-я часть на сумму 6,09 млн руб.); 2) повышение энергоэффективности котлоагрегатов на основе глубокой утилизация тепла уходящих газов и непрерывной гидродинамической очистке за счет организации импульсного режима течения теплоносителя в конденсационном теплообменнике и котлоагрегате (на примере 10 СЦТ вышеуказанных муниципальных районов республики (стоимость реализации проекта — 25 млн руб.); 3) информационно-аналитическая система удаленного мониторинга функционирования систем централизованного теплоснабжения в 5 муниципальных районах РМ (стоимость реализации проекта — 13 млн руб.). Для включения этих проектов в Программу необходимо их реализовать на отдельных объектах, что сейчас и делается.

Разработкой ученых университета позволили республике включиться во все направления энергосбережения. За 10 лет деятельности университета в области энергосбережения проводилась большая научная, учебно-научная, экспертная работа, оказывались энергоаудиторские, энергосервисные услуги.

Все направления деятельности в области энергосбережения вобрал в себя открытый учебно-научный центр «Мордовский центр энергосбережения» (УМЦ «МЦЭ»). Идет активная работа по модернизации и дооснащению учебно-научных лабораторий. Экспертная организация в области энергетики включилась в работу по экспертизе технических условий на подключение к системам централизованного энергоснабжения. Экспертно-технический центр по сертификации предприятий, организаций, учреждений в области повышения энергетической эффективности провел ряд экспертиз по энергоэффективности и готов в более широких масштабах выполнять такие работы. Приоритетным направлением в работе УМЦ «МЦЭ» является разработка пилотных проектов для теплоэнергетики и теплотехнологий. Центр располагает

такими проектами. Они периодически подвергаются доработке под конкретного заказчика и проходят апробацию. В частности в 2012 г. для китайских коллег разрабатывался проект по интенсификации охлаждения двигателей внутреннего сгорания. Проект, посвященный теплопункту с импульсной циркуляцией теплоносителя, неоднократно становился лауреатом всероссийского конкурса в технопарке Нижегородской области и Республики Мордовия.

Таким образом, актуальными проблемами энергосбережения региона являются не только вопросы рационального использования ТЭР, но и грамотное применение возобновляемых источников энергии, местных видов топлива, качественное наполнение высокоэффективными пилотными проектами региональной целевой программы «Энергосбережение и повышение энергетической эффективности в Республике Мордовия на 2011—2020 гг.», пропаганда и обучение ответственных за энергосбережение и повышение энергетической эффективности и т. п. Успешное решение указанных проблем возможно только при консолидации усилий органов исполнительной власти, энергетических компаний и ученых. Особое место в такой консолидации отводится УМЦ «МЦЭ», который удачно сочетает образовательную, опытно-конструкторскую и энергосервисную деятельность.

Поступила 06.11.2013.

A. P. Levtshev, O. A. Kruchinkina.

Problems in Energy Saving and Ways of Solution

Basing on the analysis of renewable energy sources and local fuels their potential for Mordovia is evaluated. Considerable potential lies in mini hydropower plants. Until 1950's, there were 99 of them in Mordovia. Taking into consideration the flow of Mordovia's rivers and speed of currents, their present potential is estimated at 64 MW. Solar energy potential is estimated at 11.5 MW of electric energy. Taking into consideration new designs of wind turbines with a vertical axis of rotation and features of the landscape of the Republic's territory, the potential is about 3 MW. As for local fuels such as peat and shale, given their inaccessibility and production volume of 100 thousand tons for the four districts of the Republic, it will be possible to get 15 MW of electricity. Bioenergy (biodiesel, bioethanol and biogas), which is flourishing in the world, will provide 23 MW of electricity in the region due to 30 thousand hectares of land sowed with the crop of rape and the processing of 300 tons of pig manure.

The paper analyzes problems of implementation of the regional target program in the field of energy saving and energy efficiency, the ways of solution are shown implying participation of the regional University. A special place in the implementation of the regional target program takes the Educational and Scientific Center «Mordovia Centre for Energy Saving» at the Ogarev Mordovia State University, which was established in 2012. Subdivisions of this Center are well fit into most areas within the target program and work ahead. Currently, active work on upgrading and equipping of educational and research laboratories of the Center is done according to the Research University program. Expert organization in the field of energy got involved into the work on examination of technical conditions for connection to centralized power systems. Expert and Technical Center for Certification of Enterprises, Organizations and Institutions in the field of development of energy efficiency held a series of examinations to estimate the achieved rates of energy efficiency.

Priority direction in the work of the Center is to develop pilot projects in the field of heat power engineering for the region. There more than five such projects available in the Center. Two projects (pulse heat unit and optimization of thermal circuit of a boiler house) are introduced, three are recommended for implementation. The project designed for a heat unit with pulse coolant circulation, has repeatedly became winner of the National Competition held by the Technopark in the Nizhny Novgorod Region and in the Republic of Mordovia.

LEVTSEV Alexei Pavlovich, Doctor of Engineering Sciences, Full Professor, Head of the Department of Heat and Power Engineering Systems, National Research Mordovia State University.

KRUCHINKINA Olga Alekseyevna, Postgraduate at the Department of Technical Service of Machines, National Research Mordovia State University.

Г. В. БУХАРКИН М. М. ГЕРАСЬКИН

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ КАДАСТРОВОЙ ОЦЕНКИ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: кадастровая оценка земель сельскохозяйственного назначения, кадастровая стоимость земель, удельные показатели кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий, туры оценки, эффективность

Key words: cadastral valuation of agricultural lands, cadastral value of lands, per unit figures of cadastral value of farmland, rounds of evaluation, efficiency

Показано развитие системы государственной кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения в регионах на примере Республики Мордовия в 2001—2013 гг. Проанализированы средние удельные показатели кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий трех туров оценки по муниципальным районам Мордовии.

The paper shows development of the system of state cadastral valuation of agricultural lands in the regions of Russia, the case study of the Republic of Mordovia in 2001—2013. The average per unit figures of cadastral value of farmland of the three rounds of evaluation by the municipal district of Mordovia are analyzed.

БУХАРКИН Геннадий Владимирович, доцент кафедры экономики и организации производства Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ГЕРАСЬКИН Михаил Михайлович, доцент кафедры землеустройства Государственного университета по землеустройству, кандидат экономических наук (г. Москва).

В успешной реализации комплекса мер по повышению эффективности функционирования аграрной экономики исключительно важное значение имеет объективная оценка факторов производства, и в первую очередь земли как главного средства производства в сельском хозяйстве. Объективная их оценка на любом уровне хозяйствования и при любой его форме должна служить базой обоснования направлений совершенствования всех элементов экономического механизма, отправной точкой поиска резервов и повышения его эффективности.

В России оценке земли в прошлом уделялось значительное внимание. В 1971—1989 гг. в стране были выполнены четыре тура бонитировки почв и экономической оценки сельскохозяйственных угодий. В 1989—1991 гг. проведена внутрихозяйственная оценка сельскохозяйственных земель. В процессе ее выполнения накоплен большой опыт массовой оценки земель, собран и обработан обширный материал, который характеризует земельные угодья по комплексу показателей (почвенных, климатических, экономических), влияющих на продуктивность земель и затраты в производстве растениеводческой продукции. Проведению этих работ сопутствовало природно-сельскохозяйственное районирование территорий регионов России и, в частности, Республики Мордовия¹. Такие материалы широко использовались в производстве земельно-кадастровых работ и организации сельскохозяйственного производства, его специализации и концентрации, что значительно облегчило проведение государственной кадастровой оценки земель.

Вместе с тем использование для государственной кадастровой оценки земель упомянутых выше материалов не обеспечивало необходимой объективности ввиду существенного изменения экономической ситуации в стране. В последнее десятилетие изменились факторы ценообразования, условия формирования рынка земель, спрос и предложение на них, сформировался первичный рынок земельных участков, проведено кадастровое деление территории субъектов Российской Федерации².

В настоящее время государственная кадастровая оценка по установлению кадастровой стоимости земельных участков в субъектах Российской Федерации, в том числе и в Мордовии, ведется достаточно активно. Для обеспечения сравнимости

кадастровой стоимости по субъектам Российской Федерации оценочные работы выполняются по единым для всей России методикам. В ходе проведения в 2000—2001 гг. I тура оценки земель оценивались сельскохозяйственные угодья. Работа осуществлялась в два этапа. Первый этап работы был выполнен в Росземкадастре. По его результатам до республики были доведены базовые показатели стоимости сельскохозяйственных угодий. Оценочная продуктивность — 1 165 руб./га или 10,9 ц. к. ед., оценочные затраты — 790 руб./га, земельная рента 333 руб./га, кадастровая стоимость — 10 990 руб./га. На втором этапе оценки эти параметры, рассчитанные в среднем по республике, дифференцировались по административным районам.

Второй тур оценочных работ по землям сельскохозяйственного назначения выполнялся в 2006 г. в соответствии с Методическими рекомендациями по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения, утвержденными приказом Минэкономразвития России от 4 июня 2005 г. № 145. Проводился он в два этапа.

На первом этапе Федеральным агентством кадастра объектов недвижимости была проведена оценка сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения на уровне субъектов Российской Федерации и полученные базовые нормативные показатели были доведены до регионов. В частности, для Мордовии они составляли: оценочная продуктивность — 2 528 руб./га, или 11,2 ц. к. ед./га, оценочные затраты — 1 792 руб./га, цена производства — 1 917 руб./га, дифференциальный рентный доход — 611 руб./га, расчетный рентный доход — 637 руб./га, кадастровая стоимость — 21 020 руб./га.

На втором этапе второго тура нормативные базовые показатели, доведенные до республики, дифференцировались по административным районам. Результаты оценочных работ рассматривались на уровне муниципальных районов, городов в соответствии с упомянутыми ранее методическими рекомендациями и были утверждены Постановлением Правительства Республики Мордовия от 27 ноября 2006 г. № 516. С учетом уточнений, изменений и дополнений, внесенных Постановлением Правительства Республики Мордовия от 21 мая 2007 г. № 221, признано утратившим силу прил. 2 к постановлению Правительства Республики Мордовия от

27 ноября 2006 г. № 516 и утверждены минимальные и средние медианные удельные показатели кадастровой стоимости земельных участков сельскохозяйственного назначения.

В зависимости от принимаемых методических подходов к определению кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения в республике было выделено пять групп земель по их функциональному использованию и особенностям формирования рентного дохода в сельскохозяйственном производстве или его капитализации, исходя из затрат, необходимых для воспроизводства природного потенциала земли: I группа — сельскохозяйственные угодья; II группа — земли, занятые внутрихозяйственными дорогами, проездами, прогонами для скота, коммуникациями, полезащитными лесополосами, зданиями, строениями и сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции, а также нарушенные земли, находящиеся под промышленными разработками общераспространенных полезных ископаемых: глины, песка, щебня и т. д.; III группа — земли под замкнутыми водоемами; IV группа — земли под древесно-кустарниковой растительностью (за исключением полезащитных лесополос), болотами, нарушенные земли (за исключением тех, которые отнесены ко II группе); V группа — земли под лесами, переведенные в установленном законодательством порядке в состав земель лесного фонда и находящиеся у землевладельцев (землепользователей) на праве постоянного (бессрочного) или безвозмездного пользования.

В среднем по Мордовии наибольшие удельные показатели кадастровой стоимости имели земли I группы — 2,63 руб./м² (сельскохозяйственные угодья), а наименьшие — IV группы — 0,09 руб./м² (земли под древесно-кустарниковой растительностью, болота, нарушенные земли). Кадастровая стоимость этих земель составляли соответственно 26 300 и 900 руб./га. Кадастровая стоимость земель II, III и V групп в среднем по республике составляла соответственно 23 700, 19 100 и 3 000 руб./га.

По данным Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Мордовия кадастровая стоимость земель в административных границах республики, по состоянию на 1 января 2013 г., составила 695 млрд. руб. Кадастровая стоимость земель сель-

скохозяйственного назначения была определена на уровне 35,8 млрд. руб., что соответствует 5,15 % совокупной кадастровой стоимости земельных ресурсов. Следует отметить, что результаты II тура государственной кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения, в том числе сельскохозяйственных угодий (2006 г.), были значительно более обоснованы и гораздо выше, чем результаты I тура (2001 г.). В Мордовии в 2013 г. выполнен III тур государственной кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения, результаты которого будут использованы с 1 января 2014 г. Проводился он в соответствии с приказом Минэкономразвития России от 20 сентября 2010 г. № 445, которым были утверждены новые Методические указания по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения³.

Необходимость разработки новых правил оценки была обусловлена бурным развитием рынка недвижимости, что вызывало несоответствие ранее определенной кадастровой стоимости объекта недвижимости его реальной стоимости. Достоинством новой методики является более объективное определение кадастровой стоимости на конкретный земельный участок (объект недвижимости) с возможностью эффективнее использовать объективные статистические данные различных сегментов рынка, факторов стоимости для справедливого распределения налогового бремени, создания цивилизованной системы налогообложения и ценообразования. Методическими указаниями 2010 г. установлен иной состав видов использования земельных участков, входящих в группы земель, нежели в Методических рекомендациях по государственной кадастровой оценке земель сельскохозяйственного назначения, утвержденных приказом Минэкономразвития России от 4 июля 2005 г. № 145.

В целом по Мордовии средний удельный показатель кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий III тура составил 3,26 руб./м², что больше соответствующего показателя II тура на 0,63 руб./м², или на 24,0 % (таблица).

Наибольшие значения кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий сложились в Рузаевском районе, ГО Саранск, Лямбирском и Ромодановском муниципальных районах. Наименьшие — в Теньгушевском, Краснослободском и Ельниковском районах республики.

Таблица

**Сравнительная оценка средних удельных показателей
кадастровой стоимости сельскохозяйственных угодий⁴**

Муниципальный район (городской округ)	I тур, 2001 г.	II тур		III тур, 2013 г.	Темп роста результатов III тура к результатам II тура, %
		В соответствии с Постановлением Правительства Республики Мордовия от 27 ноября 2006 г. № 516	В соответствии с Постановлением Правительства Республики Мордовия от 21 мая 2007 г. № 221		
Ардатовский	1,18	2,47	3,24	4,29	132,4
Атюрьевский	0,8	1,83	2,47	3,16	127,9
Атяшевский	1,34	2,58	3,09	4,08	132,0
Большеберезниковский	0,98	1,67	2,06	2,35	114,1
Большеигнатовский	0,85	1,97	2,14	2,81	131,3
Дубенский	1,02	1,91	1,82	2,34	128,6
Ельниковский	0,80	0,66	1,23	1,57	127,6
Зубово-Полянский	0,81	1,32	1,37	1,62	118,2
Инсарский	1,07	2,01	1,81	2,55	140,9
Ичалковский	1,24	2,80	3,22	3,99	123,9
Кадошкинский	1,13	2,30	2,32	3,19	137,5
Ковылкинский	1,04	1,98	2,78	3,58	128,8
Кочкуровский	1,17	2,28	2,70	3,31	122,6
Краснослободский	1,03	1,80	1,07	1,37	128,0
Лямбирский	1,54	2,88	3,47	4,57	131,7
Ромодановский	1,43	3,05	3,47	4,47	128,8
Рузаевский	1,30	2,90	4,06	5,23	128,8
Старошайговский	0,96	2,29	2,87	3,88	135,2
Темниковский	0,86	1,43	2,52	3,29	130,6
Теньгушевский	0,72	0,76	0,77	1,12	145,5
Торбеевский	1,31	2,94	2,99	4,00	133,8
Чамзинский	1,07	2,38	1,68	2,19	130,4
ГО Саранск	1,74	3,56	4,06	4,85	119,5
В среднем по республике	1,1	2,1	2,63	3,26	124,0

Методики государственной кадастровой оценки земель по мере развития рынка недвижимости, несомненно, должны совершенствоваться, показатели кадастровой стоимости земельных участков — обновляться и вноситься в государственный кадастр недвижимости. Это будет способствовать повышению эффективности управления земельными ресурсами и повышать эффективность использования земельных ресурсов.

Осуществление государственной кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения по новым методическим правилам позволит повысить качество результирующих показателей оценки. Создание и ведение базы данных кадастровой оценки земель на новой земельно-оценочной основе обеспечит совершенствование управления земельными ресурсами, улучшение их использования и охраны; содействие развитию рынка недвижимости; совершенствование ипотеки; получение актуальной информации органами государственной власти, муниципальными образованиями, участниками рынка недвижимости и иными заинтересованными лицами; действенность мониторинга информации в системе государственного кадастра объектов недвижимости; пополнение бюджетов всех уровней за счет средств от платежей за землю; повышение эффективности проведения последующих туров кадастровой оценки земель сельскохозяйственного назначения.

Таким образом, государственная кадастровая оценка земли является эффективным мероприятием, способствующим росту экономики страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Земельный кадастр Мордовской АССР: сборник основных данных. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1970. 356 с.; Природно-сельскохозяйственное районирование земельного фонда СССР. М.: Колос, 1975. 257 с.; Тишкин В.В., Третьяков А.В., Фролов А.Н. Кадастровая оценка сельскохозяйственных угодий Республики Мордовия. Саранск, 2001. 168 с.

² См.: Кадастровое деление территории Республики Мордовия // Гос. кадастр недвижимости / редкол.: В.В. Тишкин, А.Н. Фролов, М.М. Гераськин. Саранск, 2008. 350 с.; Бухаркин Г.В. Совершенствование системы оценки сельскохозяйственных угодий // Регионология. 2002. № 3. С. 101—106.

³ См.: Гераськин М.М., Бухаркин Г.В. Кадастровая оценка земель сельскохозяйственного назначения в Республике Мордовия. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 84 с.

⁴ См.: Гераськин М. М. К вопросу кадастровой оценки земель // Экономика сельского хозяйства России. 2011. № 1. С. 49—53.

Поступила 22.11.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Zemel'nyj kadastr Mordovskoj ASSR: sbornik osnovnyh dannyh. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1970. 356 s.; Prirodno-sel'skohozjajstvennoe

rajonirovanie zemel'nogo fonda SSSR. M.: Kolos, 1975. 257 s.; Tishkin V.V., Tret'jakov A.V., Frolov A.N. Kadastruvaja ocenka sel'skohozjajstvennyh ugodij Respubliki Mordovija. Saransk, 2001. 168 s.

² Sm.: Kadastrvoe delenie territorii Respubliki Mordovija // Gos. kadastr nedvizhimosti / redkol.: V.V. Tishkin, A.N. Frolov, M.M. Geras'kin. Saransk, 2008. 350 s.; Buharkin G.V. Sovershenstvovanie sistemy ocenki sel'skohozjajstvennyh ugodij // Regionologija. 2002. № 3. S. 101—106.

³ Sm.: Geras'kin M.M., Buharkin G.V. Kadastruvaja ocenka zemel' sel'skohozjajstvennogo naznachenija v Respublike Mordovija. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2012. 84 s.

⁴ Sm.: Geras'kin M. M. K voprosu kadastrovoj ocenki zemel' // Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii. 2011. № 1. S. 49—53.

G. V. Bukharkin, M. M. Geraskin. Development of a System of Cadastral Valuation of Agricultural Lands in a Region

Objective information on the factors of production, their valuation at any level of management whatever form it takes, should become a basis to substantiate the ways of improving all elements of the economic mechanism and a starting point for the search of reserves and increase in efficiency.

Lands valuation work in Russia as a whole and in Mordovia in particular has a long history. In its early period (1971—1989) four rounds of soil quality and economic valuation of agricultural lands were performed. In 1989—1991, on-farm valuation of agricultural lands was conducted. In the modern period (2001—2013), interest in valuation of agricultural lands increased. In Russia, and in Mordovia, three rounds of land-valuation work were carried out. The accumulated factual material required systematization, generalization, and this was done in the work manuscript. In particular, average per unit figures of cadastral value of farmland of the three rounds of evaluation by the municipal district of Mordovia were calculated and analyzed; methodological material of cadastral valuation of lands implementation was generalized. It was indicated that the implementation of state cadastral valuation of agricultural lands according to new methodological rules, which were used during the third round of the land evaluation work will improve the quality of the resulting indicators of valuation work. State cadastral valuation of land will become an effective measure promoting optimization of economic relations in Russia.

BUKHARKIN Gennady Vladimirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Organization of Production, National Research Mordovia State University.

GERASKIN Mikhail Mikhailovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Land Management, State University of Land Use Planning (Moscow).

Т. М. МАЛЬКОВА ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АРЕНДЫ ЛЕСНЫХ УЧАСТКОВ В РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ В УСЛОВИЯХ РАЗДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Ключевые слова: аренда, лесной участок, лесовосстановление, расходы, арендная плата, лесное хозяйство, лесозаготовка, лесоуправление, доходность

Key words: lease, forest land, reforestation, expenses, rent, forestry, logging, forest management, profitability

Определены тенденции развития арендных отношений как основного вида права пользования в лесном хозяйстве России и Республики Марий Эл, выявлены особенности, проблемы и перспективы развития арендных отношений в лесном секторе России и Республике Марий Эл.

Tendencies of development of leasing relations as the main type of the right of use in Russia's forestry and in that of the Republic of Mari El are defined; peculiarities, problems and prospects of development of leasing relations in the forestry sector of Russia and of the Republic of Mari El are revealed.

Экономические отношения в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов определяет Лесной кодекс РФ, который разделил государственные и хозяйственные функции в лесоуправлении. Основным видом права пользования является аренда лесных участков, на которых арендаторы выполняют лесохозяйственные работы за собственные средства¹.

По состоянию на 1 января 2012 г. площадь лесов России составляет 1 183,4 млн га. В аренде находится около 228 млн га (свыше 14 %). В Республике Марий Эл (РМЭ) площадь лесов составляет 1 337,0 тыс. га, из них в аренде находится 1 222,4 тыс. га (свыше 90 %). В России было заключено 52 489 договоров аренды, из них 10 481 шт. для заготовки древесины и 12 028 шт. с целью осуществления рекреационной деятельности (20 и 23 % соответственно).

МАЛЬКОВА Татьяна Максимовна, аспирант кафедры экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета (г. Йошкар-Ола).

В РМЭ было заключено 162 договора аренды, из них 64 шт. для заготовки древесины и 48 шт. с целью ведения сельского хозяйства (39 и 30 % соответственно). Поэтому основным видом пользования на правах аренды является заготовка древесины.

За период 2007—2009 гг. в России объемы заготовки древесины имеют тенденцию к уменьшению (с 167,4 до 158,4 млн м³). Далее наблюдается их рост. В 2011 г. объем заготовки составил 196,7 млн м³. При этом значительно увеличился объем заготовки древесины на правах аренды (с 93,9 до 142,1 млн м³). До 2008 г. объемы заготовки древесины по договорам купли-продажи и договорам аренды совпадали, а с 2009 г. наблюдается тенденция роста последних в общей структуре².

В РМЭ преобладает заготовка древесины арендаторами. Так, в 2011 г. арендаторами было заготовлено 1 623,2 тыс. м³ древесины, что больше значения 2008 г. на 37 %. Объемы заготовки по договорам купли-продажи остаются незначительными (4,6 тыс. м³ в 2008 г. и 108,9 тыс. м³ в 2011 г.). Следует отметить, что в 2008—2010 гг. объемы заготовки древесины по договорам аренды существенно превышали объемы заготовки по договорам купли-продажи, а с 2010 г. наблюдается тенденция увеличения доли последних. Таким образом, развитие арендных отношений в РМЭ идет быстрее, чем в целом по РФ. Это связано с тем, что РМЭ имеет высокий лесной потенциал (один из самых лесистых субъектов в ПФО).

Установленный размер ежегодного отпуска древесины в России на лесных участках, арендованных для заготовки древесины, используется лишь на 60 %. На арендованных лесных участках в 2011 г. было заготовлено 142,1 млн м³ (72 % общего объема заготовки), что на 19,5 млн м³ больше, чем в 2010 г., и на 51,6 млн м³ больше по сравнению с 2007 г.

В РМЭ на арендованных лесных участках в 2011 г. было заготовлено 1 623,2 тыс. м³ (или 93,7 %), что на 438,8 тыс. м³ больше, чем в 2010 г., и на 439,3 тыс. м³ больше по сравнению с 2008 г. Расчетная лесосека использована на 95,07 %, что на 26,49 % больше, чем в 2010 г. Поэтому для РМЭ характерно наиболее полное использование древесины, чем в целом по России³.

Существующий уровень платежей за древесину на корню является не достаточным для покрытия всех расходов на ведение лесного хозяйства. Одной из причин этого являются большие недоимки по платежам за использование лесов. По состоянию на 1 января 2012 г. недоимка в федеральный бюджет России составляла 4 288,2 млн руб., в том числе за прошлые периоды 2 498,8 млн руб. (по начисленным в 2011 г. платежам недоимка составила 1 789,4 млн руб.). Анализ динамики поступлений доходов и расходов в лесном хозяйстве на федеральном уровне доказывает убыточность лесного хозяйства (доходность в 2008 г. составила 0,76 р./р., в 2009 г. — 0,66 р./р., в 2010 г. — 0,85 р./р., в 2011 г. — 0,46 р./р.). Доходы за анализируемый период увеличились незначительно — с 18,5 млрд руб. в 2008 г. до 21,6 млрд руб. в 2011 г. Уменьшение доходов в 2009 г. объясняется тем, что не все лесозаготовители были готовы взять в аренду лесные участки с обязательным последующим лесовосстановлением. Увеличение расходов в 2011 г. (с 23,6 млрд руб. в 2010 г. до 46,7 млрд руб. в 2011 г.) связано с необходимостью дополнительного финансирования мероприятий по ликвидации последствий от лесных пожаров.

В рассматриваемый период лесное хозяйство РМЭ было убыточным, причем в 2011 г. наблюдалась наибольшая величина убытка — 352,51 млн руб. Доходность сократилась с 0,65 р./р. в 2008 г. до 0,27 р./р. в 2011 г. Лесные доходы за анализируемый период не превышали 135 млн руб. Анализ ставок платы за 1 м³ древесины лесных насаждений показал, что превышение средних над минимальными составляет около 44 %. За рассматриваемый период произошло снижение средних ставок в среднем на 3 %, минимальных — на 4 % в год. Так, в 2008 г. средняя ставка платы составила 51,1 р./м³, а в 2011 г. — 47,1 р./м³. Средняя минимальная ставка платы в 2008 г. — 36,3 р./м³, в 2011 г. — 32,1 р./м³. Темпы роста средних и минимальных ставок арендной платы выше темпов роста уровня инфляции за исключением 2010 г. Это говорит об их низком уровне. В РМЭ средний уровень превышения средней ставки платы за 1 м³ древесины лесных насаждений над минимальной составляет 75 %, что значительно больше превышения, характерного для РФ в целом. В 2008 г. средняя ставка платы составила 76,4 р./м³, а в 2011 г. — 74,0 р./м³. Средняя минимальная ставка

платы в 2008 г. — 37,4 р./м³, в 2011 г. — 43,5 р./м³. При этом фактическое превышение больше уровня инфляции. По остальным видам пользования ставки не превышают минимальные размеры⁴.

С 2007 г. все лесовосстановительные, лесохозяйственные, защитные и противопожарные работы выполняют субъекты РФ (за исключением Московской области). За анализируемый период объемы лесохозяйственных работ по воспроизводству лесов увеличились почти в 2 раза (рисунок).

Рисунок. Динамика объемов работ по лесовосстановлению в РФ, тыс. га

На 1 января 2012 г. лесовосстановительные мероприятия проведены на площади 856,6 тыс. га (102,8 % установленного на текущий год объема работ). Арендаторы лесных участков провели лесовосстановление на площади 562,5 тыс. га, в том числе посадкой — 116,4 тыс. га при плане 116,1 тыс. га или 100,3 %. Основным способом восстановления лесов в стране остается содействие естественному возобновлению. В 2011 г. меры содействия естественному возобновлению проведены на площади 646 тыс. га, что составляет 76,8 % общей площади выполненных лесовосстановительных работ.

Такая же тенденция характерна и для РМЭ. Ежегодный объем лесовосстановления составляет 2 600—2 800 га ежегодно. Фактические значения объемов лесовосстановления превышают плановые в 2008 г. на 0,3 га, в 2009 г. — на 20,7 га, в 2010 г. — на 263,6 га, в 2011 г. — на 84,8 га. Все лесовосстановительные работы выполнены в основном на арендованных лесных участках.

Таким образом, анализ развития арендных отношений в лесном хозяйстве России и РМЭ отражает их высокие темпы. При этом в РМЭ развитие идет более интенсивно. Можно выделить несколько общих тенденций развития арендных отношений: увеличение площади аренды лесных участков; преобладание заготовки древесины как основного вида пользования на правах аренды, наиболее полное ис-

пользование изымаемых ресурсов; уменьшение доходности лесного хозяйства; преобладание естественного возобновления над искусственным. Однако существуют проблемы, обусловленные особенностями социально-экономического развития. Недостаточно развито многоцелевое лесопользование. Уровень арендной платы остается достаточно низким при высокой доле недоимок по начисленным платежам и не обеспечивает покрытия расходов в объемах, необходимых для непрерывного, неистощительного лесопользования и устойчивого развития лесной отрасли.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон «Лесной кодекс Российской Федерации» от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 12.03.2013).

² См.: Официальный сайт федерального агентства лесного хозяйства РФ. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/agency> (дата обращения: 10.01.2013).

³ См.: Официальный сайт министерства лесного хозяйства Республики Марий Эл. URL: <http://portal.mari.ru/minles/default.aspx> (дата обращения: 10.01.2013).

⁴ См.: Малькова Т.М., Порядина О.В. Эконометрическое моделирование эффективности лесопользования // Вестн. Чуваш. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2012. № 4. 409—416.

Поступила 04.06.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Federal'nyj zakon «Lesnoj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 4 dekabrja 2006 g. № 200-FZ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (data obrashhenija: 12.03.2013).

² Sm.: Oficial'nyj sajt federal'nogo agentstva lesnogo hozjajstva RF. URL: <http://www.rosleshoz.gov.ru/agency> (data obrashhenija: 10.01.2013).

³ Sm.: Oficial'nyj sajt ministerstva lesnogo hozjajstva Respubliki Marij Jel. URL: <http://portal.mari.ru/minles/default.aspx> (data obrashhenija: 10.01.2013).

⁴ Sm.: Mal'kova T.M., Porjadina O.V. Jekonometricheskoe modelirovanie jeffektivnosti lesopol'zovanija // Vestn. Chuvash. un-ta. Ser.: Gumanit. nauki. 2012. № 4. 409—416.

T. M. Malkova. Trends in Development of Forest Lands Rent in Russia and in the Republic of Mari El in Terms of Separation of Public and Economic Functions

With the implementation of the Forest Code of the Russian Federation in the version of 2006, there were significant changes in the organizational

and economic mechanism of management of forests. While maintaining federal forest ownership, economic functions of forest reproduction, responsibility for forest management on leased forest areas are assigned to commercial organizations. In this regard, the paper analyzes and evaluates the current state of the lease terms for the use, protection and reproduction of forests in Russia and in the Republic of Mari El. Indicators of evaluation of the state and development of leasing relations in forest management are examined: normative amount of prescribed cut, level of logging, average rents, dynamics of income and expenditure in the forest management system, amounts of funding protection, conservation and forest renewal, volumes of reforestation. On the basis of the analytical assessment of the state and development of leasing relations in forestry in Russia and in the Republic of Mari El, tendencies in their development are revealed. Conclusions are made basing on dynamic statistical data. The problems and prospects of further development of leasing relations in the forestry sector of the Republic of Mari El and Russia as a whole are exposed.

MALKOVA Tatiana Maksimovna, Postgraduate at the Department Economics and Organization of Production, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola).

В. П. БАБИНЦЕВ   Г. Ф. УШАМИРСКАЯ

СУБКУЛЬТУРА БЮРОКРАТИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ХРОНОТОПЕ

Ключевые слова: управление, бюрократия, субкультура, имитации
Key words: administration, bureaucracy, subculture, imitation

Рассматриваются феномен субкультуры бюрократии, определяемая как специфический ценностный локальный мир чиновника, основные направления распространения бюрократической субкультуры в современном обществе. Выявляются наиболее характерные признаки субкультуры бюрократии: имитационный характер, установка на упрощение, деформированный корпоративизм.

The paper discusses the phenomenon of bureaucracy subculture defined as a specific value local world of an officer, as well as the main directions of spreading of bureaucratic subculture in the contemporary society. The most characteristic features of the subculture of bureaucracy are identified: imitative nature, set on simplification, deformed corporativism.

Бюрократия, представляющая собой формализованную систему управления обществом и его отдельными структурами, а также особую социально-профессиональную группу, явля-

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор.

УШАМИРСКАЯ Галина Федоровна, ректор Волжского института экономики, педагогики и права, доктор социологических наук, профессор.

ется одним из основ российской цивилизации. В последние десятилетия в России она инкорпорируется практически во все сферы жизни социума. Существует искушение рассматривать этот процесс либо как универсальную тенденцию к огосударствлению (этатизации) общественной жизни, либо как возрождение традиций тоталитарного правления. Однако такая точка зрения не отражает всей глубины и качественного своеобразия совершающихся перемен.

Системная и последовательная бюрократизация общества заключает в себе не только и не столько административно-управленческое содержание, а социокультурные смыслы, выражающиеся в субкультурных модификациях. Представляется, что традиционный веберовский подход к бюрократии с акцентом на восприятии ее как системы специфических государственно-управленческих практик нуждается в корректировке. Недостаточным выглядит и позиция К. Маркса, рассматривавшего бюрократию в качестве особого замкнутого сообщества в государстве, мнимого государства существующего наряду с реальным, для которого характерны формализм, карьеризм, подмена общественных интересов частными и групповыми.

Феномен бюрократии, нашедший свое воплощение и за пределами государства, а в ряде случаев безотносительно к нему (церковная иерархия, корпоративный менеджмент), может и должен анализироваться как субкультурное образование, претендующее на трансформацию в культурный мейнстрим. Более того, именно вне государственных (и муниципальных) рамок бюрократия наиболее полно и последовательно раскрылась как особый ценностно-смысловой комплекс, в рамках которого административные практики являются лишь внешней формой мировоззренческих установок и ориентаций. Очевидно, что государство является лишь одним из механизмов реализации бюрократической идентичности, который уже нельзя определять не только в качестве единственного.

Субкультура современной российской бюрократии представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой — «большой», «материнской» — культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических ма-

нифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности, подсистемах стилей и стилового поведения, групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства. При этом субкультурные особенности в гораздо большей степени, чем социально-статусные факторы, выделяют бюрократию из общей массы населения как надгосударственную корпорацию, своего рода орден.

Чиновничья субкультура в течение довольно длительного периода отечественной истории была сознательно изолирована от материнской. Бюрократия оберегала свой мир, целенаправленно фабрикуя мифы о его идентичности с повседневными практиками «простого человека». Подобное конструирование было эффективным способом защитить его, сделать неуязвимым для критики. Но ситуация существенно изменилась в последние годы под влиянием комплекса разнородных обстоятельств. Во-первых, повсеместное распространение новых информационно-коммуникационных технологий существенно снизило возможности сокрытия специфических корпоративных культурных образцов. Во-вторых, на периферии бюрократии сформировалась огромная маргинальная группа «полу-чиновников», которые, с одной стороны, получили, хотя и ограниченный, но доступ к бюрократическим ценностям и смыслам, примерили их на себя, с другой — во многих отношениях сохранили культурные стереотипы небюрократической среды. В эту периферийную группу входят работники государственных учреждений и предприятий, учреждений бюджетной сферы. В социокультурном отношении они представляют своеобразный «гибрид» бюрократии и интеллигенции, нередко заимствующий от обоих слоев далеко не лучшие качества. В-третьих, общий идеологический фон в стране стал настолько комплиментарным к бюрократической субкультуре, что ее носители уже более не считают нужным скрывать свои жизненные установки, склонны предлагать их как эталонные. Одним из следствий этого, в частности, становится огромное количество молодых людей, желающих поступить в вузы по направлению «Государственное и муниципальное управление». Чиновники, что было не принято еще лет 15—20 назад, становятся публичными, открыто формулируя свою позицию, даже если она противоречит доминирующим

в общественном сознании взглядам. Достаточно вспомнить в этой связи конфликт между позицией министра образования и науки Российской Федерации Д. В. Ливановым и вузовской общественностью.

Вероятно, что в настоящее время субкультурная интенция бюрократии становится контркультурной по отношению к большей части общества. В этом чиновники чаще всего не только не видят проблемы, но и готовы рассматривать свою контркультурность как естественное состояние, безусловное право и важнейшее профессиональное качество.

В развитии современной российской бюрократии (условно его можно было бы определить как процесс бюрократизации, но, к сожалению, это понятие используется для характеристики исключительно негативных аспектов рассматриваемого явления) можно проследить две черты, характерные, по мнению В. А. Мансурова, для становления любой профессиональной группы: выделение собственной области знания и трансформация ее социальных предпочтений для общества; формирование собственной идеологии. Уникальным знанием бюрократии стала праксеология управления. В данном случае речь идет не о теории и не о социологии управления, а о праксеологии, т. е. о комплексе представлений, сформулированных на основе индивидуального и корпоративного опыта управления и пригодных для утилитарного использования.

В отношении идеологии бюрократии сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, ее формально не существует, хотя бы потому, что деидеологизация государственного управления является конституционной нормой. Но, с другой стороны, фактической идеологией бюрократии в течение последних двух десятилетий является идеология ультралиберализма, в основе которой лежит отмеченный еще К. Марксом культ практической потребности и своекорыстия. В России он стал эталоном поведения усилиями административно-управленческой элиты. А. С. Запесоцкий подчеркивает: «Идеологи реформ фактически предлагают отбросить не только коммунистическую идеологию, но и христианскую мораль. Их божество — деньги, их мораль — выгода»¹.

Несомненно, ультралиберализм принимается далеко не всеми чиновниками. Ощущая ограниченность этого типа мировосприятия, их отдельные представители пытаются

заполнить идеологический вакуум и для этого обращаются к околонучным, псевдофилософским и неорелигиозным концепциям. Здесь бывает представлен самый разнообразный спектр индивидуальных увлечений от масонства и теософии — до неоязычества.

Довольно сложно обстоит дело с третьей чертой, которую В. А. Мансуров определяет как создание организаций и ассоциаций. Следует иметь в виду, что такие организации нужны для формирования «своих представителей, которые способны стандартизировать и контролировать распространение экспертного знания»². Фактически, они сформированы бюрократией, и воплощены в виде представительных органов государственной и муниципальной власти, а в последнее время — еще и в форме так называемых институтов гражданского общества (общественных палат, общественных и общественно-консультативных советов при органах исполнительной власти различных уровней).

Никого не должно вводить в заблуждение определение подобных структур в качестве «общественных» и «гражданских». Как правило, они формируются государственными чиновниками при участии коллег, представляющих иные социальные институты, из числа людей, инкорпорированных в бюрократическую субкультуру. За счет представителей этой категории создается своеобразная «периферийная бюрократическая среда», имеющая маргинальный, по своей природе характер.

Однако, несмотря на то, что процессы развития бюрократии весьма схожи с процессами становления профессиональных групп, они все же значительно глубже по своему содержанию и не укладываются в рамки профессионализации. Во-первых, потому что в профессиональном отношении бюрократия, по меньшей мере, формально дифференцирована и любыми средствами стремится поддержать представление о такой дифференциации. В частности, функционер, занятый в управлении вузом чаще всего будет отрицать свое «генетическое родство» с государственным служащим и репрезентировать себя как работника сферы образования, менеджера, несмотря на то, что зачастую приветствовал бы распространение статуса государственных служащих на свою когорту. Во-вторых, общность представителей бюрократической корпорации прослеживается более всего в

групповых формах культурных стандартов и связанных с ними стилях поведения, благодаря которым ее члены легко идентифицируют друг друга, находят взаимопонимание и считаются друг с другом.

Культурная идентичность в данном случае является основной для интенсивной внутригрупповой мобильности и обеспечивает высокую степень адаптации в новой профессиональной среде в случае добровольной или вынужденной смены сферы деятельности. Отметим, что довольно четко фиксируемый значительный адаптационный потенциал представителей региональной бюрократии трудно объяснить только владением ими универсальными технологиями управления. Чтобы вписаться в новую организационную среду, в корпоративную культуру необходимо совместить собственные ценности и нормы с ценностями и нормами наличной корпоративной культуры.

Итак, в субкультурном отношении бюрократия однородна, вне зависимости от места приложения своих усилий, агрессивна и ориентирована на универсализацию собственных ценностей и смыслов. При этом эпоха постмодерна внесла существенные коррективы в их содержание, точнее элиминировала его, заменив имитациями, симулякрами и квази ритуалами. Все отмеченные составляющие в бюрократическом прочтении тесно связаны друг с другом, не могут существовать раздельно, зачастую посредством друг друга и определяются.

Имитации представляют собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются и подменяются формальным воспроизведением операций и процедур, сопровождаемым их демонстрацией, декларацией и декорацией. Имитации составляют важнейший ценностно-смысловой комплекс бюрократической субкультуры, все более распространяющийся на управленческие отношения. Показательно, что в ходе проведенного нами в 2012 г. в Белгородской области экспертного опроса, в котором приняли участие 18 экспертов из числа государственных и муниципальных служащих, депутатов регионального парламента и ученых, все участники полностью или частично согласились: имитационные практики распространены в современном государственном управлении. Основными формами их проявления эксперты назвали формулировку внешне привлекательных,

но недостижимых целей (61,1 %); изображение чиновниками бурной деятельности при реальной пассивности (38,9 %) и создание функционально необоснованных структур (38,9 %).

Имитационные практики инициируют массовое внедрение в процесс управления на всех уровнях ритуальных технологий. Ритуал, наиболее распространенной формой которого являются совещания и заседания, становится органичным элементом профессиональных культурных практик в самых различных сферах. При этом получает все более широкое распространение презентация квазинаучных рецептов решения социальных проблем, возрождающих либо эзотерические практики прошлого, либо рекомендации сект сайентологического типа, тем более что всегда находятся специалисты, предлагающие зачастую невежественным в философско-методологическом отношении руководителям квазинаучные концепции, сулящие субъекту РФ, по заверениям их носителей, при условии реализации более или менее безоблачное будущее. Особенно часто подобные схемы реализуются в провинции при участии «московских гуру», позиционирующих себя в качестве столпов современной науки. С помощью бюрократии и при ее содействии в региональном управлении формируется «номадический механизм» экспертной деятельности.

Имитационные практики в настоящее время не ограничиваются сферой профессиональной деятельности чиновников. Происходит своеобразная диффузия имитаций, как элемент диффузии бюрократической субкультуры.

Не меньшее распространение получает и другая характерная черта бюрократической субкультуры — установка на упрощение социальных явлений и процессов. В самой бюрократической среде она имеет существенное оправдание, поскольку эта система управления базируется на комплексе унифицированных практик, а компетентным менеджером в данной ситуации становится чаще всего тот, кто лучше других умеет применять такие практики в стандартных ситуациях.

За пределами государственного и муниципального управления эффективность унификации и упрощения неоднозначна, а иногда и вредна. Последнее относительно недавно проявилось в попытке применить упрощенную схему оценки эффективности российских вузов на основе так называемых

«критериев Климова». Но, очевидно, что упрощенные, унифицированные модели будут все интенсивнее внедряться в социальные процессы, несмотря на заявления об усилении многообразия и вариативности современного мира. В данной связи возникает довольно серьезное противоречие. Объективно общество становится все более вариативным, социальные системы — нелинейными. Между тем бюрократическая самоорганизация с ее установкой на стандартизацию, нормативно закреплённую административной реформой, олицетворяет собой противоположный тренд, проявляющийся в деятельности большинства работников. Показательно, что в ходе приведенного выше исследования 50 % экспертов главным недостатком чиновников назвали шаблонность мышления. Но ситуация усугубляется еще и тем, что, в силу диффузии субкультур шаблонность (стандартность) мышления возвышается до уровня универсальной ценности. И это относится, прежде всего, к сфере менеджмента, наиболее тесно соприкасающейся с областью государственного и муниципального управления.

В связи с этим, на наш взгляд, показательны результаты социологического исследования «Управление формированием социально-технологической культуры менеджеров», проведенного Центром социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета в 2011 г. Исследование проводилось в рамках Государственного контракта П439 от 12 мая 2010 г. на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд «Управление формированием социально-технологической культуры менеджеров» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.1. Опрошено 700 действующих и 700 будущих менеджеров в Белгородской, Курской и Липецкой областях.

Исследование показало, что для современных менеджеров представляют значительные трудности, процедуры, требующие креативных решений. К числу таких процедур респонденты отнесли прогнозирование будущего (24,1 %), соотнесение собственных целей с целями окружающих (16,3 %), разрешение конфликтов (15,3 %), расчет ресурсов, необходимых для достижения целей (14,9 %), определение

альтернативных вариантов поведения (14,3 %), анализ поведения окружающих (14,0 %).

Современная российская система образования все больше ориентируется на продуцирование стандартно мыслящих, а потому (в распространенном прочтении) компетентных людей, «отформатированных» по бюрократическому образцу. В этом своем качестве российское образование функционирует вполне адекватно эволюции бюрократической субкультуры.

Другим весьма существенным ценностно-смысловым комплексом, разделяемым чиновниками, является деформированный корпоративизм. В самой идее корпоративизма нет однозначно негативного содержания, поскольку групповая солидарность является одним из условий достижения коллективных целей, защиты профессиональных интересов и самореализации личности. Проблемы возникают тогда, когда корпоративные интересы гипертрофируются; их достижение связывается с неправовыми и аморальными способами; другие формы корпоративизма рассматриваются в качестве недостаточно легитимных и потенциально опасных. Именно такие представления все более распространяются в чиновничьей среде, что находит свое отражение на уровне массового сознания в виде низкого уровня удовлетворенности работой органов государственной власти и должностных лиц. В частности, ежегодно (до 2012 г.) проводимый мониторинг в Белгородской области (n = 6 800) в 2011 г. показал: за исключением губернатора области, их деятельностью были удовлетворены менее 50 % респондентов; работой правительства области — 45,1 %; областной думы — 39,7 %.

Бюрократический «деформированный корпоративизм» имеет тенденцию к диффузии и существенно «подпитывает» нелегитимные корпоративные отношения в общей массе населения, хотя не является их единственным источником. Но четко фиксируемые стандарты поведения чиновника, при всем преимущественно негативном отношении к нему, как правило, являются источником оправдания собственных (иногда неправовых и безнравственных) действий, а также эталоном поведения. Бюрократическое отношение к реальности многократно воспроизводится в сознании и поведении представителей различных социальных групп.

Субкультурная специфика бюрократии наиболее ярко проявляется на региональном уровне. Для этого есть ряд

причин. Во-первых, компактность регионального сообщества способствует выстраиванию интенсивных вертикальных и горизонтальных коммуникаций, обеспечивающих высокий уровень управляемости. Посредством эффективно функционирующих (в бюрократическом понимании) информационных каналов бюрократическая система имеет возможность не просто обеспечивать регулярный контроль и трансляцию полезной информации, но косвенно ограничивать степень свободы культурно-познавательной деятельности. Как правило, ее «укладывают» в рамки целенаправленно созданных региональных мифов, отобранных административно-управленческой элитой в качестве культурных образцов. Во-вторых, расцвету бюрократической субкультуры в регионах способствуют сохраняющиеся традиции российского патернализма, в основе которого лежит сакральное восприятие государства, более или менее последовательно переносимое на чиновника, как к репрезентанту государственной идеи. В-третьих, провинциальные регионы обладают сравнительно небольшим контркультурным (по отношению к бюрократической системе) ресурсом, который может быть сформирован в среде местной (преимущественно гуманитарной) интеллигенции. Однако в основном она деморализована вследствие вестернизации культуры и разрушительного действия реформ в сфере образования. Большинство ее представителей в той или иной мере инкорпорированы в субкультуру бюрократии, сервильны, а немногие носители небюрократических и антибюрократических идей не имеют возможности их популяризации. Информационные ресурсы, как правило, доступны лишь ангажированным гастролерам от науки, имеющим смутное представление о региональных традициях.

В силу сложившихся обстоятельств бюрократическая субкультура, персонифицированная в ее носителях, становится основным содержательным элементом регионального хронотопа, представляющего собой теоретическую конструкцию, позволяющую анализировать реальность (в нашем случае — политическую реальность) как пространственно-временное единство прошлого, настоящего и будущего³. Отныне доминирующая концепция прошлого, настоящего и будущего субъекта РФ как единого социокультурного континуума (а она всегда присутствует, хотя имеет различное качество формулировки и презентации) отражает лишь содержа-

тельно-символическую конструкцию, сконструированную по заказу бюрократической элиты и при ее активном участии.

Только такой хронотоп остается единственно реальным в сложившихся условиях. Разрушить его можно, лишь противопоставив формальной бюрократической субкультуре субкультуру органического типа, главные паттерны которой основаны на поиске и последующем продвижении смыслообразующих идей, значимых для всего общества. Сделать этого не могут ангажированные бюрократией идеологи, сделать это должна региональная интеллигенция «неомадического типа».

Сложность предлагаемого решения очевидна. Во-первых, оно предполагает изменение сформировавшихся в течение длительного времени и целенаправленно внедрявшихся в массовое сознание стереотипов. Нельзя отрицать, что такие стереотипы были не просто сконструированы бюрократией, но имели основания в отечественной культурной традиции (консерватизм, подданничество, ритуальная обрядность), и во многом потому укоренились. Во-вторых, постоянно воспроизводящаяся и проникающая во все общественные сферы бюрократическая иерархия, будет активно отстаивать свое субкультурное кредо. В-третьих, крайне слабы носители потенциальных контркультур и не могут реально оппонировать бюрократии.

Очевидно, социальная основа субкультурной оппозиции в сложившейся ситуации должна быть целенаправленно сформирована путем инвестирования в нее разнообразных видов ресурсов. Реально создать ее можно только за пределами государственно-муниципальной системы, в пространстве гражданского общества, максимально используя потенциал сетевых структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Запесоцкий А.С. Молодежь России: проблемы социализации // Социология образования. 2011. № 11. С. 5.

² См.: Круглый стол «Формирование социально-технологической культуры специалистов» // Там же. 2009. № 12. С. 25.

³ См.: Сунгуров А.Ю. Хронотоп как инструмент регионального политического анализа // Полис. 2003. № 6. С. 65.

REFERENCES

¹ Zapesockij A.S. Molodezh' Rossii: problemy socializacii // Sociologija obrazovanija. 2011. № 11. S. 5.

² Sm.: Kruglyj stol «Formirovanie social'no-tehnologicheskoy kul'tury specialistov» // Tam zhe. 2009. № 12. S. 25.

³ Sm.: Sungurov A.Ju. Hronotop kak instrument regional'nogo politicheskogo analiza // Polis. 2003. № 6. S. 65.

**V. P. Babintsev, G. F. Ushamirskaya. Bureaucracy
Subculture in the Regional Chronotope**

The paper examines the change in the content of the phenomenon of bureaucracy in the contemporary society. It substantiates the idea that the phenomenon of bureaucracy, nowadays, can and should be analyzed as a subcultural one claiming for transformation into the cultural mainstream. The paper provides a definition of bureaucracy subculture representing a local world of officials' values which differs from the basis — the «big», «parent» culture and finds its expression in individual and collective stereotypes of behavior and in their activities embodied in specific semiotic and symbolic manifestations, social codes, forms of consciousness and structures of personal identity, in subsystems of styles and stylistic behavior, in group forms of cultural standards and in specific spiritual products.

In terms of a subculture, modern regional bureaucracy is uniformed no matter where they apply their efforts; it is aggressive and focused on universalization of its own values and meanings. At the same time, the subcultural intention of bureaucracy becomes apparently countercultural towards the greater part of society; it has a predominantly negative impact on social development. The most important elements which constitute the basis of the bureaucratic subculture are set on total simplification of reality, on simulation attitude towards reality, on deformed corporativism.

The bureaucratic subculture becomes the main meaningful element of the regional chronotope, which is a theoretical construct that allows analyzing reality as spatial and temporal unity of the past, present and future. As a result, the dominant conception of the past, present and future of a constituent region of the Russian Federation as a single socio-cultural continuum, reflects only a meaningful and symbolic structure constructed by order of the bureaucratic elite and with its active participation.

BABINTSEV Valentin Pavlovich, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Social Technologies, Belgorod State National Research University.

USHAMIRSKAYA Galina Fedorovna, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Rector of the Volga Institute of Economics, Pedagogy and Law.

**П. Н. КИРИЧЁК, ВИТАЛЬНАЯ МАКСИМА
С. А. БЕДЯГИН ОБРАЗА ЖИЗНИ**

Ключевые слова: социальная политика, власть, индустрия досуга, спорт, физкультура, услуга, клиент, здоровье, образ жизни

Key words: social policy, power, leisure industry, sports, physical education, service, customer, health, lifestyle

В статье анализируется место и роль здорового образа жизни в повседневной деятельности человека. На основе результатов социологического исследования выявлена роль физкультуры и спорта в повседневной жизни различных категорий населения городов Московской области.

The paper examines the place and the role of a healthy lifestyle in everyday activities of a person. On the basis of the results of the survey, the paper reveals the role of physical education and sports in the daily life of various categories of population of the cities in the Moscow Region.

История человеческой цивилизации показывает, что из многих радостей жизни людей самой ценной является здоровье, которое, по меткому изречению Н. М. Карамзина, «столь мало уважаемое в юных летах, делается в летах зрелости истинным благом»¹. Здоровье граждан выступает самым значительным социальным и материальным капиталом постиндустриального общества, позволяющим, наряду с интеллектуальными усилиями, конструировать удачные реформаторские проекты, успешно воплощать их на практике и, таким образом, достойно отвечать на вызовы времени. Поэтому всемерная забота о постепенном увеличении этого капитала представляется прямым делом цивилизованного государства, каким позиционирует себя Российская Федерация.

Увы, в России на пути внедрения среди населения здорового образа жизни встает серьезное психологическое препятствие, связанное с упрощенным в массовом сознании

КИРИЧЁК Петр Николаевич, заведующий кафедрой культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор.

БЕДЯГИН Сергей Александрович, аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

пониманием этого феномена. В целом оно сводится к необходимости соблюдения нескольких физиологических запретов: не пить, не курить, не переедать и т. п. Между тем приобщение к здоровому образу жизни означает для человека нечто гораздо большее, чем следование своду биологических «не»: речь идет о полном пересмотре своего отношения к сфере досуга, которая должна стать паритетной по значимости сфере труда, чего у россиян никогда не наблюдалось.

Вопреки известной русской пословице «Делу — время, а потехе — час», досуг, как и работа, должен стать для граждан самым настоящим делом, требующим к себе не меньшего внимания, поскольку оно связывается с личностным самосбережением. Например, у немцев издавна действует правило: на работе они усердно трудятся ради предстоящего отдыха, а на досуге с тем же усердием отдыхают во имя предстоящей работы. И лежащая в основе такого социального поведения витальная максима уже стала общим местом: расход физической, психической, нравственной энергии человека на отправление трудовых обязанностей и решение бытовых потребностей должен восполняться приходом к нему новых аналогичных созидательных сил от реализации досуговых возможностей.

При неизбежном абстрагировании от одномерности биологических начал в организме человека здоровый образ жизни в социокультурном измерении определяется в научной литературе как «мировоззренческая позиция, в которой значения профилактической культуры совместно с другими мировоззренческими ценностями (счастье, любовь, мир, самореализация и др.) детерминируют влияние стиля жизни на здоровье и достижение желаемых благ»². Реализация этой позиции зависит от умело выстроенной в идеологическом и технологическом аспектах современной индустрии досуга, или особой по целям и функциям подсистемы общей для всех индивидов, слоев, групп, классов действующей в современном обществе системы социального воспроизводства, где непосредственным объектом воздействия считается досуг как социальное явление.

Основные параметры индустрии досуга коррелируются с ведущими показателями образа жизни человека, который по своей изначальной природе должен быть здоровым, умным, добрым. Речь идет, в первую очередь, о возможностях

приращения физического типа здоровья, который вместе с психическим и нравственным типами составляет в ауре личности единое витальное целое.

В пределах индустрии досуга социальное государство, каким конституционно квалифицируется Российская Федерация, берет на себя патронажную роль в сервисной организации массового производства и потребления широкого ассортимента разнопрофильных рекреационных услуг, которые являются насущной необходимостью для всех без исключения граждан. Сегодня, как считает М. Фридман, «именно социально ориентированная власть становится решающим фактором развития Подмосковья. Кардинальное реформирование региональной социальной политики позволит области осуществить инновационный прорыв в лидеры по факту качественного изменения жизни и среды, приближающихся к европейским стандартам»³.

В настоящее время в модернизирующейся России одновременно протекают два масштабных социокультурных процесса — становление правового государства и формирование гражданского общества. Они имеют множество точек пересечения, в том числе в сфере досуга и профильной ему деятельности, где особенно заметным становится «переход от традиционного государства к социально сервисному государству, устанавливающему с обществом равноправное партнерство»⁴.

Разумеется, сам факт развития индустрии досуга в целеполагающем контексте профильной государственной политики носит не только технико-технологический, но и социально-культурный характер. При этом последний обусловливается общим отношением граждан к своим витальным проблемам, а также физкультурно-спортивным способам их преодоления, о чем говорят полученные в ходе социологического исследования ответы респондентов на вопрос: «Какая роль, по Вашему мнению, принадлежит в настоящее время физкультуре и спорту в повседневной жизни россиян?».

В этом массовом опросе (очное анкетирование, выборка случайная) были задействованы 2,0 тыс. респондентов (в основном жителей г. Химки и частично других городов Московской области — Долгопрудного, Зеленограда, Красногорска, Лобни), составивших три группы людей: по гендерному признаку (мужчины — 1 080 чел., женщины —

920 чел.); по возрастному цензу (до 25 лет — 800 чел.; от 26 до 35 лет — 530 чел.; от 36 до 45 лет — 360 чел.; от 46 лет и старше — 310 чел.); по образовательному уровню (с высшим образованием — 1 080 чел.; незаконченным высшим — 330 чел.; средним — 500 чел.; начальным образованием — 90 чел.).

Как следует из ответов, сложившаяся сейчас ситуация со статусно-ролевой константой физической культуры и спорта в повседневной жизнедеятельности российских граждан отличается двойственным характером. С одной стороны, преобладающий в наше время настрой в массовом сознании внушает социально-действенный оптимизм: в суммарном варианте самая большая часть респондентов (1 060 чел., 53,0 %) оценивают роль физической культуры и спорта в повседневной жизни российских граждан как среднюю, которая имеет, тем не менее, устойчивую тенденцию к ежегодному повышению. Это вселяет большие надежды на значительный в ближайшее время приток массовых потребителей физкультурно-спортивных услуг активного и пассивного свойства.

В два раза меньшая, но все же значительная группа респондентов (510 чел., 25,5 %) считает роль физической культуры и спорта в повседневной жизни россиян существенной уже в настоящее время. Это означает их действительную готовность к решению собственных витальных проблем путем регулярного потребления профильных услуг современной индустрии досуга, о чем опрошенные написали в примечаниях к анкетам («Спортивная база быстро растет»; «Условия для занятий спортом улучшаются»; «Много построили дворцов, катков, бассейнов»; «Мировые спортивные форумы в страну завлекли», «Сами руководители страны хороший пример показывают» и т. д.).

С другой стороны, каждый седьмой опрошенный (280 чел., 14,0 %) проявляет скептицизм в отношении роли физической культуры и спорта в повседневной жизни россиян: он также оценивает эту роль как среднюю, но имеющую в целом устойчивую тенденцию к понижению в связи с продолжающимся снижаться уровнем жизни большинства населения страны, сокращающимся временем досуга у среднестатистического, перегруженного повседневными материально-бытовыми заботами, гражданина, усиливающимся проникновением в

социальную среду, особенно — молодежную, нездоровых увлечений и привычек (в частности, регулярное употребление пива, алкоголя, табака, наркотика и др.).

Немалая группа респондентов (120 чел., 6,0 %) считает, что роль физической культуры и спорта в повседневной жизни российских граждан является в настоящее время вообще незначительной, несущественной и не видит при таком экономическом, политическом, культурном устройстве общества, какое сейчас сложилось в России, никаких перспектив к ее возвышению в дальнейшем. Эта часть респондентов заочно полемизирует с оптимистами в примечаниях к анкетам («При росте спортивной базы растут и цены на ее использование»; «Условия для занятий спортом улучшаются только для богатых»; «Чем тратиться на всемирные олимпиады и чемпионаты, лучше бы зарплаты и пенсии рядовым людям поднять» и т. д.).

Как обычно, при детальном анализе обнаруженной и зафиксированной социально-культурной тенденции достаточно четко проявляются характерные ее особенности, обусловленные гендерными, возрастными, образовательными признаками привлеченных к социологическому исследованию групп граждан.

Во-первых, в связи с гендерным признаком наблюдается примерно одинаковое оценочное отношение мужчин и женщин к роли физической культуры и спорта в повседневной жизни российских граждан. Практически во всех видах социокультурной оценки (из четырех возможных вариантов) роли физкультуры и спорта в модернизирующейся России гендерный срез выдает количественный и качественный консенсус суждений мужчин и женщин по данному вопросу: отметили «значительную, существенную роль» (соответственно, 290 и 220 чел., 14,5 и 11,0 %); «среднюю, но повышающуюся роль» (520 и 540 чел., 26,0 и 27,0 %); «среднюю, но понижающуюся роль» (180 и 100 чел., 9,0 и 5,0 %); «незначительную, несущественную роль» (60 и 60 чел., 3,0 и 3,0 %); в целом ответы свидетельствуют о сходных мировоззренческих началах позитивного толка в процессе социализации граждан в семье, школе, вузе, трудовом коллективе в части понимания ими важности (первичности) витальных, или биологических, основ своей жизнедеятельности. Противоречивый характер содержащихся в суждениях

разнополюх респондентов оценок статусно-ролевой константы физической культуры и спорта в повседневной жизни российских граждан (в примечаниях к анкетам — вплоть до полного взаимоисключения) свидетельствует, в первую очередь, об идеологическом и технологическом несовершенстве приемов и методов информационного сопровождения (рекламного, агитационного, пропагандистского, аналитического и др.) целей, задач, функций, результатов деятельности этой отрасли индустрии досуга, которые используются для воздействия на массовое сознание средствами печати, радио, телевидения, Интернет, рекламных и медийных агентств.

Во-вторых, в связи с возрастным признаком отмечается постепенное снижение уровня значимости в массовом сознании физкультурно-спортивной отрасли индустрии досуга по мере взросления граждан и последующего их старения. Наибольший контраст в оценочном отношении к роли и значению физкультурно-спортивной константы индустрии досуга в повседневной жизни россиян представляют суждения полярно-возрастных групп граждан — самой младшей (до 25 лет) и самой старшей (46 лет и более): отметили «значительную, существенную роль» — соответственно, 180 чел., 9,0 % и 100 чел., 5,0 %; «среднюю, но повышающуюся роль» — 440 чел., 22,0 % и 160 чел., 8,0 %; «среднюю, но понижающуюся роль» — 140 чел., 7,0 % и 20 чел., 1,0 %; «незначительную, несущественную роль» — 30 чел., 1,5 % и 20 чел., 1,0 %. Разность оценок в суждениях и вытекающих из них поступков свидетельствует о еще одной грани мировоззренческого «разрыва» между старшим и младшим поколениями, которую придется преодолевать в социальном периметре вечной проблемы «отцов» и «детей».

В общем плане зафиксированные в итогах исследования социально-психологические установки массы людей на профильную отрасль индустрии досуга в их логической динамике являются адекватными установленной ранее социокультурной тенденции — постепенному убыванию физкультурно-спортивной активности граждан при достижении ими все более старшего возраста. Тем не менее исключения из правила здесь бывают: если в суждениях у мужчин отмечается последовательное, как по линейке, снижение роли физкультуры и спорта в российском бытии (в строго обратной пропорции — чем больше возраст, тем меньше эта роль), то у женщин эта мировоззренческая мутация происходит по

своеобразной синусоиде, вершиной которой является возраст не до 25 лет, а от 26 до 35 лет, затем — в возрасте от 36 до 45 лет — снова происходит спад, продолжающийся уже без перерыва: отметили «значительную, существенную роль» — соответственно, 60 чел., 3,0 % и 100 чел., 5,0 %; «среднюю, но повышающуюся роль» — 140 чел., 7,0 % и 190 чел., 9,5 %.

В-третьих, в связи с образовательным признаком выявляется прямо пропорциональная зависимость между уровнем оценки спортивно-физкультурной константы индустрии досуга и образовательным цензом граждан (высшим, незаконченным высшим, средним, начальным). Во всех группах респондентов (при одном исключении), независимо от гендерных и возрастных различий, фиксируется устойчивая социально-культурная закономерность — с повышением образовательного ценза граждан возрастает уровень их оценки роли физической культуры и спорта в повседневной жизни россиян. При этом динамика возрастания этих оценок выглядит следующим образом: отметили «значительную, существенную роль» — 50 чел. (2,5 %) с начальным образованием; 90 чел. (4,5 %) со средним образованием; 320 чел. (16,0 %) с высшим образованием. Степень роста в сравнении с предыдущими категориями составляет, соответственно, 6,4 и 3,6 раза. Единственный «сбой» в общей тенденции (в низшую сторону) наблюдается среди респондентов с незаконченным высшим образованием, где по высшей шкале оценили значимость физкультуры и спорта в отечественном социуме 50 чел. (2,5 %) — на уровне имеющих начальное образование людей.

Особая позиция группы респондентов с незаконченным высшим образованием в рамках оценочного отношения к роли физической культуры и спорта в российском обществе объясняется, во-первых, характерной для этого периода жизни людей мировоззренческой неопределенностью, связанной с интенсивным поиском имманентных активно социализирующейся личности ценностных основ бытия и сознания, и, во-вторых, повседневной озабоченностью, обусловленной процессом получения в вузе заявленной профессии, где физическая культура как предмет занятий вполне естественно имеет низкий рейтинг по сравнению с профилирующими учебными дисциплинами.

Если Российская Федерация позиционирует себя социальным государством, повседневно заботящимся в правовом, организационном, техническом, финансовом планах о витальных (физкультурно-спортивных) основах бытия собственных граждан, то это положение, по мнению Б. В. Ракитского, «обязывает рассматривать социальную сферу не только в числе важнейших, но и как задающую общий тон в государственном управлении. Одновременно с этим аспектом должно учитываться важнейшее конкретно-историческое обстоятельство — процесс перемены общественного устройства, задачи становления иного, нежели прежний, типа государства»⁵.

В настоящее время узловой проблемой прогрессивного развития индустриально-досугового процесса выступает смена ролей государства как патронажного его субъекта: вместо прежнего, доперестроечного, статус-кво — протекционистского всеилия законодательной и исполнительной власти государственным служащим, занятым в этой сфере жизнедеятельности общества, следует ускоренно осваивать принципиально иную управленческую диспозицию — клиентскую ориентацию собственной повседневной работы. Когда же появляется клиент, возникает потребность в услуге — в строгом соответствии с постоянно действующим законом социальной детерминации фактов, событий, явлений, тенденций реальной действительности.

Разумеется, выходящая сегодня в социальной сфере на передний план сущностно-функциональная связка «клиент — услуга» не представляет собой чего-то совсем необычного для модернизирующейся России и ее предшественника — Советского Союза, в котором игнорировался товарно-денежный аспект социального развития. Эта связка существовала и раньше, в частности, в сервисном профиле бытия: тем не менее, экспансия заключенной в ней модели социальных и иных отношений решительно перешагнула сферу обслуживания и масштабно вышла на уровень «власть — граждане», где за первым субъектом стоит социальное государство, а за вторым — демократическое общество. Но забота у них аутентичная — комфортная жизнь людей и их здоровье, которое, по утверждению А. Шопенгауэра, «до того перевешивает все остальные блага, что поистине здоровый нищий счастливее больного короля»⁶.

В современных условиях официальный (государственно-бюджетный и административно-командный стиль) управления физкультурно-спортивной отраслью индустрии досуга является не только архаичным, но и весьма непродуктивным. Сейчас возникает необходимость обретения и реализации органами государственной и муниципальной власти новой для них — маркетинговой — функции и ее позитивной адаптации как в элитарном, так и в массовом сознании. Эта функция власти в рыночных условиях идеологически увязывается с первоочередной ориентацией на интересы потребителей социальных услуг, чему способствует ее технологический арсенал, который формируется за счет различных источников (материальных, технических, финансовых, кадровых, организационных и др.), а также с помощью постоянно существующего и регулярно пополняемого банка профильной информации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энциклопедия афоризмов (мысль в слове). М.: Изд-во АСТ, 2000. С. 549.

² Физическая культура. М.: КНОРУС, 2013. С. 418.

³ Фридман М. Жить и работать в Подмосковье — выбор или вызов? // Шелковчанка. 2013. 2—8 авг.

⁴ Лукина В.А. Социальная сущность и качество услуг организациям и населению, оказываемых органами государственного и муниципального управления (социологический анализ): автореф. ... канд. социол. наук. М., 2012. С. 4.

⁵ Ракитский Б.В. Концепция социальной политики для современной России. М.: Ин-т перспектив и проблем страны, 2000. С. 3.

⁶ Энциклопедия афоризмов ... С. 193.

Поступила 05.09.2013.

REFERENCES

¹ Jenciklopedija aforizmov (mysl' v slove). M.: Izd-vo AST, 2000. S. 549.

² Fizicheskaja kul'tura. M.: KNORUS, 2013. S. 418.

³ Fridman M. Zhit' i rabotat' v Podmoskov'e — vybor ili vyzov? // Shhelkovchanka. 2013. 2—8 avg.

⁴ Lukina V.A. Social'naja sushhnost' i kachestvo uslug organizacijam i naseleniju, okazyvaemyh organami gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija (sociologicheskij analiz): avtoref. ... kand. sociol. nauk. M., 2012. S. 4.

⁵ Rakitskij B.V. Konceptija social'noj politiki dlja sovremennoj Rossii. M.: In-t perspektiv i problem strany, 2000. S. 3.

⁶ Jenciklopedija aforizmov ... S. 193.

P. N. Kirichek, S. A. Bedyagin. Vital Maxim of a Lifestyle

Public healthcare is the most significant social and material capital of a postindustrial society that allows, in addition to intellectual efforts, designing successful reform projects and implementing them successfully, thus, responding adequately to present challenges. In this regard, all-round care for gradual increase of this capital seems be responsibility of a civilized state, the one the Russian Federation positions itself.

Development of the leisure industry in terms of goal setting in the profile public policy has not only technical and technological characteristics, but also social and cultural ones. The latter is due to the general attitude of people to their vital problems, as well as to physical education and sports ways to overcome them, as respondents' answers obtained in a special survey evidence, when people were asked: «What role, in your opinion, do physical education and sports currently play in everyday lives of Russians?». In this mass survey (in person questionnaire poll with a random sampling) 2 thousand respondents were involved (mostly residents of the city of Khimki and partly those of other cities in the Moscow Region — Dolgoprudny, Zelenograd, Krasnogorsk, Lobnya).

According to the answers, the current situation with the status and role constant of physical education and sports in the everyday life of a Russian citizen is dual in its nature. On the one hand, the attitude prevailing in our time in the mass consciousness inspires effective social optimism. On the other hand, one in seven respondents are skeptical about the role of physical education and sports in the daily lives of Russians.

In modern conditions, the official style (state-budget and administrative-command style) of administration of the physical education and sector of the leisure industry is not only archaic, but also a very unproductive one. Now there is a need for state and municipal authorities to find and implement a function which is new for them — the marketing one — as well as its positive adaptation both in the elite, and the mass consciousness.

KIRICHEK Pyotr Nikolaevich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Culturology and Social Communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

BEDYAGIN, Sergei Aleksandrovich, Postgraduate at the Department of Culturology and Social Communication, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Е. Н. СУВОРКИНА

**СУБКУЛЬТУРА ДЕТСТВА
КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА:
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Ключевые слова: субкультура детства, детство, детское сообщество, синергетика, динамическая система, точки бифуркации, аттракторы

Key words: subculture of childhood, childhood, children's community, synergetics, dynamic system, points of bifurcation, attractors

В статье анализируется субкультура детства как диссипативная система. Предпринята попытка выявления генезиса формирования феномена субкультуры детства как динамической системы в рамках синергетической парадигмы.

The paper examines the subculture of childhood as a dissipative system. An attempt was made to identify the genesis of formation of such a phenomenon as the subculture of childhood, being a dynamic system within the synergetic paradigm.

Субкультура детства представляет собой одну из моделей автономной реальности детства. И. С. Кон акцентировал внимание на том, что мир детства важно рассмотреть как «автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями»¹. При этом нельзя не согласиться с Т. И. Алиевой и В. Т. Кудрявцевым, которые утверждают, что субкультурная модель поведения — «серьезный ответ мира детства на требования мира взрослых, манифестация отличия и способ установления диалога»².

Наличие языка, определенных функций, коммуникативных характеристик свидетельствуют о том, что субкультура детства — не замкнутая, статическая система стагнационного характера, а динамическая, сложная, открытая, диссипативная структура, для более точного анализа, которой вполне применим синергетический подход.

СУВОРКИНА Елена Николаевна, соискатель кафедры культурологии Рязанского государственного университета.

А. А. Бесчасная указывает на основные признаки диссипативной системы — открытость, неравновесность, нелинейность³. Для характеристики функционирования системы необходимо отметить две тенденции, на которые указывает Н. Г. Багдасарьян: диссипативная система стремится к хаосу, тогда как организующим началом является аттрактор, определяющий стремление к порядку⁴. Сочетание и степень превалирования хаоса или порядка обуславливает развитие самоорганизующихся систем. Проследим, как определяется генезис формирования субкультуры детства как динамической, диссипативной системы в рамках синергетической парадигмы.

Детское сообщество взаимодействует с миром взрослых, который нацелен на сохранение социального порядка в сообществе детей. Но мир детства — открытая, неустойчивая, нелинейная система, предполагающая деструктивные отношения, хаос. В свою очередь кризис отношений системы «мир детства — мир взрослых» может провоцировать появление точек бифуркации — некое множество возможных путей развития, каждое из которых обусловлено одним из множества принятых решений.

Все чаще констатируется нарастающая конфронтация этих миров. «Глобализация и постмодернизм стали новой формой социокультурной реальности, особым образом влияющей на феномен детства в современном обществе, став новым вызовом его стабильному существованию. На фоне этих процессов ведущей тенденцией развития современной человеческой цивилизации стало изменение культурно-исторического и социального статуса детства в системе общества, характеризующегося ростом кризисности в отношениях мира детства и мира взрослых»⁵. Отмечается также проблема излишней информированности детей⁶; Д. И. Фельдштейн особо выделяет изменившуюся социально-психологическую ситуацию как следствие отсутствия стабильности в обществе⁷.

Е. И. Исакович, говоря о детстве как об особой форме самоорганизации, анализируя, в чем заключается смысл кризиса детства, приходит к выводу, что он есть «в значительной степени кризис наших педагогических и антропологических представлений по поводу реальных сложных ситуаций современного детского воспитания»⁸. Иными словами, кризис возникает как реакция на неактуальность знания взрослых о

детях, его быструю устареваемость в условиях происходящих изменений в мире, определенную утопичность и несостоятельность традиционных подходов. В частности, Е. И. Исакович указывает на возможную нецелесообразность применения концепции имманентного развития ребенка для анализа этого вопроса (кризисы свойственны самой природе детства)⁹.

Если рассматривать проблему шире, то, по сути, старшее поколение не понимает до сих пор, что представляет собой детство. Отсутствие ясности, с нашей точки зрения, является одной из причин, порождающих кризис, в частности, кризис семьи. «Детство сегодня — сложное и трудное, открываемое и непонимаемое явление»¹⁰.

Заметим, что ребенок чувствует это, а сложившаяся кризисная ситуация (в семье, обществе, между миром взрослых и детей) приводит детское сообщество, как систему, к точке бифуркации, которая может предоставить огромное число действий-результатов, ориентированных на хаос или порядок. Одним из таких путей детское сообщество выбрало форму автономизации своего пространства, обособления, в определенной степени отчуждения, но не изоляции.

«Дети становятся столь же бифуркационны в их воспитании и устремлениях, как в среднем большая часть населения стран, находящихся в инверсии глобальных процессов. ... Детство как социальный институт во все большей степени становится фрактальной копией становящегося бифуркационного общества»¹¹, — пишет С. Л. Шалаева. Эти процессы, являющиеся предметом рассмотрения социальной синергетики, усиливаются и в определенной степени усугубляются спецификой антропологической синергетики.

С нашей точки зрения, каждого человека, в том числе и ребенка, можно рассматривать как открытую, нелинейную, нестабильную диссипативную систему. За точки бифуркации можно принять возрастные кризисы развития (кризис новорожденности, 1 года, 3 года, 7 лет, 11—12 лет), которые оказывают существенное влияние на многоаспектное формирование и развитие личности ребенка. Как пишет Д. Б. Эльконин, «общий признак критического периода — нарастание трудностей общения взрослого с ребенком, которые являются симптомом того, что ребенок нуждается уже в новых отношениях с ним»¹².

Таким образом, субкультура детства — это система, открытая для обмена информацией, опытом, идеями с внешним миром, включающим различные виды, типы, формы культур. Развитие структуры обусловлено спецификой взаимодействия с ними и их влиянием. Одним из определяющих бифуркационных моментов, задающих характер существования этой системы, являются: кризис отношений между миром детей и миром взрослых и возрастные кризисы развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. С. 63.
- ² Алиева Т.И., Кудрявцев В.Т. Ребенок в детско-взрослых общностях: реконструкция смысла поведения // Дошкольное воспитание. 2008. № 10. С. 29.
- ³ Бесчасная А.А. Детство: история и современность. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 42.
- ⁴ Культурология / под ред. Н.Г. Багдасарьян. М.: Высшая школа, 2006. С. 95.
- ⁵ Шалаева С.Л. Трансформация детства в глобализирующемся мире: синергетический аспект // Синергетическая парадигма. Т. 6. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 524.
- ⁶ Рыбинский Е.М. Феномен детства в современной России // Педагогика. 1996. № 6. С. 15.
- ⁷ Фельдштейн Д. Феномен Детства и его место в развитии современного общества // Воспитание школьников. 2005. № 4. С. 2.
- ⁸ Исакович Е. Кризис детства — как проблема // Alma Mater. 1996. № 6. С. 26.
- ⁹ Там же. С. 25.
- ¹⁰ Фельдштейн Д. Феномен Детства и его место ... С. 3.
- ¹¹ Шалаева С.Л. Трансформация детства ... С. 527.
- ¹² Эльконин Д.Б. Введение в детскую психологию // Д.Б. Эльконин. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. С. 43.

Поступила 13.09.2013.

REFERENCES

- ¹ Kon I.S. Rebenok i obshhestvo. M.: Akademija, 2003. S. 63.
- ² Alieva T.I., Kudryavcev V.T. Rebenok v detsko-vzroslyh obshhnostjakh: rekonstrukcija smysla povedenija // Doshkol'noe vospitanie. 2008. № 10. S. 29.
- ³ Beschasnaja A.A. Detstvo: istorija i sovremennost'. SPb.: Nestor-Istorija, 2007. S. 42.
- ⁴ Kul'turologija / pod red. N.G. Bagdasar'jan. M.: Vysshaja shkola, 2006. S. 95.
- ⁵ Shalaeva S.L. Transformacija detstva v globalizirujushhemsja mire: sinergeticheskij aspekt // Sinergeticheskaja paradiigma. T. 6. Social'naja sinergetika. M.: Progress-Tradicija, 2009. S. 524.

- ⁶ Rybinskij E.M. Fenomen detstva v sovremennoj Rossii // Pedagogika. 1996. № 6. S. 15.
- ⁷ Fel'dshtejn D. Fenomen Detstva i ego mesto v razvitii sovremennogo obshhestva // Vospitanie shkol'nikov. 2005. № 4. S. 2.
- ⁸ Isakovich E. Krizis detstva — kak problema // Alma Mater. 1996. № 6. S. 26.
- ⁹ Tam zhe. S. 25.
- ¹⁰ Fel'dshtejn D. Fenomen Detstva i ego mesto ... S. 3.
- ¹¹ Shalaeva S.L. Transformacija detstva ... S. 527.
- ¹² Jel'konin D.B. Vvedenie v detskiju psihologiju // D.B. Jel'konin. Izbrannye psihologicheskie trudy. M.: Pedagogika, 1989. S. 43.

E. N. Suvorkina. Subculture of Childhood as a Dynamic System: a Synergetic Approach

The paper examines the subculture of childhood as a dissipative system. Presence of language, certain functions and communicative characteristics indicate that the subculture of childhood is not a closed, static system of stagnant nature, but a dynamic, complex and open system.

The paper attempts to identify the genesis of the formation of a subculture of childhood phenomenon as a dynamic system within a synergetic paradigm. Among the crucial points in bifurcation causing the type and nature of the development trajectory of this structure are: the crisis of relations between the World of Children and the World of Adults, as well as age crises.

A crisis in a family or in a society, between the World of Adults and that of Children leads children's community, as a system, to the point of bifurcation, which can provide a huge number of actions and results that are chaos- or order-oriented. The children's community has chosen the form of autonomy of their space, of setting apart, of alienation, to some extent, but not of isolation as one of such ways. It should be described as a subculture of childhood, which is not yet marginal because of the physical and mental features of the «disciples». Marginality increases in adolescence and is particularly evident in the youth subculture.

These processes, which are the objects of Social Synergetics, are amplified and, to some extent, exacerbated by specificity of Anthropological Synergetics. In our opinion, every person, including a child, can be viewed as an open, non-linear, unstable dissipative system. Age crises of development can be taken as the bifurcation points (neonatal crisis up to 1 year of age, 3, 7, 11—12) that have significant influence on multifaceted formation and development of personality of a child.

SUVORKINA Elena Nikolaevna, Applicant at the Department of Culturology, Ryazan State University.

С. В. ПОЛУТИН

А. М. ЧУШКИН

ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫЕ УГРОЗЫ В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

Ключевые слова: этнорелигиозные угрозы, межрелигиозные конфликты, этноконфессиональная политика, религиозные движения и секты, гармонизация этноконфессиональных отношений

Key words: ethno-religious threats, inter-religious conflicts, ethno-confessional policy, religious movements and sects, harmonization of ethno-religious relations

В статье представлены результаты социологического исследования проблем этнорелигиозной напряженности в Поволжском регионе, причин их возникновения и возможных последствий.

The paper presents the results of a sociological study of issues of ethno-religious tensions in the Volga Region, of their causes and possible consequences.

При изучении этнорелигиозной напряженности в современной России следует принимать во внимание три обстоятельства. Во-первых, в постсоветской России религии становятся естественным атрибутом повседневной жизни

ПОЛУТИН Сергей Викторович, заведующий кафедрой социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

ЧУШКИН Анатолий Михайлович, министр по национальной политике Республики Мордовия.

людей, выступают фактором, влияющим на процесс самоидентификации различных этнических групп и определяющим характер взаимоотношений между ними. Во-вторых, происходит процесс политизации религии, обусловленный как глобальными причинами (радикализацией исламистских фундаменталистских течений), так и спецификой трансформации российского федерализма. Этот процесс сопровождается борьбой этнических элит за особый статус, в которой важное место занимают символы группы, в том числе религиозные. В-третьих, неформальной поддержкой со стороны федеральных органов управления пользуются традиционные религии, что вызывает негативную реакцию со стороны других религиозных групп. В совокупности перечисленные особенности образуют социальный ландшафт, на котором возникают и развиваются этнорелигиозные угрозы. Эти факторы обуславливают необходимость мониторинга конфессиональной ситуации для выявления основных проблем и условий ее гармонизации.

В декабре 2013 г. сотрудниками НИИ регионологии и кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета с целью изучения этнорелигиозных угроз в Поволжском регионе, причин их возникновения и возможных последствий был проведен опрос участников Всероссийской научно-практической конференции, посвященной этнорелигиозной ситуации в современном Поволжье. Профессиональный статус участников, среди которых были работники культуры, образования и науки, служащие органов государственной и муниципальной власти, священнослужители, работники правоохранительных органов и др., позволяет рассматривать их в качестве экспертов. Всего было опрошено 114 чел.

Оценивая характер этнорелигиозных отношений в Поволжском регионе, более половины опрошенных (58 %) отметили, что отношения спокойные. 30 % респондентов считают, что «внешне все спокойно, но напряженность ощущается на бытовом уровне». 12 % опрошенных подчеркнули «сильную напряженность» и наличие «этнорелигиозных конфликтов». Сопоставляя эти данные с результатами предыдущих исследований, следует обратить внимание на рост числа тех, кто отмечает усиление напряженности на бытовом уровне. Межрелигиозные конфликты, преимущественно латентного

характера, ранее фиксируемые в сфере бытовых, межличностных отношений, в настоящее время распространяются в политико-правовом поле и представляют собой угрозу не только межэтническому согласию, но и национальной безопасности страны. Характерным примером служат события, связанные с поджогом православных храмов в Татарстане осенью 2013 г. В этой связи, вызывает тревогу динамика изменения отношений между людьми разных вероисповеданий и национальностей в Поволжском регионе. Большинство опрошенных (64 %) считают, что за последние три года отношения не изменились. Вместе с тем ухудшение отношений отметили 23 % респондентов, тогда как на улучшение отношений указали лишь 12 % опрошенных.

Респондентам было предложено определить основные этнорелигиозные угрозы в регионе. При анализе ответов выявились три подхода к классификации угроз. Согласно первому, основные угрозы связаны с факторами внешнего вмешательства (как агрессивного, так и «мягкого» характера). 30 % респондентов указали на внешнюю зарубежную поддержку радикальных и экстремистских течений в этнорелигиозной сфере. Эту позицию чаще других отмечают работники науки и образования (50 %), а также служащие органов государственной власти (60 %). Около 20 % опрошенных отметили внедрение технологий западного мультикультурализма (ЛГБТ, воинствующий атеизм, безразличие к культурной и национальной идентификации). Такой позиции придерживаются прежде всего священнослужители (48 %). Второй подход связан с внутрироссийскими факторами, порождающими угрозы. Так, 23 % видят этнорелигиозную угрозу в «невыстроенности миграционных процессов». Так считают 58 % работников науки и образования, 60 % священнослужителей. 15 % респондентов отмечают опасность ухода молодежи в неоязыческие структуры, псевдоисторические и националистические маргинальные сообщества, сектантские образования. Эта угроза вызывает особую озабоченность священнослужителей (54 %) и служащих органов государственной власти (50 %).

Третья относительно небольшая группа опрошенных, в качестве причин угроз видит недостатки в проведении этноконфессиональной политики. 9 % указали на «недостаточную образованность духовенства традиционных религий

Поволжья (православия и ислама)». Так считают 23 % священнослужителей), а 8 % сетуют на нехватку мероприятий этнорелигиозной направленности (20 % служащих органов власти). При всей условности выделения этих подходов, следует признать, что они отражают существующий в обществе спектр мнений и должны учитываться органами государственной власти при формировании мер противодействия религиозному экстремизму.

Что, по мнению опрошенных, является основной причиной напряженности в отношениях между людьми разных национальностей и вероисповеданий? Главной причиной большинство опрошенных назвали неуважение к языку, обычаям, культуре людей других национальностей (26 %). Так считают 47 % работников науки и образования, 60 % служащих органов государственной власти, 42 % священнослужителей. 20 % указывают на исторически сложившиеся предрассудки и предубеждения о людях других национальностей. Среди них 39 % работников науки и образования, 20 % служащих органов государственной власти, 25 % священнослужителей. 17 % опрошенных считают, что основной причиной напряженности являются проблемы экономического характера. Столько же опрошенных в качестве причины назвали национализм некоторых политических организаций и движений. Другие причины являются менее значимыми: назначение на руководящие должности по национальному признаку (8 %), неравенство доходов представителей различных национальностей (6 %), рост этнического самосознания народов (4 %). Некоторые респонденты видят другие причины напряженности: «невежество», «дифференциация в применении законов на территории РФ», «социальная безответственность бизнеса», «повреждение человеческой природы от грехопадения» и т. д. Ответы позволяют сделать вывод о социокультурной обусловленности роста напряженности в этноконфессиональных отношениях. Проблемы социально-экономического характера, по мнению опрошенных, занимают важное, но не определяющее место в иерархии причин напряженности.

Представляет интерес отношение респондентов к различным религиозным направлениям, распространенным в Поволжском регионе. Следует отметить, что среди верующих (89 % участников опроса) преобладали те, кто

отнес себя к православным (82 %), их мнение является определяющим общую картину. Как и предполагалось, в целом позитивное отношение фиксируется к традиционным религиям — православию и исламу, 94 % опрошенных относятся к православному христианству очень хорошо или хорошо, 5 % — безразлично. К традиционному исламу 53 % относятся очень хорошо или хорошо, 19 % — безразлично, 6 % — плохо или очень плохо, остальные затруднились выразить свое отношение.

Позитивно-равнодушное отношение высказали респонденты к религиозным направлениям, широко не распространенным в Поволжском регионе. К католицизму 49 % опрошенных относятся хорошо или очень хорошо, 31 % безразлично, 10 % плохо или очень плохо. К иудаизму положительное отношение высказали 40 % опрошенных, 28 % равнодушны, негативную позицию занимают 12 % респондентов. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении буддизма. Позитивно относятся к нему 40 % опрошенных, 35 % равнодушны, отрицательную позицию занимают 9 % респондентов. К протестантизму опрошенные в основном относятся негативно-безразлично. К нему положительно относятся 19 % опрошенных, плохо и очень плохо — 26 %, равнодушно — 35 %. Затруднились дать свою оценку 15 %.

Высокий процент безразличных к этим религиозным направлениям обусловлен отсутствием или малочисленностью их носителей, их незначительной ролью в социокультурных процессах Поволжья, а также нейтрально-позитивным отношением к этим религиозным направлениям со стороны органов государственной власти.

Совершенно иная картина наблюдается в отношении к нетрадиционным, сектантским религиозным направлениям. К адептам секты Свидетели Иеговы позитивно относятся лишь 2 % респондентов, плохо и очень плохо — 61 %, равнодушны 18 %. Негативное отношение к этой секте не меняется с момента появления ее адептов на территории России. Неоязычество — относительно новое явление в социокультурном пространстве России. Его носителями выступают представители различных этнических групп, среди которых много молодых и образованных людей, отрицающих каноны традиционных религий, ориентированных на ритуальные и игровые практики. Отношение респондентов к ним

в основном отрицательное (49 %) и равнодушное (19 %). Затруднились дать оценку 25 %.

Нетрадиционный ислам как фундаменталистское течение у многих ассоциируется с распространением экстремизма, провозглашением джихада. Поэтому 55 % опрошенных негативно отнеслись к этому религиозному направлению. В то же время высок процент тех, чье отношение безразлично (19 %) или неопределенно (18 %). 4 % респондентов подчеркнули свое позитивное отношение к нетрадиционному исламу. Свою позицию попытался обосновать один из участников опроса: «Многие представляют джихад как войну с «неверными» при помощи оружия. Но джихад более широкое явление — это борьба с человеческими и социальными пороками, наказание преступников, устранение социальной несправедливости». Таким образом, участники опроса в отношении к религиозным направлениям придерживаются четырех позиций: позитивной, положительно-равнодушной, негативно-равнодушной и негативной, что объективно отражает спектр общественного мнения по этой проблеме.

Существует ли опасность распространения новых нетрадиционных религиозных движений и сект в регионе? Позиции по этому вопросу разделились: 54 % опрошенных не видят такой опасности, 43 % допускают опасность распространения, таких сект как ваххабизм, салафизм, сайентология, язычество. При этом респонденты особую опасность видят в распространении нетрадиционного ислама. Были отмечены и такие экзотические направления как культ Анастасии, Светланы Пеуновой, мордовское язычество.

На этнорелигиозную обстановку заметное влияние оказывает изменение демографической ситуации в регионе, связанное с миграционными процессами. Значительное усиление роли неконтролируемых миграционных потоков, особенно выходцев из кавказских и среднеазиатских республик, занимающих все более влиятельное положение в торговле, строительстве, общественном питании, приводит к эскалации межэтнических конфликтов. Рост численности одних национальностей и уменьшение других оказывает отрицательное влияние на этнорелигиозную ситуацию в регионе — так считают 46 % опрошенных, 47 % убеждены, что демографическая ситуация не оказывает влияние на межконфессиональные отношения и только 5 % отметили

положительное влияние складывающейся миграционной ситуации на этнорелигиозную ситуацию в регионе.

Интересна оценка респондентами деятельности муниципальных и республиканских (областных) органов власти в сфере этнорелигиозных отношений за последние три года. В целом опрошенные положительно оценивают усилия муниципальных (73 %) и региональных (республиканских) (69 %) властей по укреплению этнорелигиозной стабильности. Отрицательно оценили деятельность органов государственной власти городов и районов 9 % респондентов, республиканских и областных органов государственной власти — 8 %. Настораживает высокий процент затруднившихся дать оценку политике властей в сфере этнорелигиозных отношений (15 %), т. е., не информирован о такой деятельности каждый седьмой участник конференции, прямо или косвенно занимающийся проблемами межнациональных и межконфессиональных отношений.

Важными представляются ответы на вопрос «Что необходимо предпринять для гармонизации этнорелигиозных отношений в Поволжском регионе?». Приоритеты распределились следующим образом: 48 % указали на необходимость усиления борьбы с экстремизмом на этнической и религиозной почве; 44 % считают необходимым государственное регулирование миграционных потоков; 43 % выступают за оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения этнорелигиозной напряженности; 36 % отметили значимость формирования толерантного отношения к представителям других национальностей и вероисповеданий.

Остальные позиции отмечались экспертами значительно реже: организация фестивалей, выставок, праздников (в том числе религиозных) — 22 %; совершенствование теологического и этнокультурного образования (20 %); содействие деятельности этнокультурных и религиозных объединений (17 %); использование потенциала патриотически настроенных священнослужителей и ученых для развития этнорелигиозной сферы (13 %).

Многие респонденты предложили иные пути решения этноконфессиональных проблем: «На ТВ (в том числе на региональном) создать передачу об основных религиях России», «Часто этноконфессиональные вопросы — это повод

для выражения недовольства по более общим неосозанным причинам», «Религизация школьного образования открывает двери интолерантности... Больше учителей-предметников, православных по стилю мышления», «Необходим закон, запрещающий распространение религиозных сект», «Термин „толерантность“ следует заменить на другой „деликатность“, «Насильственная толерантность — это преподавание в школе мордовских языков и основ православия» и др.

Таким образом, большинство опрошенных видят ключ к решению проблем этноконфессиональных отношений в ужесточении законов к экстремистским сектам, укреплении нормативной базы национальной политики, повышении роли институтов религии, образования, культуры в воспитании.

В завершение анкетирования респонденты выразили свои ожидания относительно развития этнорелигиозных отношений в регионе. Несмотря на проблемы, большинство опрошенных сохраняют оптимизм и считают что ситуация в сфере этнорелигиозных отношений будет улучшаться. 14 % ждут в дальнейшем обострения отношений, 19 % не прогнозируют изменения ситуации в обозримом будущем. Это мнение в некоторой степени диссонирует с предыдущими, достаточно тревожными оценками и суждениями. По-видимому, в данном случае имеет место желаемый сценарий развития этнорелигиозной ситуации в Поволжье.

Таким образом, основные этнорелигиозные угрозы связаны с факторами внешнего вмешательства (поддержка радикальных и экстремистских течений в этнорелигиозной сфере), внедрением технологий западного мультикультурализма (ЛГБТ, воинствующий атеизм, безразличие к культурной и национальной идентификации). Угрозы обусловлены и «невостроенностью миграционных процессов», недостатками в проведении государственной этноконфессиональной политики в регионе. Межрелигиозные конфликты, ранее фиксируемые в сфере межличностных отношений, в настоящее время распространяются в политико-правовом поле региона, что в первую очередь обусловлено экспансией нетрадиционных религий и повышенным интересом к ним со стороны молодежи. В отношении к религиозным направлениям респонденты придерживаются позитивной, положительно-равнодушной, негативно-равнодушной и негативной позиций. В Поволжском

регионе существует опасность распространения ваххабизма, салафизма, сайентологии, язычества. Основными мерами профилактики этнорелигиозных угроз является усиление борьбы с экстремизмом на этнической и религиозной почве, государственное регулирование миграционных потоков, оперативное принятие мер экономического и социального характера для устранения наиболее острых причин возникновения этнорелигиозной напряженности.

Поступила 13.01.2014.

S. V. Polutin, A. M. Chushkin.
Ethno-Religious Threats in the Volga Region

In December 2013, workers of the Research Institute of Regionology and the Department of Sociology conducted a questionnaire survey to study ethnic and religious threats in the Volga Region, as well as their causes and possible consequences. The respondents were the participants of an All-Russian scientific and practical conference dedicated to the modern ethno-religious situation in the Volga Region. The participants of the survey were: workers of culture, science and education, employees of state and municipal authorities, the clergy, law enforcement officers and others. In all, 114 people were interviewed.

Major ethno-religious threats in the Volga Region are associated with factors of external interference and with introduction of technologies of Western multiculturalism. The threats are also caused by «underdeveloped» migration processes, by shortcomings in the ethnic and religious policies in the region. The study also showed that religious conflicts are currently spread in the political and legal framework of the region, which is primarily due to the expansion of non-traditional religions. With regard to different religious lines, the respondents take four stands: positive, positive-indifferent, negative-indifferent and negative. There is a threat of proliferation of such sects as: Wahhabism, Salafism, Scientology, Paganism in the Volga Region.

The main preventative measures against ethnic and religious threats, according to the respondents, are: strengthening of the fight against extremism on ethnic and religious grounds, state regulation of migration flows, efficient economic and social measures to eliminate the most pressing causes of ethnic and religious tensions.

POLUTIN Sergei Viktorovich, Doctor of Sociological Sciences, Full Professor, Head of the Department of Sociology, National Research Mordovia State University.

CHUSHKIN Anatoly Mikhailovich, Minister for Nationalities Policy of the Republic of Mordovia.

Л. А. АПАНАСЮК

**СРЕДОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ КСЕНОФОБИИ
В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ**

Ключевые слова: экстремизм, ксенофобия, молодежь

Key words: extremism, xenophobia, youth

На основе результатов социологического исследования, проведенного среди молодежи, оценивается их удовлетворенность различными сторонами личной и общественной жизни и уровнем справедливости в обществе.

Basing on the results of a survey conducted among young people, their satisfaction with various aspects of their personal and public life as well as with the level of fairness in the society is evaluated.

Рассматривая экстремизм и ксенофобию применительно к молодежи, следует отметить, что они в определенной степени ей свойственны в силу ее возрастных и психологических особенностей. Молодежь — это еще формирующийся субъект взрослого мира, находящийся на стадии социализации и становления. Это обстоятельство делает молодежь уязвимой, с неопределенной социальной позицией, что затрудняет процесс ее социальной идентификации. Именно в молодом возрасте несовершенство мира воспринимается особенно остро, что проявляется в желании либо отгородиться от него, либо его переделать, что, в свою очередь, порождает экстремальность поведения¹. Основными составляющими становления молодежи являются социальная среда, жизненное самоопределение и жизненная традиция, тесно взаимодействующие друг с другом².

Следует помнить, что ксенофобия выступает предпосылкой экстремизма, представляющего собой конфликтную картину окружающей действительности на принципах ле-

АПАНАСЮК Лариса Ахунжановна, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур Тольяттинского государственного университета, кандидат педагогических наук.

гитимности насилия. Собственно насильственным действиям предшествует их легитимация в сознании молодежи. Эта легитимация имеет внутреннюю логику и детерминирована социальными факторами, а также деформацией культурных традиций. Классифицируя эти факторы, мы исходили из многообразия социального мира и уровня включенности в него молодого поколения. К комплексу таких факторов относится наличие поляризации общества по ряду признаков и, соответственно, формирование у молодежи признаков социальной обделенности³.

Для анализа потенциальных конфликтогенов мы оценили условия жизнедеятельности и жизненные позиции студенческой молодежи Тольяттинского государственного университета, Поволжского государственного университета сервиса, Волжского университета, Тамбовского государственного университета. В апреле 2013 г. нами опрошено 1 115 чел. Среди молодежи около половины (45,4 %) транслируют критическое отношение к уровню справедливости в обществе, к политике федеральных органов государственной власти — 44,8 %. Наибольшая стабильность показателей наблюдается в экономических условиях опрошенной молодежи и в жизни в целом. Полностью и частично своей жизнью удовлетворены 91,9 %, материальным положением семьи — 84,1 % опрошенных. Уровень удовлетворенности молодежи состоянием межнациональных отношений и религиозной ситуацией можно оценить как средний. Полностью удовлетворены ситуацией в межнациональных отношениях 12,8 %, религиозной — 7 %, частично — 41,2 и 43,9 % соответственно. Такие показатели, скорее всего, продиктованы бытующим представлением о России как о светском государстве, исключая религиозный фанатизм и нетерпимость к российскому обществу (табл. 1).

Таким образом, ключевыми факторами, способными повлиять на критическое отношение к инаковости, выступают уровень справедливости в обществе и политика федеральных властей. Следует отметить, что уровень недовольства этими условиями практически неизменен, несмотря на основные статусные различия опрошенных (пол, возраст, занятость). В то же время восприятие общественной жизни по-разному расценивается русской молодежью и представителями иных национальностей (табл. 2). Национальность опрошенных

влияет на точку зрения относительно категории справедливости в обществе и не имеет вес в части оценки политики федеральных властей. В этом контексте важно определить степень и характер востребованности и собственной идентичности молодежи.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «В какой мере Вы удовлетворены следующими сторонами личной и общественной жизни?»

Варианты социальных конфликтогенов	Полностью удовлетворен	Удовлетворен частично	Полностью не удовлетворен	Затрудняюсь ответить
Своей жизнью в целом	46,1	45,8	4,8	3,3
Материальным положением своей семьи	33,8	50,3	12,6	3,3
Уровнем справедливости в нашем обществе	9	37,4	45,4	8,3
Политикой федеральных властей	7,2	34,6	44,8	13,5
Политикой региональных властей	7,6	38,4	37,6	16,4
Состоянием межнациональных отношений	12,8	41,2	27,1	18,9
Религиозной ситуацией в нашем обществе	7	43,9	35	14,1

Таблица 2

Удовлетворенность молодежи уровнем справедливости в обществе в разрезе национальной принадлежности ($\chi^2 = 8,121$ при $p = 0,04$)

		Национальность		Итого
		Русские	Нерусские	
Характер удовлетворенности уровнем справедливости в нашем обществе	Полностью удовлетворен	7,7	12,7	8,7
	Удовлетворен частично	37,5	38,2	37,6
	Полностью не удовлетворен	45,9	43,9	45,5
	Затрудняюсь ответить	9,0	5,2	8,2
Итого		100,0	100,0	100,0

В целом молодежь демонстрирует степень актуальности своего национального происхождения выше среднего (табл. 3). В частности, 39,5 % опрошенных отмечают, что их национальность очень значима; 32,2 % утверждают, что скорее значима, чем нет. Этническая принадлежность не имеет большой актуальности для 15,4 % («мало значима») и 8,6 % («вообще не значима») молодых людей; 4,3 % затруднились с оценкой значимости своей национальности. Практический смысл имеет оценка различий в ценности своей этнической идентичности по статусным группам.

Таблица 3

Актуальность национальной идентичности по признаку гендерных различий молодежи

Национальный критерий	Насколько для Вас значима Ваша национальность?					Итого
	Очень значима	Скорее значима, чем нет	Мало значима	Вообще не значима	Затрудняюсь ответить	
Русские	37,6	34,0	15,8	8,3	4,4	100,0
Нерусские	49,8	25,4	13,6	8,5	2,8	100,0
Итого	39,5	32,2	15,4	8,6	4,3	100,0

Согласно полученным данным, носители различной этничности по-разному на нее реагируют ($r = 0,081$, при $p = 0,008$, значение $\chi^2 = 11,892$ при $p = 0,018$). Также выявлены отличия во взглядах молодежи на свою этничность по гендерному признаку ($r = 0,094$, при $p = 0,002$, значение $\chi^2 = 21,379$ при $p = 0,000$). При этом восприятие собственной этничности не имеет обусловленности ни возрастом опрошенных, ни их различиями по характеру занятости. Для представителей русской молодежи этнический аспект менее востребован, чем для представителей других национальностей, среди которых около 50 % демонстрируют высокую степень озабоченности своей национальной дифференцированностью.

Сегодня можно утверждать, что первичной основой зарождения ксенофобии и экстремизма в молодежной среде выступают средовые предпосылки: экономическое неравенство, падение престижа власти, размывание системы духовных ценностей. Эти факторы формируют благоприятную среду для последующего вызревания установок и поведения конфликтного ориентирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Апанасюк Л.А. Ксенофобия в молодежной среде: социокультурный подход: моногр. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 182 с.

² См.: Иванова Т.Н. Социально-экономические аспекты профессиональных устремлений молодежи (на примере Тольяттинского государственного университета) // Регионология. 2010. № 2. С. 207—212.

³ См.: Апанасюк Л.А. Навыки межкультурного взаимодействия студентов-мигрантов: моногр. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 212 с.

Поступила 09.12.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Apanasjuk L.A. Ksenofobija v molodezhnoj srede: sociokul'turnyj podhod: monogr. Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2013. 182 s.

² Sm.: Ivanova T.N. Social'no-jekonomicheskie aspekty professional'nyh ustremlenij molodezhi (na primere Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta) // Regionologija. 2010. № 2. S. 207—212.

³ Sm.: Apanasjuk L.A. Navyki mezhkul'turnogo vzaimodejstvija studentov-migrantov: monogr. Tol'jatti: Izd-vo TGU, 2012. 212 s.

L. A. Apanasyuk. Stands in Life of the Student Youth in a Region

The paper discusses the results of a survey conducted among young people which allowed evaluating stands in life of students. The appeal to a younger audience is not accidental: young people, being the stage of social formation, are the most vulnerable link in the society in terms of extreme behavior.

The paper presents some results of a sociological survey to assess potential causes of conflicts, which was conducted in 4 universities (Togliatti State University, Volga Region State University of Service, Tatischev Volga University, Derzhavin Tambov State University). This sociological research involved 1,115 people. The sociological data show that young students are satisfied with certain aspects of personal and social life, the level of fairness in society in the context of ethnic identity. The article also focuses on the relevance of ethnic identity of the youth in terms of gender differences. We tried to analyze the attitudes and life stands of some students. The conclusion is made that the basis of the origin of xenophobia and extremism among young people are environmental prerequisites: economic inequality, declining prestige of power, erosion of spiritual values.

APANASYUK, Larisa Akhunzhanovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures, Togliatti State University.

А. И. БЕЛКИН **НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В 1953—1964 гг.:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Ключевые слова: церковь, государство, воинствующий атеизм, пропаганда, идеология, пережитки прошлого, программные установки, гонения, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный, ходатайство

Key words: church, state, militant atheism, propaganda, ideology, remnants of the past, sets, persecution, Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, commissioner, petition

В статье речь идет о масштабных гонениях, обрушившихся на Русскую православную церковь в годы правления Н. С. Хрущева (1953—1964 гг.). Тема раскрыта на региональном материале из фондов Центрального государственного архива Республики Мордовия. Показаны основные направления атеистической работы партийных и государственных органов, взгляды на события, происходившие в те годы партийных работников, государственных чиновников, священнослужителей и самих верующих. Многие документы введены в научный оборот впервые.

The article focuses on the large-scale persecution that struck the Russian Orthodox Church during the office of N. S. Khrushchev (1953—1964). The topic is developed basing on the regional materials from the Central Public Archive of the Republic of Mordovia. The paper describes the main directions of atheistic work of the Party and the governmental bodies, the views of the Party workers, officials, clergy and believers themselves at the events that took place in those years. Many of the documents are introduced into scientific circulation for the first time.

В годы войны и первое послевоенное десятилетие наблюдалась относительная нормализация отношений церкви и государства. Журнал Московской патриархии регулярно сообщал о восстановлении и открытии храмов. Такие сообщения на страницах журнала появлялись и в 1954—1958 гг. Но построено было незначительное число церквей. Большая часть церковных зданий продолжала оставаться полностью или частично разрушенными со времен войны. Кроме того,

БЕЛКИН Алексей Иванович, доцент кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

настораживающие сигналы для церкви стали появляться с 1949 г. Имело место некоторое сокращение количества действующих храмов¹. В 1955—1957 гг. отмечался незначительный рост количества действующих храмов, а с 1959 г. началось закрытие храмов, монастырей и семинарий.

16 ноября 1955 г. на Пленуме Мордовского Обкома КПСС был обсужден вопрос «О состоянии и мерах по улучшению массово-политической работы среди трудящихся». Особое внимание было обращено на развертывание научно-атеистической пропаганды в республике. Было отмечено, что антирелигиозная пропаганда развернута недостаточно и требует к себе большого внимания, особенно в мордовских селах. Пока дело ограничивалось лишь пропагандистскими мерами. В частности, говорилось о том, что лекторской группе Обкома КПСС следует усилить антирелигиозную пропаганду². Оказались весьма кстати жалобы из некоторых приходов Мордовии на священников. Им не всегда давали ход, но они тщательно фиксировались.

Доходы незарегистрированных служителей культа стали основной темой письма уполномоченного Совета по делам РПЦ по МАССР П. Денисова министру финансов Мордовии С. Г. Есину от 11 марта 1954 г. В нем сообщалось, что в 14 населенных пунктах Мордовии, где не было действующих церквей, регулярно происходили собрания верующих, на которые приглашались священники, проводившие, по выражению уполномоченного, «нелегальные» богослужения. П. Денисов просил министра дать указание в районы, чтобы таких священнослужителей, если они будут выявлены, облагали подоходным налогом³. Мера наказания, надо сказать, довольно мягкая, если вспомнить печальный опыт 30-х гг. XX в.

Одним из важных направлений работы уполномоченного в те годы стало выявление инициаторов ходатайств об открытии церквей. Несмотря на то, что на протяжении многих лет ни одно заявление не было удовлетворено, такие просьбы продолжали поступать. Особенно активно добивались открытия церквей верующие сел Старо-Ямское Пурдошанского района, Посоп Саранского района, Ново-Толковка Рыбкинского района, Наченалы Чамзинского района. Во всех случаях организаторы сбора подписей характеризовались как «люди без определенных занятий, раньше состоявшие

в церковных советах и бывшие монашки»⁴. Тем самым подчеркивалось, что по роду своих занятий священник не может сделать в советском обществе ничего позитивного и только вредит ему, что вполне укладывалось в контекст руководящих установок тех лет.

Однако, как видно из документов, иногда священнослужители побуждали государственные органы власти решать тот или иной вопрос. Настоятель церкви с. Куликовка Кадешкинского района Обувалин в октябре 1956 г. направил в адрес республиканских организаций заявление, в котором указал, что кладбища в большинстве селений находятся в запущенном состоянии и просил привести их в надлежащий порядок. Он отметил, что если не найдется средств для этого в местных советах, то церковь может оказать им материальную помощь. Боясь, что церковь этой акцией может поднять свой авторитет, руководство выделило необходимые средства и кладбища были приведены в порядок⁵.

Но помощь церкви отвергали не всегда. В с. Покасы Ширингушского района между руководством колхоза «Парижская коммуна» и священником местного прихода установились доверительные отношения. Руководители хозяйства брали у общины верующих деньги на колхозные нужды. Например, в 1954 г. взято из церковной кассы 3 тыс. руб. Часть из них вернули, а 2 205 руб. так и не были возвращены. Кроме того, настоятель храма купил и подарил колхозу цистерну стоимостью 600 руб. Правление колхоза в благодарность за это предоставляло церкви транспорт для перевозки лесоматериалов и других нужд⁶. Такие факты квалифицировались как «сращивание хозяйственных руководителей с духовенством». Ничего хорошего руководящему работнику тех лет эта формулировка не сулила.

«Головной болью» государственных органов стали места паломничества верующих. Таковыми в Мордовии были с. Николаевка Большеберезниковского района, с. Мордовский Пимбур Ширингушского района, было такое место и на территории Ардатовского района. Это были родники, которые верующие считали святыми источниками. За ними ухаживали, оберегали. Например, в с. Николаевка на роднике стояли две иконы, покрытые полотенцем, и стаканы. Много людей из окрестных сел стекалось сюда по праздникам на богомолье. Руководящие партийные и советские

органы предписывали ликвидировать такие места. Ночью у родника с. Николаевка разбили иконы и стаканы, но на следующий день все было восстановлено. Действия властей возбудили недовольство среди богомольцев, что заставило искать другие меры борьбы с паломничеством⁷.

Тем временем Совет по делам РПЦ продолжал тщательно собирать информацию. Пытались, например, выявить наиболее уязвимые места служителей культа. Уполномоченный по Мордовской АССР в 1957 г. отметил, что почти не было отказов в посещении верующих на дому. Именно для этого, по его мнению, некоторые священники старались приобрести транспорт. Было также отмечено, что духовенство стремилось сблизиться с сельским активом. С одной стороны, они добивались устранения препятствий со стороны местных органов власти, с другой — повышали свой авторитет среди верующих. Отмечалось также наблюдавшееся среди священнослужителей стремление показать свою лояльность к социалистическому строю. Вряд ли это было выдумкой уполномоченного. При этом духовенство, возможно, руководствовалось не столько интересами верующих, сколько стремлением к самосохранению. Было отмечено также стремление духовенства в некоторых случаях оказывать материальную помощь нуждающимся прихожанам. Это расценивалось государством как стремление церкви укрепить свои позиции в советском обществе. И такая оценка была верной. Но признание этого не оправдывает репрессивные меры в отношении церкви во второй половине 50—60-е гг. XX в.

Кампания по дискредитации священнослужителей продолжала набирать силу. 4 июля 1958 г. центральная республиканская газета «Советская Мордовия» опубликовала фельетон «Исцелитель мертвых душ», в котором речь шла о том, «как священник Ермошкин изгонял бесов и злых духов, вселившихся в тела грешников»⁸. Нужный эффект был достигнут. Стали приходить письма «возмущенной общественности» из Темникова, Саранска и других районов Мордовии с выражением негодования и протеста. Священнослужителя требовали привлечь к уголовной ответственности «за издевательство над советскими людьми»⁹. Уполномоченный просил Совет по делам РПЦ поставить перед патриархией вопрос об увольнении И. И. Ермошкина, «как дискредитировавшего себя в глазах широкой общественности». В противном случае, как

отмечал уполномоченный, следственные органы вынуждены будут привлечь его к уголовной ответственности за обман и распространение среди населения суеверий¹⁰. По этой же причине был снят с регистрации священник Саранской Иоанно-Богословской церкви А. Коронатов.

В этой обстановке нашлись люди, вставшие на защиту священнослужителей. Житель Саранска Ф. П. Пакшин поставил перед уполномоченным вопрос о том, будет ли в конце концов дано разрешение на открытие в с. Посоп храма, пустующего уже много лет. Интересовался он и причиной снятия с регистрации священника А. Коронатова. Просителю объяснили, что ходатайства верующих об открытии церкви в с. Посоп Советом Министров МАССР рассматривались и были отклонены, поскольку в Саранском районе уже имелось три действующих церкви. На это Ф. П. Пакшин заметил, что люди с таким безрассудным решением Совмина не согласны. Такие действия властей Ф. П. Пакшин расценил как издевательство над желанием и волей народа и его конституционными правами.

По поводу снятия с регистрации о. Алексея (Коронатова) из уст уполномоченного Совета по делам РПЦ прозвучали стереотипные для того времени фразы, что «он допустил в церкви распространение суеверных взглядов среди верующих с корыстными целями», что подобные действия караются по ст. 123 УК РСФСР. На это Ф. П. Пакшин заметил: «Что придрались к старику за суеверие, так как коммунисты религию в целом считают суеверием. Тогда скажите об этом честно и запретите религию как таковую»¹¹.

Острый разговор уполномоченного прошел с жителем с. Мордовская Пишля З. И. Артемовым. Примечательно, что уполномоченный в отчетах признал многократность таких разговоров¹². В Мордовии с конца 50-х гг. начинается сокращение количества действующих храмов. В 1959 г. были закрыты три церкви из 27. Таким образом, на 1 января 1960 г. в республике осталось 24 действующие церкви¹³. Государственные органы направили свои усилия на прекращение паломничества к святым местам. В предыдущие годы многие верующие из Мордовии совершали паломничество к Никольской горе у с. Сурское, райцентра Ульяновской области, граничащего с Большеберезниковским районом Мордовии. На территории Мордовской АССР в Ардатском,

Ичалковском, Атяшевском, Чамзинском, Дубенском, Рузаевском и Zubово-Полянском районах имелось 10 родников, почитавшихся верующими как святые места.

Совместно с отделом пропаганды и агитации Обкома КПСС был разработан план по прекращению паломничества. Во-первых, духовенству было предъявлено прекратить паломничество. Настоятели храмов зачитывали прихожанам послание патриарха о том, что Русская православная церковь не признает святыми местами родники и не поддерживает паломничества к ним верующих¹⁴. За полтора-два месяца до начала паломничества к Никольской горе в районах Мордовии, граничащих с Ульяновской областью были организованы агитбригады и расставлены по маршрутам движения паломников. Их «агитация» свелась к тому, что они встречали паломников и заставляли их поворачивать обратно. С 19 по 22 мая 1959 г. по приблизительным подсчетам было возвращено более 2 тыс. чел., направлявшихся в с. Сурское к Никольской горе¹⁵. С учетом этого опыта подобные мероприятия были проведены и в других «точках притяжения» верующих, в результате чего к источникам не был допущен ни один паломник. Особо был отмечен положительный опыт Чамзинского района. Там территорию, на которой был расположен чтимый верующими родник, решением исполкома отдали под общественный сад¹⁶, а в день паломничества на этом участке организовали общественные работы молодежи по планировке участка.

На территории Рузаевского района у источника бывшего Пайгармского монастыря был организован краткосрочный (на время паломничества) пионерский лагерь¹⁷. Епископа Пензенского и Саранского настоятельно просили обратиться к духовенству с требованием прекратить подворные обходы во время религиозных праздников и участие священников в похоронах. Духовенству было строго предписано ограничиться выполнением треб в храме¹⁸.

Было широко разрекламировано отречение от сана священника церкви с. Журавкино Zubово-Полянского района Ф. Зубрилова. В конце 1959 г. он возвратил уполномоченному Совету по делам РПЦ справку о регистрации и сообщил, что оставляет свой приход и более не намерен заниматься церковными делами¹⁹. Позже Ф. Зубрилов обратился в редакцию газеты «Советская Мордовия» с письмом, в ко-

тором подробно изложил мотивы своего отречения от сана священника. Его письмо было опубликовано в газете под кричащим заголовком «Не могу молчать и обманывать!»²⁰. Насколько добровольным был этот шаг, сказать трудно. Однако следует отметить, что публикация письма была приурочена к Рождеству Христову. Это вошло в традицию: на каждый великий религиозный праздник газеты откликались статьей на атеистическую тему. Можно ли было в таких случаях (а они были массовыми) говорить о корректности и деликатности атеистической пропаганды?

Другим направлением «атеистической» работы был негласный запрет молодежи поступать в духовные учебные заведения. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по МАССР не без гордости сообщал в своей докладной записке в Москву, что в 1959 г. «не было допущено ни одного случая поступления молодежи... в духовные учебные заведения, хотя попытки к поступлению со стороны отдельных лиц были»²¹.

Одной из важнейших черт христианской церковной деятельности всегда была благотворительность. Однако советская власть признала эту сферу деятельности церкви противозаконной. Объяснение этому было дано достаточно простое: благотворительность — завуалированная форма религиозной пропаганды, с которой следует бороться. Эта борьба принимала нередко весьма гипертрофированные формы. Так, в с. Серлиней Чамзинского района в начале июня 1960 г. во время пожара сгорели 13 дворов. Пострадавшим колхозникам был бесплатно выделен строительный материал и в среднем по 6 тыс. руб. на строительство новых домов. Кроме этого, по инициативе настоятеля Серлинейской церкви Голодаенкова церковный совет выделил каждой пострадавшей семье в среднем от 100 до 150 руб. Но партийными и государственными органами такая помощь была оценена как «унизительная подачка советским людям, ставшая возможной в результате беспринципности и близорукости местных властей». Уполномоченный по делам РПЦ срочно выехал на место и организовал травлю настоятеля местной церкви. Священник вынужден был покинуть село. Власти добились от епархиального управления его увольнения и расторгли договор с местной религиозной общиной о предоставлении ей здания церкви²². Таким образом, еще одной действующей церковью в Мордовии стало меньше. Их осталось 23. Однако

религиозность населения (посещение церквей, отправление религиозных обрядов) в целом не снижалась²³.

Приведенные данные могут быть занижены, но и они дают представление о том, что уровень религиозности был стабильным. Некоторое снижение количества крещений и венчаний в 1959—1961 гг. вызвано, во-первых, сокращением числа действующих храмов, во-вторых, политикой, проводившейся в отношении церкви. Но существенного снижения религиозности в регионе не произошло.

Количество церквей в Мордовии постепенно продолжало сокращаться. По данным на 1 января 1962 г. их насчитывалось всего 20²⁴. Но и из оставшихся не все действовали активно. Ежедневно службы проводились лишь в восьми церквях, по воскресеньям и праздничным дням в десяти, а в двух церквях, считавшихся действовавшими, более года службы вообще не велись. Таким образом, фактически действовавшими были 18 храмов²⁵.

Значительно сократилось и количество священнослужителей. Если на 1 января 1956 г. в Мордовии насчитывалось 43 священника, то на 1 января 1962 г. справки об официальной регистрации (а без нее к ведению служб в церкви не допускали) имели 20 священников, причем у 17 из них не было духовного образования²⁶.

В связи с принятием XXII съездом КПСС новой партийной программы стали изучать политические настроения духовенства и его отношение к этому документу. 14 священников или не пожелали высказать своего мнения, или имели об этом весьма поверхностное представление. Вероятно, не желая говорить с представителями власти на эту тему, они ссылались на свой низкий образовательный уровень. Другая часть священнослужителей (тоже пожилого возраста), как, например, настоятель Рузаевского молитвенного дома А. Осипов, настоятель Темниковской церкви Масловский, настоятель церкви с. Адашева Николаев, оценили ситуацию совсем не в духе программных установок. Их мнение в основном сводилось к тому, что религия при коммунизме не отомрет, а Русская православная церковь будет существовать не одно столетие. Обращаясь к «Моральному кодексу строителя коммунизма» и другим принципам, включенным в программу партии (братство, равенство, счастье всех людей на Земле, жизнь без вражды и войн), они отмечали, что

все это много столетий назад проповедовала христианская церковь и Священное Писание.

Молодые священнослужители, окончившие духовные семинарии уже в советское время, высказывали, в интерпретации уполномоченного Совета по делам РПЦ, такую точку зрения: «Пока советские законы разрешают нам заниматься священнической деятельностью, мы будем служить в церкви, если при коммунизме этого делать нельзя будет, то пойдем на любую работу. Если при коммунизме все будут получать по потребности, то коммунистическое общество не обидит и нас»²⁷. Так что большой тревоги по поводу программной установки об отмирании религии при коммунизме никто не испытывал.

Абсурдность планов, выдвинутых новой программой партии, была ясна многим здравомыслящим людям — слишком расходились они с тем, что существовало в реальности. Но случилось так, что политика советского государства в те годы была подчинена фантастическим целям. Мы постарались показать лишь одну грань этой политики, в те годы далеко не самую актуальную — государственно-церковные отношения. Определяющую роль в них, безусловно, играло атеистическое государство. Поэтому и краеугольным камнем в этих отношениях была борьба за снижение религиозности населения. Подобные цели во внутренней политике ставились советским государством в 20—30-е гг. Необходимо подчеркнуть, что ставить знак равенства между тем, что произошло с церковью в тот период и тем, что происходило с ней во второй половине 50-х — начале 60-х гг. XX в., нельзя. Методы борьбы с религией в годы «хрущевской оттепели» были, если можно так сказать, в основном, бескровными. В этот период все обошлось без массового заточения духовенства в концентрационные лагеря и многочисленных расстрелов. Но это не оправдывает тех авантюристических принципов, на которых строилась политика, и того, что миллионы наших соотечественников, имевших религиозные убеждения, были отнесены к гражданам «второго сорта».

При изучении архивных документов приходишь к убеждению, что реальная жизнь отходила от политики и политиков все дальше, и трагедия заключалась именно в этом, а не в том, что никак не могли преодолеть религию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. С. 280.
² ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 311. Л. 11.
³ Там же. Д. 287. Л. 10.
⁴ Там же. Л. 20.
⁵ Там же. Л. 29.
⁶ Там же. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 311. Л. 33.
⁷ Там же. Л. 33—34.
⁸ Зубрилов Ф. Не могу молчать и обманывать // Сов. Мордовия. 1958. 4 июля. № 131.
⁹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 311. Л. 77—78.
¹⁰ Там же. Л. 86.
¹¹ Там же. Л. 110—113.
¹² Там же. Л. 114.
¹³ Там же. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 311. Л. 121.
¹⁴ Там же. Л. 133.
¹⁵ Там же. Л. 134.
¹⁶ Там же. Л. 135.
¹⁷ Там же. Л. 135.
¹⁸ Там же. Л. 136.
¹⁹ Там же. Л. 138.
²⁰ Петров М. Исцелитель мертвых душ // Сов. Мордовия. 1960. 7 янв. № 5.
²¹ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 3. Д. 311. Л. 143.
²² Там же. Л. 158.
²³ Там же. Л. 172, 191—192.
²⁴ Там же. Л. 203.
²⁵ Там же. Л. 203 об.
²⁶ Там же. Л. 204.
²⁷ Там же. Л. 223—224.

Поступила 14.10.2013.

REFERENCES

- ¹ Sm.: Pospelovskij D.V. Russkaja pravoslavnaia cerkov' v XX veke. M.: Respublika, 1995. S. 280.
² CGA RM. F. R-228. Op. 3. D. 311. L. 11.
³ Tam zhe. D. 287. L. 10.
⁴ Tam zhe. L. 20.
⁵ Tam zhe. L. 29.
⁶ Tam zhe. F. R-228. Op. 3. D. 311. L. 33.
⁷ Tam zhe. L. 33—34.
⁸ Zubrilov F. Ne mogu molchat' i obmanyvat' // Sov. Mordovija. 1958. 4 ijulja. № 131.
⁹ CGA RM. F. R-228. Op. 3. D. 311. L. 77—78.

- ¹⁰ Tam zhe. L. 86.
¹¹ Tam zhe. L. 110—113.
¹² Tam zhe. L. 114.
¹³ Tam zhe. F. R-228. Op. 3. D. 311. L. 121.
¹⁴ Tam zhe. L. 133.
¹⁵ Tam zhe. L. 134.
¹⁶ Tam zhe. L. 135.
¹⁷ Tam zhe. L. 135.
¹⁸ Tam zhe. L. 136.
¹⁹ Tam zhe. L. 138.
²⁰ Petrov M. Iscelitel' mertvyh dush // Sov. Mordovija. 1960. 7 janv. № 5.
²¹ CGA RM. F. R-228. Op. 3. D. 311. L. 143.
²² Tam zhe. L. 158.
²³ Tam zhe. L. 172, 191—192.
²⁴ Tam zhe. L. 203.
²⁵ Tam zhe. L. 203 ob.
²⁶ Tam zhe. L. 204.
²⁷ Tam zhe. L. 223—224.

A. I. Belkin. Some Peculiarities of Relations between the State and Church in 1953—1964: Regional Aspect

Basing on extensive archival material, the paper shows a large-scale picture of persecution suffered by the Russian Orthodox Church that took place in 1953—1964. The problem discussed in the paper is viewed from different perspectives: the author shows the role of the Party and Soviet bodies, non-governmental organizations; views of believers and priests are also presented. Statistical data of that period are critically analyzed including those concerning religion and the Church; their contradictory nature and causes of possible errors are shown. Basing on archival documents, the main directions of atheistic work of the Party and state bodies are identified, its influence on the political situation in the region is analyzed in detail.

The damage inflicted on the moral development of people by militant atheistic propaganda is revealed. Specific facts show that recognition of charitable activities of religious organizations as illegal, declaring these activities evil coming from religion, a de facto ban on the free expression of religious beliefs, led to a reappraisal of moral values, to growth of cynicism and disbelief. The paper reveals the causes of this phenomenon.

BELKIN Alexei Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy, National Research Mordovia State University.

Т. В. ХУДОЙКИНА

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: бесплатная юридическая помощь, государственная система, негосударственная система, оказание бесплатных правовых услуг, субъекты Российской Федерации

Key words: free legal aid, state system, non-governmental system, provision of free legal services, constituent regions of the Russian Federation

Рассматриваются организационно-правовые основы и проблемы формирования государственной и негосударственной систем оказания бесплатных правовых услуг на примере субъектов Российской Федерации, входящих в Приволжский федеральный округ.

The paper discusses the organizational and legal grounds and aspects of formation of the state and non-governmental systems providing free legal services, the case study of the constituent regions of the Russian Federation in the Volga Federal District.

Формирование системы бесплатной юридической помощи только на государственной основе представляется малоэффективным, поскольку решение проблемы правовой защиты населения возможно только с привлечением всех общественных институтов. Такое видение организации право-защитной деятельности нашло отражение в Федеральном законе «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ¹ (далее — Закон) вступившем в силу с 15 января 2012 г.

В соответствии со ст. 15 Закона всех участников государственной системы можно разделить на две группы. В первую группу на безальтернативных основаниях включены федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения, органы исполнительной власти субъектов

ХУДОЙКИНА Татьяна Викторовна, заведующая кафедрой правовых дисциплин Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Российской Федерации и подведомственные им учреждения, органы управления государственных внебюджетных фондов и государственные юридические бюро. Ко второй группе отнесены адвокаты, нотариусы и другие субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь, которые могут наделяться правом участия в государственной системе в соответствии с Законом.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации самостоятельно определяют и закрепляют в нормативных правовых актах состав участников государственной системы и организацию их деятельности на территории региона. Так, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, находящихся в пределах Приволжского федерального округа (ПФО), принято более 60 нормативных правовых актов, регулирующих вопросы оказания помощи (в том числе 12 актов о внесении изменений). При этом в Республике Марий Эл и Кировской области действуют законы, принятые до момента вступления в силу Закона, в которые в настоящее время внесены необходимые изменения.

Существует два варианта формирования системы бесплатной юридической помощи: смешанный, когда в субъекте Российской Федерации в рамках государственной системы одновременно могут осуществлять деятельность государственные юридические бюро и адвокаты; альтернативный, когда приоритет отдается только одному из названных субъектов бесплатной юридической помощи. Второй вариант, на наш взгляд, не является приемлемым, так как создание системы бесплатной юридической помощи предполагает возможность участия в оказании бесплатных правовых услуг всех квалифицированных субъектов.

Субъектами Российской Федерации по-разному сформирована и представлена государственная система органов, оказывающих помощь. В республиках Башкортостан и Татарстан, Оренбургской области бесплатную юридическую помощь оказывают органы управления государственных внебюджетных фондов, на территории Нижегородской и Ульяновской областей, Удмуртской Республики элементом государственной системы бесплатной юридической помощи является Территориальный фонд обязательного медицинского страхования; в Пензенской и Ульяновской областях

в перечень участников включены многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг и государственное юридическое бюро. В республиках Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Чувашия, Мордовия и Удмуртия, Пермском крае, Нижегородской и Саратовской областях палатами адвокатов заключены соглашения с региональными органами исполнительной власти об оказании бесплатной юридической помощи адвокатами, являющимися участниками государственной системы, прописаны условия оказания помощи, составлены списки таких адвокатов и ведется прием граждан.

В Республике Марий Эл определено, что участниками государственной системы являются только адвокаты, в Саратовской области адвокаты могут осуществлять эту деятельность только в тех населенных пунктах области, где отсутствуют подразделения государственного юридического бюро. В Пензенской области адвокаты вообще не включены в государственную систему. Это стало возможным потому, что Закон «освободил» адвокатуру от этой обязанности по неуголовным делам, ее взаимоотношениям с государством в этой области придан партнерский характер. Вообще участие адвокатов в государственной системе в разных субъектах Российской Федерации воспринято неоднозначно.

Анализ установленных в регионах размеров оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь в рамках государственной системы, позволяет сделать вывод о принципиально различных подходах органов государственной власти субъектов Российской Федерации к их определению. Так, Адвокатской палатой Оренбургской области ставится под сомнение возможность полноценной реализации Закона и соответствующего закона Оренбургской области со стороны адвокатского сообщества и эффективного освоения выделенных бюджетных средств по причине низкого размера оплаты адвокатов по сравнению с размерами такой платы, установленными в других субъектах Российской Федерации.

Для установления единообразных подходов к определению размеров оплаты труда адвокатов в рамках системы бесплатной юридической помощи и наиболее эффективной их работы в этом направлении целесообразно регламентировать на федеральном уровне примерные или хотя бы минимальные расценки на такие услуги адвокатов.

Понятно, что эффективная региональная составляющая юридической помощи зависит от уровня экономического развития субъектов Российской Федерации, количества нуждающихся в такой помощи граждан и инициативности органов государственной власти, которые по этим аспектам значительно разнятся.

В соответствии со ст. 30 Закона государственные юридические бюро, созданные Правительством Российской Федерации в рамках эксперимента² до дня вступления в силу Закона, подлежат передаче в ведение субъектов Российской Федерации. В идеале, бюро должны функционировать во всех субъектах РФ, однако в настоящее время это не реализовано. Так, нормативными правовыми актами республик Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Чувашия создание госюрбюро вообще не предусматривается. Это связано с большими финансовыми затратами, которые субъекты Российской Федерации не могут себе позволить.

Однако создание государственного юридического бюро является существенным шагом к обеспечению граждан бесплатной юридической помощью потому, что это учреждение будет постоянно осуществлять безвозмездную правовую помощь; в нем работают квалифицированные юристы на постоянной основе; такое юридическое бюро является государственным, вызывает доверие у населения. На наш взгляд, необходимо активнее создавать в субъектах Российской Федерации государственные юридические бюро и предусматривать выделение средств для их успешного функционирования.

Основу негосударственной системы бесплатной юридической помощи составляют юридические клиники и негосударственные центры бесплатной юридической помощи (ст. 22 Закона). Главным документом, регулирующим работу клиник, является Приказ Министерства образования и науки России от 28 ноября 2012 г. № 993, который устанавливает правила создания вузами юридических клиник, порядок их деятельности, цели и осуществление выездных мероприятий для лиц, не имеющих возможности обратиться в клинику по месту ее нахождения в связи с состоянием здоровья³. В целом Приказ повторяет положения, указанные в Законе. Юридические клиники могут создаваться при высших учебных заведениях в качестве юридического лица или структурного подразделения образовательного учреждения.

В субъектах ПФО создано и действует 58 юридических клиник как структурных подразделений вузов на базе юридических факультетов. В оказании бесплатной юридической помощи в клинике участвуют лица, обучающиеся по юридической специальности, под контролем лиц, имеющих высшее юридическое образование (ст. 23 Закона). Таким образом, к участию в работе юридических клиник при вузах на добровольной основе привлекаются, как правило, студенты старших курсов и преподаватели юридических факультетов.

Основной проблемой в работе клиник является недостаточное финансирование. В п. 13 Приказа Минобрнауки России № 994 указано, что «материально-техническое обеспечение юридической клиники, являющейся структурным подразделением образовательного учреждения, осуществляется образовательным учреждением, а юридической клиники, являющейся юридическим лицом, осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации». Для решения проблемы этой нормы недостаточно, так как основным вопросом является оплата труда преподавателей (на почасовой основе), работающих со студентами в процессе осуществления правовой консультации клиенту, отработки навыков коммуникативного взаимодействия⁴. Решить основные проблемы функционирования клиник частично можно было бы путем принятия государственной программы целевого финансирования юридических клиник при высших учебных заведениях, занимающихся подготовкой юридических кадров.

Также как и клиники, юридические услуги оказывают негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Они учреждаются в качестве самостоятельного юридического лица (некоммерческой организации) либо в качестве структурного подразделения юридического лица. Закон расширил круг субъектов Российской Федерации, которые могут создавать также центры, добавив к некоммерческим организациям адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов, нотариальные палаты, самих адвокатов и нотариусов (ст. 24). При этом центры вправе самостоятельно определять виды юридических услуг и категории граждан, которым будет оказываться помощь.

Предполагается, что центры будут осуществлять деятельность по оказанию бесплатной юридической помощи за счет собственных средств (ст. 24 Закона). Органы государ-

ственной власти и органы местного самоуправления в этом направлении могут осуществлять поддержку в формах и в порядке установленном законодательством.

Одним из наиболее активно развивающихся способов удовлетворения потребностей граждан в получении бесплатной правовой помощи выступает деятельность общественных организаций. В частности, Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ⁵ в ст. 2 констатирует, что некоммерческие юридические лица могут создаваться для защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ. По сведениям территориальных органов Минюста России, на территории ПФО зарегистрировано более 370 некоммерческих организаций, основными видами деятельности которых является оказание правовой помощи и правовое просвещение населения.

Основное место в осуществлении таких видов деятельности сегодня занимает Общероссийская общественная организация «Ассоциация юристов России». Ее региональные отделения действуют в каждом субъекте ПФО, однако им следует эффективнее осуществлять выездные консультации для граждан, вести работу по их правовому просвещению (чтение лекций, организация круглых столов и семинаров, выступление в СМИ, подготовка и выпуск буклетов по наиболее актуальным вопросам законодательства).

По Закону органы местного самоуправления тоже являются самостоятельными участниками системы оказания бесплатных правовых услуг, они вправе издавать муниципальные правовые акты, устанавливающие дополнительные гарантии права граждан на получение бесплатной юридической помощи, могут участвовать в создании муниципальных юридических бюро (ст. 14). Но в любом случае финансирование всех указанных мероприятий осуществляется за счет местных бюджетов (ч. 3 ст. 29). Сейчас только в некоторых регионах закреплено право на участие органов местного самоуправления в системе бесплатной юридической помощи. Практика принятия муниципальных правовых актов в этой сфере только начинает складываться. Так, в Чувашской Республике, Республике Татарстан и в Оренбургской области приняты муниципальные правовые акты, регламентирующие вопросы оказания бесплатных правовых услуг населению.

В целом анализ нормативного правового регулирования вопросов бесплатной правовой помощи в регионах ПФО позволяет сделать вывод о том, что система находится на начальном этапе развития. Еще рано говорить о завершении формирования в субъектах Российской Федерации нормативной правовой базы в этой сфере. Региональные законы в большинстве своем приняты недавно. Подготовка и принятие подзаконных актов завершены не во всех субъектах Российской Федерации. Органам государственной власти следует активнее вести работу в этом направлении. Целесообразно также развивать взаимодействие между участниками государственной и негосударственной систем бесплатной юридической помощи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собр. законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

² Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» от 22 августа 2005 г. № 534 // Собр. законодательства РФ. 2005. № 25. Ст. 3615.

³ Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи» от 28 ноября 2012 № 994 // Рос. газ. 2012. № 298.

⁴ Усманова Е.Ф., Брыжинская Г.В. Специфика коммуникативного взаимодействия в профессиональной юридической деятельности // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. 1—2 дек. 2013 г. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 37—42.

⁵ Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

Поступила 01.11.2013.

REFERENCES

¹ Sobr. zakonodatel'stva RF. 2011. № 48. St. 6725.

² Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii «O provedenii jeksperimenta po sozdaniju gosudarstvennoj sistemy okazanija besplatnoj juridicheskoj pomoshhi maloimushhim grazhdanam» ot 22 avgusta 2005 g. № 534 // Sobr. zakonodatel'stva RF. 2005. № 25. St. 3615.

³ Prikaz Ministerstva obrazovanija i nauki Rossijskoj Federacii «Ob utverzhdenii Porjadka sozdanija obrazovatel'nymi uchrezhdenijami vysshego professional'nogo obrazovanija juridicheskikh klinik i porjadka ih dejatel'nosti

v ramach negosudarstvennoj sistemy okazaniya besplatnoj juridicheskoj pomoshhi» ot 28 nojabrja 2012 № 994 // Ros. gaz. 2012. № 298.

⁴ Usmanova E.F., Bryzhinskaja G.V. Specifika kommunikativnogo vzaimodejstvija v professional'noj juridicheskoj dejatel'nosti // Praktika kommunikativnogo povedeniya v social'no-gumanitarnyh issledovanijah: materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 1—2 dek. 2013 g. Praga: Vědecko vydavatel'ské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. S. 37—42.

⁵ Sobr. zakonodatel'stva RF. 1996. № 3. St. 145.

T. V. Khudoykina. Formation of the Free Legal Aid System in the Regions of the Volga Federal District

The paper explores the organizational and legal grounds and practical issues of formation of the state and non-governmental systems providing free legal services. It also defines the number of participants of the state system, notes that the state authorities of the Russian Federation independently determine and set in the regulatory acts the composition of participants of the state free legal aid system and the arrangement of their activities in a region. Two variants of formation of such a system (the mixed and alternative ones) are described. On this issue, a comparative analysis of the constituent regions of the Russian Federation in the Volga Federal District was carried out. It is concluded that the state system of institutions providing free legal aid is formed and presented differently in these regions. The paper contains suggestions for improvement of such a system; the role of lawyers and public legal offices is also determined.

The non-governmental system of providing free legal services is also considered basing on comparative analysis. The paper reveals problems in the functioning of «Legal Clinics» and Legal Aid Centers. Participation of non-governmental organizations and local governments in provision of free legal services is also considered. The need for cooperation of all participants of both the state and the non-governmental systems of free legal aid is stressed.

KHUDOYKINA Tatiana Viktorovna, Doctor of Juridical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Legal Disciplines, National Research Mordovia State University.

Л. Н. ФОЛОМЕЙКИНА РЫНОК ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: рынок, экологические товары, работы и услуги, Республика Мордовия, предприятие, экологическое предпринимательство, условия развития, экологическая маркировка

Key words: market, environmental goods, works and services, Republic of Mordovia, enterprise, environmental entrepreneurship, conditions of development, environmental labeling

Приведены результаты исследования регионального рынка экологических товаров, работ и услуг в Республике Мордовия. Представлены предприятия, работающие по международным стандартам, предусматривающим повышение экологичности производства и выпускаемой продукции, основные направления развития экологического рынка региона.

The paper presents the results of study of the regional market for environmental goods and services in the Republic of Mordovia. Companies working in accordance with international standards providing for an increase in ecological compatibility of production and products are named, the main directions of development of the environmental market in the region are discussed.

Одним из важнейших направлений в решении проблем устойчивого развития Республики Мордовия является формирование рынка экологических услуг и товаров. Экологическая индустрия региона не имеет четко обозначенных границ. Связано это с отсутствием критериев отнесения к экологически чистой продукции технологий по предотвращению загрязнений. Так, можно идентифицировать технологии по предотвращению загрязнений, но новую продукцию, технологии и промышленный дизайн, разработанные с учетом природоохранных требований, обычно относят к соответствующей отрасли промышленности, а не к экологической индустрии. В этом же аспекте рассматриваются и экологические услуги, существующие на региональном рынке. Таким образом, статистические данные по производству экологически безопасной продукции и экоуслугам отсутствуют в официальной статистике республики.

ФОЛОМЕЙКИНА Лариса Николаевна, доцент кафедры экономической и социальной географии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук.

Анализ рынка экологических товаров, работ и услуг Мордовии показал, что этот сектор в регионе развивается слабо. В то же время возрастает количество предприятий, имеющих сертификаты серии международных стандартов ISO, регламентирующих контроль качества экологичности продукции на предприятиях. Как показывает опыт, сертификация ISO позволяет предприятиям занимать лучшие позиции на рынке, принимать участие в государственных заказах, минимизировать издержки производства при этом повышая качество услуг и продукции. Сертификации ISO предполагает периодические проверки соответствия системы менеджмента качества на предприятии по международному и российскому стандарту. Сертификация ISO по международным стандартам ISO 9001:2000, ISO 14001:2004, хотя и достаточно дорогостоящая процедура, но целесообразна для предприятий, стремящихся к выходу на международные рынки. Оптимальный вариант сертификации ISO — проверка соблюдения требований российского варианта стандарта ISO 9001 — ГОСТ Р ИСО 9001-2008, наличие подобного сертификата дает возможность для участия в конкурсах и тендерах в России. Работа предприятия по стандартам такого рода, предусматривает повышение экологичности производства и выпускаемой продукции.

В регионе прошли сертификацию по стандартам ИСО в основном предприятия, имеющие выход на международный рынок (таблица)¹. Деятельность предприятий в рамках стандартов обусловлена их экономическим эффектом. В то же время работа по современным международным стандартам приводит к сокращению экологического риска.

Таким образом, экологоориентированных предприятий на рынке региона не много. К их числу относится крупный мясоперерабатывающий комплекс «Атяшевский», позиционирующийся как производитель экологически чистой и натуральной продукции. Предприятие регулярно представляет свои продукты на Международной выставке «Экологически чистая, натуральная и безопасная продукция». С 2002 г. ООО «МПК "Атяшевский"» занесен в Реестр производителей и поставщиков продукции, отвечающей экологическим требованиям, и является членом Союза производителей натуральной и безопасной продукции².

На товарные рынки России поступает до 40 % пищевой продукции низкого качества. В связи с этим в России разработана «Программа формирования рынка экологически чистой, натуральной и безопасной продукции» и регулярно проводится выставка «Экологически чистая продукция». К продукции, представленной на конкурс, предъявляются повышенные критерии оценки. Все товары обязательно должны соответствовать показателям, установленным нормативными документами, и показателям качества детского питания. На конкурс допускаются продукты только высокого качества, изготовленные из натурального сырья без применения технологий генной инженерии, без красителей, ароматизаторов, консервантов. Пищевые предприятия республики работают в рамках данной программы и принимают участие в работе выставки³.

Таблица

**Предприятия Республики Мордовия,
прошедшие сертификацию по международным стандартам ИСО**

Предприятие	Вид стандарта	Год сертификации
ОАО «Радиодеталь»	ГОСТ Р ИСО 9002	2000
ОАО «Саранскабель»	ГОСТ Р ИСО 9000	2008
ОАО «Экскаваторный завод»	ГОСТ Р ИСО 9000	2007
ОАО «Мордовспирт»	ГОСТ Р ИСО 9000	2006
ОАО «ВолгаТелеком»	ГОСТ Р ИСО 9000	2008
ОАО «Ламзурь»	ГОСТ Р ИСО 9001	2005
ООО «МПК "Атяшевский"»	ГОСТ Р ИСО 9001 ГОСТ Р ИСО 22000	2008
ОАО «Биохимик»	ГОСТ Р ИСО 9000	2005
ЗАО «Резинотехника»	ГОСТ Р ИСО 9001	2007
ОАО «Мордовпромстрой»	ГОСТ Р ИСО 9000	2008
ОАО «Электровыпрямитель»	ГОСТ Р ИСО 9001	2008
ОАО Консервный завод "Саранский"»	ГОСТ Р ИСО 22000	2009
ОАО «СанИнтербрю»	ГОСТ Р ИСО 22000	2011

К экологически ориентированным предприятиям, согласно сертификации можно отнести и ОАО «Ламзурь» — кондитерский комбинат «Саранский». Предприятие выпускает более 250 наименований изделий. Мощности предприятия позволяют ежегодно производить более 14 т продуктов. Используются только экологически чистые, натуральные компоненты: ягоды и фрукты для наполнителей, орехи, какао-продукты, жиры, нетрадиционные виды сырья (все они проходят тщательный контроль).

На ОАО «Завод "Саранскабель"» для дальнейшего улучшения потребительских свойств выпускаемой продукции, освоено изготовление силовых и контрольных кабелей, проводов повышенной экологической безопасности. Оболочка этих кабельно-проводниковых изделий изготовлена из ПВХ-пластиков, не содержащих опасных для здоровья человека веществ.

К основным предлагаемым видам товаров и услуг Мордовии на современном рынке относятся: дезинфекция и дезинсекция; продажа оборудования для очистки воды; очистка сточных вод; частичная сортировка бытового мусора; продажа различных фильтров, фильтрующих материалов; продажа измерительного оборудования и приборов экологической направленности; образовательные услуги; разработка проектной документации, лимитов размещения отходов, томов ПДВ и ПДС. К сожалению, производственная специализация в экологическом предпринимательстве Мордовии нашла отражение лишь в ряде сфер, таких как переработка черных и цветных металлов, стекла и бумаги. Остальной спектр производств в экологической сфере освоен плохо и обусловлено это более длительной окупаемостью. Например, «ниша» вторичной переработки пластиковых изделий практически свободна.

Кроме того, существуют предприятия, декларирующие экологичность своей продукции в качестве конкурентного преимущества (экологически чистые окна, двери, матрасы, продукты питания, отделочные материалы), заявления которых, к сожалению, ничем, кроме декларации не подкреплены. Например, ряд пекарен дают потребителям информацию об экологичности хлебобулочной продукции. Многие потребители в данном случае верят производителям на слово, тем более что само понятие «экологически чистый товар» далеко не однозначно и во многом дискуссионно. Мода на экологичность привела также к тому, что многие фирмы используют в своих названиях экологические лейблы, не имея отношения к действительно экологическим видам деятельности. Пользуясь повышенной заинтересованностью потребителя экологическими аспектами продукции, многие производители, не пройдя сертификации, наносят на упаковку своих продуктов различные знаки, например, «экологически чистый» или «экологически безопасный продукт», и автоматически

повышают цены. К сожалению, таких «псевдоэкологических продуктов» становится все больше. Ряд экспертов небезосновательно рассматривают маркировку «экологически чистый продукт» на товаре всего лишь как маркетинговую уловку. Даже если компания на самом деле заботится о безопасности и экологичности производства, она все равно не может объективно утверждать, что результат ее деятельности — органический продукт.

Современное состояние экологического рынка региона ведет к развитию предпринимательской деятельности на условиях сохранения окружающей среды. Соответственно, спектр экологических товаров работ и услуг формируют в большей степени предприниматели. К условиям развития экологического предпринимательства в Мордовии следует отнести природные, экологические, экономические, социальные, нормативно-правовые, информационные, научно-технологические (инновационные) и инфраструктурные условия. Их исследование проводилось нами с помощью метода экспертных оценок. Экспертами выступили экономисты, юристы, экологи, а также представители предпринимательских структур и сотрудники Торгово-промышленной палаты Республики Мордовия.

Экспертам была предложена пятибалльная оценочная шкала условий развития экологического предпринимательства: 1 — очень неблагоприятные, 2 — неблагоприятные, 3 — достаточно благоприятные, 4 — благоприятные, 5 — очень благоприятные (рисунок).

Результаты опроса оценки показывают, что информационные условия оценены в среднем как достаточно благоприятные, ниже удовлетворительного оценены социальные условия. Самое меньшее количество баллов получили нормативно-правовые условия. Объясняется это тем, что в Мордовии отсутствует поддержка предпринимателей в сфере экологии, в этом направлении отсутствуют финансовые и налоговые льготы. Достаточно высоко оценены экспертами инновационные (научно-технологические) условия и природные. Как показывает экспертная оценка, отсутствие именно комплексного подхода при решении проблем экологического рынка повлияло на столь «вялое» развитие рынка экологических товаров и услуг в республике. Обеспечение всего комплекса условий развития экологического предпринимательства в

регионе позволит приступить к формированию полноценной экологической индустрии и вывести экологический рынок на другой качественно новый уровень.

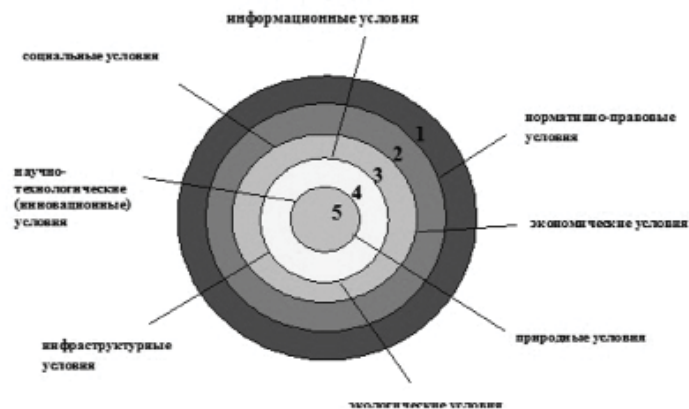

Рисунок. Экспертная оценка условий формирования экологического предпринимательства в Мордовии

В России в целом и Мордовии в частности отсутствует полноценная нормативно-правовая база о производстве, переработке экологической продукции и контроле за подлинностью ее чистоты. Для выхода на мировые рынки продукции региона, а также развития внутреннего рынка необходимо создать благоприятные условия для производства экологической продукции и гарантировать ее должную сертификацию на государственном уровне. Предприятие должно доказать соответствие продукта и процесса его производства жестким экологическим критериям. Во-первых, товар не должен содержать веществ, опасных для человека и окружающей среды, во-вторых, производство товара, сам товар и его утилизация должны быть безопасны для окружающей среды.

Таким образом, перспективными направлениями развития экологического рынка Республики Мордовия, на наш взгляд, являются переработка твердых бытовых и промышленных отходов; очистка и производство экологически чистой воды; работы по восстановлению качества окружающей среды; производство экологически чистых продуктов питания; разработка и внедрение энерго- и ресурсосберегающих техно-

логий; инженерно-консультационные услуги; аудиторские услуги и услуги в области разработки проектной природоохранной документации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Логинова Н.Н., Пресняков В.Н., Семина И.А., Сотова Л.В., Федотов Ю.Д., Фоломейкина Л.Н. Социальные и экономико-географические исследования региона (на примере Республики Мордовия) // Вестн. Удмурт. ун-та. 2012. № 3. С. 127—136.

² См.: Фоломейкина Л.Н. Инновационный потенциал как ресурс регионального развития // Гуманитарные ресурсы регионального развития (на примере естественно-природного и культурного наследия) / под ред. С.С. Артоболевского, Ю.А. Веденина и Л.М. Синцерова. М.: Эслан, 2009. С. 277—294.

³ См.: Фоломейкина Л.Н., Игонченкова О.А. Инновационный потенциал региона: подходы к исследованию // Актуальные проблемы географии и геоэкологии: электрон. науч. период. изд-е. № гос. регистрации в гос. регистре баз данных НТЦ «Информрегистр»: 0420800071, 2009. Вып. 2.

Поступила 28.11.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Loginova N.N., Presnjakov V.N., Semina I.A., Sotova L.V., Fedotov Ju.D., Folomejkina L.N. Social'nye i jekonomiko-geograficheskie issledovanija regiona (na primere Respubliki Mordovija) // Vestn. Udmurt. un-ta. 2012. № 3. S. 127—136.

² Sm.: Folomejkina L.N. Innovacionnyj potencial kak resurs regional'nogo razvitija // Gumanitarnye resursy regional'nogo razvitija (na primere estestvenno-prirodnogo i kul'turnogo nasledija) / pod red. S.S. Artobolevskogo, Ju.A. Vedenina i L.M. Sincerova. M.: Jeslan, 2009. S. 277—294.

³ Sm.: Folomejkina L.N., Igonchenkova O.A. Innovacionnyj potencial regiona: podhody k issledovaniju // Aktual'nye problemy geografii i geojekologii: jelektron. nauch. period. izd-e. № gos. registracii v gos. registre baz dannyh NTC «Informregistr»: 0420800071, 2009. Vyp. 2.

L. N. Folomeykina. Market for Environmental Goods, Works and Services in a Region

The paper examines the market for environmental goods and services in a region by the case study of the Republic of Mordovia. It is noted that the regional market for environmental goods, works and services is in the stage of formation, which confirms the limited list of goods with

environmental characteristics, the lack of developed demand for much of environmental services and works. Examples are given of companies having certificates of the ISO series of international standards regulating quality control of product ecological compatibility at enterprises.

The main types of services offered by the Republic of Mordovia in the contemporary market include: disinfection and disinsectization, sale of water treatment equipment, wastewater treatment, partial sorting of household waste, sale of various filters and filtering materials, sale of measuring equipment and environmentally oriented devices, educational services, development of project documentation, limitations of waste disposal, volumes of maximum permissible emissions and maximum allowable discharge.

The present state of the environmental market in the region causes the development of entrepreneurial activity in the conditions of preservation of the environment. In this regard, it is important to create the necessary conditions for the development of environmental business in the Republic of Mordovia. The article presents the results of the study of conditions for the development of ecological entrepreneurship using the method of expert assessments. The main problems in formation of the environmental market of Mordovia are identified, and promising directions of its development are highlighted.

FOLOMEYKINA Larisa Nikolaevna, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of Economic and Social Geography, National Research Mordovia State University.

**Ж. В. КУЗНЕЦОВА ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ
И МЕНТАЛЬНОСТЬ
ЮЖНЫХ АЛТАЙЦЕВ
В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЙ
ПРЕДМЕТНОГО МИРА**

Ключевые слова: «шок будущего», ментальность, предметная реальность, самосознание, родовые горы, этноним

Key words: «shock of future», mentality, objective reality, self-consciousness, ancestral mountains, ethnonym

Статья посвящена отражению реальности предметного мира в ментальности одной из коренных народностей Горного Алтая. Анализируется влияние этой реалии на различные звенья структуры самосознания народности алтай-кижи.

The paper is devoted to the reflection of the reality of the objective world in the mentality of one of the indigenous peoples of the Altai Mountains region. The impact of this reality on the various part of the structure of self-consciousness of the ethnic group of Altai-Kizhi is analyzed.

«Шок будущего»¹, в который оказались ввергнуты жители бывшего СССР в результате перестройки и последовавшей за ней экономической и мировоззренческой нестабильности вызвал обострение этнических процессов на всей территории бывшего Союза, в том числе в России и в частности на Алтае, где на сравнительно компактной территории проживают народности, принадлежащие к различным расам, религиям и культурам. Такое обстоятельство диктует необходимость повышенного внимания к особенностям ментальности этих народов, поскольку непонимание этих особенностей является источником межэтнической напряженности и конфликтов.

Следует отметить, что понятие «ментальность» широко используется в науке и обыденной жизни. Для того, чтобы понять истинное значение этого термина в этнопсихологии, надо вспомнить, что он является калькой с французского слова *mentalite*, впервые употреблявшегося Леви-Брюлем², которое означает не только мышление, но и умонастроение,

КУЗНЕЦОВА Жанна Викторовна, доцент кафедры педагогики и психологии Московской государственной академии физической культуры, кандидат психологических наук.

мыслительную установку, воображение и склад ума. Современными исследователями ментальность понимается как «система образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей»³.

Алтайцы являются тюркским этносом, принадлежащим к монголоидной расе. Этническое самосознание алтайцев сензитивно к реалиям предметного и природного мира, а также социально-нормативной и образно-знаковой реальности. Основу этнического самосознания алтайцев составляет продолжающееся родо-племенное и этническое обособление. Этническое самосознание алтайцев находясь в стадии формирования во многом остается фиксированным на традициях и мифах, связанных с исторически сложившейся этнической идентичностью.

Наряду с ценностным отношением к традиционной культуре и к консолидации этнической общности наблюдается выраженная тенденция к интеграции в русскую культуру. У всех алтайских этнотерриториальных групп в том числе и у алтай-кижи наблюдается смена родового самосознания этническим. Алтайцы независимо от этнотерриториальной принадлежности отождествляют себя со своей этнической общностью через этноним, пристрастное отношение к своей этничности, через идентификацию с именем собственным, через традиционные притязания на признания, традиционную половую идентификацию в контексте социально-нормативного пространства.

Этническое самосознание алтайцев находится в переходном состоянии от родового к собственно этническому, что предопределяет многоуровневость его структуры, состоящей из взаимосвязанных между собой идентификаций — родовой, этнотерриториальной, собственно этнической, общероссийской и общемировой. В то же время осуществляется и идентификация отдельного человека с самим собой, как личностью. Различные новообразования ценностно-ориентированных идентификаций взаимодействуют друг с другом по типу кругов Л. Эйлера, по модели конъюнкции, которая выстраивается в соответствии с внешними условиями многоуровневых идентификаций и внутренней позицией каждого человека, как уникальной личности и показывают особенности самосознания личности с его этническим компонентом.

Говоря о ментальности титульной народности Алтая — алтай-кижи, можно отметить, как общие черты, которые роднят ее с другими этносами, принадлежащими к родовым культурам, так и уникальные черты, присущие только данному этносу. Эти черты обусловлены особенностями реальных феноменов, которые являются условием развития самосознания представителей различных этносов: реальностью природы, реальностью предметного мира, образно-знаковых систем и реальностью социально-нормативного пространства⁴.

Алтай рассматривается учеными как один из эпицентров социокультурного развития Евразии. Сегодня, наряду с другими точками зрения, существует алтацентристская концепция культуры (Н. К. Рерих, Д. А. Мачинский)⁵ в основе которой лежит утверждение, что Алтай является своеобразным перекрестком, на котором встречались племена и народы, движимые лавиной великого переселения и позже образовавшие современные европейские и азиатские нации. Поэтому предки современных алтайцев, прибыв на Алтай, увидели землю, насквозь пронизанную следами культур ранее проживавших здесь народов, которые они усваивали и включали в свою культуру, в том числе и в отношении к реальности предметного мира. Это, а также продолжающиеся межэтнические контакты и интегрирующее влияние средств массовой информации обусловили сложившуюся на данный момент пестроту предметного мира народностей, населяющих Алтай. Однако интеграционные процессы, преобладающие у североалтайских народностей, у южных алтайцев (в частности, у алтай-кижи) менее выражены и сочетаются с более бережным отношением к веками сложившемуся предметному миру.

Особенно бережно хранятся и передаются предметы, имеющие не только хозяйственное, но и сакральное значение и являющиеся материальным воплощением образно-знаковых реалий, «формирующих конкретную ментальность родового сознания и самосознания»⁶. Эти предметы помимо выполнения хозяйственно-бытовых и сакрально-охранительных функций также часто являются маркерами этнической идентичности и сопровождают жизнь родового человека на разных ее этапах (рождение, брак, смерть) и в процессе перехода из одного состояния в другое⁷.

Наиболее наглядно противоречия между тенденциями к родо-племенному обособлению и реалиями интеграции культур у алтай-кижи проявляются в отношении жилища. Повсеместно в селах южного Алтая рядом с традиционной рубленной («русской») избой или коттеджем можно увидеть *айыл* — традиционное жилище с конусообразной крышей. *Айыл* выполняет функцию не только летней кухни, но и демонстрирует этническую принадлежность хозяев, а также выполняет определенные сакрально-охранительные функции, являясь местом, где совершаются многие обряды домашних и семейных культов. Строительство *айыла* традиционно происходит в новолуние и часто бывает приурочено к предстоящей свадьбе. *Айыл* стремятся ориентировать входом на восток или юго-восток, или в крайнем случае на юг. Считается, что «в айыл с лучами солнца поступает счастье, благополучие и богатство»⁸. Подобная ориентация жилища по солнцу до сих пор является одним из существенных этнических признаков у кочевников Евразии.

Внутреннее убранство *айыла* будучи наполнено современными вещами, отражающими тенденции к интеграции алтай-кижи в общемировую культуру, тем не менее во многом сохраняет свое традиционное символическое значение. Слева от входа находится мужская половина, где раньше хранилось оружие и конская упряжь, а в настоящее время, как правило, расположены кресла и диван для отдыха членов семьи и гостей, независимо от пола. Справа — женская половина жилища, где находится кухонная утварь и где мужчинам нежелательно находиться в присутствии хозяйки.

В центре жилища, называемом *очок*, расположен очаг, где разводится огонь, и треножник на который ставится посуда для приготовления пищи. У некоторых жителей Горного Алтая на месте очага с открытым огнем стоят печки, но многие сохраняют традиционный очаг, мотивируя это сакрально-охранительными функциями открытого огня. Надо отметить, что сакрализация очага в той или иной степени присуща практически всем человеческим культурам на определенных этапах их исторического развития⁹. Возле очага напротив дверей стоит опорный столб *багана*, «который является сакральным, обязательным элементом»¹⁰ традиционного алтайского жилища. К этому столбу нежелательно прислоняться, и категорически запрещается проходить или находиться между *багана* и очагом.

Напротив двери между мужской и женской половинами находится *тёр* — почетное место, где в настоящее время, как правило, находятся предметы с имитационным назначением — заправленная постель и сундук «с приданным невесты». Как правило, настоящую кровать для молодоженов и сундук с приданным после свадьбы заносят в основной дом, а в *айыле* помещают их имитацию, по отношению к которой соблюдаются традиционные запреты (посторонним нельзя садиться на сундук).

Также хозяйственно-бытовую и сакрально-охранительную функцию у алтайцев выполняют охотничье ружье, острые ножи и топоры, а также плетка (камчи). Плетке как оберегу придается особо важное значение. Обычно она висит на стене мужской половины рядом с косяком двери. Во время свадьбы плеткой откидывают занавес *кёжэго*, за которым сидит невеста, показывая новую хозяйку духам очага. Плетку кладут в коляски и колыбели младенцев, помещают под подушки у взрослых как мощный оберег от злых духов.

Помимо предметов, выполняющих наряду с хозяйственно-бытовой и сакрально-охранительную функцию, существуют специальные предметы-обереги, имеющие только охранительные функции и призванные продемонстрировать принадлежность хозяев к своему этносу. Таким предметом можно назвать *жайык*, стоящий в доме алтай-кижи на почетном месте. По словам информатора Айаны К. из сеока чапты: «*Жайык* — это веточки можжевельника с ленточками белыми, синими, желтыми, обладающие энергетикой, силой, предназначенные оберегать живущих в доме. Изготавливают этот оберег посвященные люди, обладающие даром, силой. Они его освящают, и наделяют оберегающими свойствами. Этот оберег передается из поколения в поколение. В случае, если он сделан одному из членов семьи, то после его смерти уничтожается тоже посвященными людьми. Небрежное отношение к этому, даже неправильное уничтожение влечет за собой беды. У моих родителей он был отдельно у отца и у мамы»¹¹. Также *жайык* часто изготавливают не только из можжевельника, но и из веточек березы, к которой был привязан занавес *кёжэго*.

Другим предметом, который, помимо хозяйственной и сакрально-охранительной функции, призван показать принадлежность к народности алтай-кижи, является столб для

коновязи, как правило находящийся рядом с усадьбой. Его сакрально-охранительные функции уже забыты многими алтайцами, а хозяйственные — с появлением автомобилей утратили свою актуальность, но он по-прежнему сохраняет свое значение как этнический маркер, призванный продемонстрировать этническую принадлежность хозяев.

Также вещь, выполняющей роль этнического маркера, является шапка из лисьих лапок у каждого из супругов. Она в настоящее время не часто надевается в повседневной жизни (особенно в летнее время), но во время праздников обозначает этническую принадлежность наиболее значимых лиц. Так, на свадьбе такую шапку одевает жених и его родственники, несущие занавес *кёжжёго*. Изначально шапка из лисьих лапок была только мужским головным убором. Женщина не могла носить такую шапку, как и любую другую шапку, сшитую из шкуры зверей, имеющих когти, так как это могло, по мнению алтайцев, вызвать проблемы во время беременности и родов. Из этих же соображений женщинам нельзя было носить шапку из *кабарги* (ее женщины избегают надевать и в наши дни). Шапку из лапок кабарги не рекомендуется носить и обычным мужчинам. Ее носят в основном люди имеющие экстрасенсорные способности, те, кого алтайцы называют *неме белер кижги* — знающие люди. Шапки, сшитые из меха опасных диких зверей (рыси, барса) носят в основном уважаемые люди. Раньше их носили баи, зайсаны, шаманы. Женщинам изначально рекомендовалось носить шапку, сшитую из меха копытных животных с теплым носом (ягнята и овцы) либо из дорогой материи, чаще всего бархата или атласа¹².

Также во время праздников женщины, особенно пожилые, часто надевают *чегедек* — верхнюю одежду с разрезом сзади, который служит не только этническим маркером, но и имеет большой социальный и охранительный смысл. Издавна ношение *чегедека* было, по словам С. Б. Чальчиковой, «визуальным выделением и закреплением социального и возрастного статуса женщины»¹³. Все больше молодых девушек, выходя замуж, выбирают *чегедек* в качестве свадебного платья, отдавая дань народной традиции, согласно которой, к свадьбе для женщины шился первый *чегедек*, который символизировал ее новый социальный статус. Ранее, по данным исследователей¹⁴, *чегедек* шили только черного цвета, который

считался цветом плодородия, материнства. Но летом 2010 г. нам довелось присутствовать на свадьбе в с. Онгудай, где невеста была в белом *чегедеке*, что, несомненно, отражает реалии интеграции алтайской и европейской культур. Помимо этнического маркера и социального символа *чегедек* является также носителем сакрально благопожелательной и охранительной символики, имея отпечаток не только социально-нормативных, но и образно-знаковых реалий. Так, само шитье *чегедека* сопровождалось произнесением благопожеланий, касающихся будущей семейной жизни невесты и ее будущих детей. Приподнятые плечи *чегедека* должны символизировать в молении руки, приподнятые к небу, а также показывают, что женщина обрела свою пару, второе крыло. *Чегедек* имеет талию, расположенную на бедрах, для того чтобы поддерживать живот беременной женщины.

К *чегедеку* раньше крепились мешочки с пуповинами детей. Форма мешочка определялась полом ребенка. Для пуповины девочки шился мешочек в форме треугольника или ромба, а пуповина мальчика хранилась в мешочке в форме *тажуура* — сосуда для араки. Так что в прежние времена, взглянув на алтайку, можно было не только узнать сколько у нее детей, но и какого они пола.

Разрез на заднем подоле *чегедека* символизирует женское начало и призван показать, что теперь женщина уже не одна, а может являться носителем еще одной жизни, т. е., по словам алтайцев, она может стать *барлу* — «в ней есть кто-то еще». Сакрально-символическая суть разреза на *чегедеке* объясняет негативное отношение старшего поколения алтайцев к ношению незамужними женщинами и девушками юбок с разрезом сзади. Считается, что если надеть наряд замужних женщин раньше времени, то можно отпугнуть свое счастье.

Большинство южноалтайских имен отражают те или иные стороны природной реальности, но наряду с этим достаточно часто встречаются имена, несущие отпечаток реалий предметного мира. Широко распространены такие мужские имена как *Мылтык* (оружие) и *Малта* (топор). Женские имена, отражающие реалии предметного мира, встречаются реже и, в основном, у представительниц более старшего поколения. Как правило, это имена, связанные с предметами женского обихода и украшениями: *Какпак* (крышечка от какой-либо

посуды), *Оймок* (наперсток), *Сырга* (серьга), *Линји*, *Линжилей* (бусы), *Лустук* (кольцо), *Тана* (пуговица), *Торкочы*, *Торко* (шелк, шелковая).

Притязание на признание у южных алтайцев, как и у других представителей родовых культур, отражает, с одной стороны, тенденцию к обособлению от этнических «других», с другой — идентификацию со своим этносом. В этом смысле приобретают особое значение предметы, выступающие для представителей алтай-кижи как этнические маркеры — такие, как столб для коновязи, *айыл*, *жайык*, шапка из лисьих лапок, а также предметы, имеющие сакрально-охранительное значение, пользование которыми сопровождается соблюдением различных обычаев и табу (очаг, центральный столб в *айыле-багана*, *плетка-камчи* и т. п.)

Половая идентификация у алтай-кижи, как и в других родовых культурах, по-прежнему во многом осуществляется через разделенный труд мужчины и женщины и принятие предписанных традициями половых ролей. При этом соблюдение предписанных полу обычаев и табу, в том числе и по отношению к предметным реалиям, дает человеку возможность притязать на признание своего пола среди представителей своего народа. Примерами таких предписанных полу табу и обычаев по отношению к предметной реальности у алтайцев могут служить описанные выше правила поведения мужчин и женщин в традиционном жилище — *айыле*.

Психологическое время основано на стремлении человека мыслить себя в трех временах: индивидуальном прошлом, индивидуальном настоящем и индивидуальном будущем. Вместе с тем человек неизбежно исходит из прошлого, настоящего и будущего своего этноса¹⁵. Эта соотнесенность с прошлым, своего этноса осуществляется и через передачу из поколения в поколение и воспроизводство предметов, освященных памятью предков и народными традициями таких как столб для коновязи, традиционное жилище-*айыл*, традиционный очаг, *жайык*, шапка из лисьих лапок и т. п.

Природно-заданное пространство Горного Алтая, под влиянием которого формировалось психологическое пространство представителей алтайского этноса, в сознании алтайцев во многом носит мифологический характер и находит свое отражение в реалиях предметного мира. Так,

традиционное жилище алтайцев — шестигранный *айыл* является как бы уменьшенным образом самого Алтая, само-название которого созвучно числительным «шесть» (*алты*) и «шестьдесят» (*алтан*) который в народе часто называют «шестиугольный Алтай».

Таким образом, этническое самосознание алтайцев сензитивно к основным реалиям, выступающим как условия развития и бытия личности человека, в том числе и к реалиям предметного мира. В отношении к этим реалиям прослеживается продолжающееся родо-племенное и этническое обособление наряду с интеграцией культур. При этом этническое самосознание коренных народностей Алтая включает в себя синкретическое соединение многоуровневых идентичностей. В нем наряду с этническим обособлением просматривается тенденция к развитию личностной идентификации по модели новой идеологии общероссийской и общемировой культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Тоффлер О. Шок будущего. М., 2001. С. 7.

² См.: Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. 608 с.

³ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 52.

⁴ См.: Мухина В.С. Личность: мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). Екатеринбург, 2007. С. 48.

⁵ См.: Рерих Н.К. Алтай-Гималаи. М., 2010. 640 с.; Мачинский Д.А. «Ось мировой истории» Карла Ясперса и религиозная жизнь степной Скифии в IX — VII в. до н. э. // Боспорский феномен: материалы междунар. науч. конф. СПб., 2001. С. 101—108.

⁶ Мухина В.С. Из прошлого в настоящее: родовые традиции — изначальная основа менталитета народов мира // Развитие личности. 2009. № 4. С. 139.

⁷ См.: Геннеп А. Ван. Обряды перехода. М., 1999. С. 9.

⁸ Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. Горно-Алтайск, 2011. С. 82.

⁹ См.: Токарев С.А. Символика огня в истории культуры // ЭО. 1999. № 5. С. 24—35.

¹⁰ Клешев В.А. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня. С. 84.

¹¹ Исследования автора за 2011 г.

¹² См.: Чальчикова С.Б. Загадки национальной одежды ойрот-алтайцев // Загадки национальной одежды алтайцев. Горно-Алтайск, 2010. С. 19.

¹³ Там же. С. 22.

- ¹⁴ См.: Тохтонова М.М. Традиционная женская одежда алтайцев // Загадки национальной одежды алтайцев. Горно-Алтайск, 2010. С. 5—10.
- ¹⁵ См.: Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность. С. 708.

Поступила 21.01.2014.

REFERENCES

- ¹ Sm.: Toffler O. Shok budushhego. M., 2001. S. 7.
- ² Sm.: Levi-Brjul' L. Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii. M., 1994. 608 s.
- ³ Djubi Zh. Razvitie istoricheskikh issledovanij vo Francii posle 1950 g. // Odissej. Chelovek v istorii. M., 1991. S. 52.
- ⁴ Sm.: Muhina V.S. Lichnost': mify i real'nost' (Al'ternativnyj vzgljad. Sistemnyj podhod. Innovacionnye aspekty). Ekaterinburg, 2007. S. 48.
- ⁵ Sm.: Rerih N.K. Altaj-Gimalai. M., 2010. 640 s.; Machinskij D.A. «Os' mirovoj istorii» Karla Jaspersa i religioznaja zhizn' stepnoj Skifii v IX — VII v. do n. je. // Bosporskij fenomen: materialy mezhdunar. nauch. konf. SPb., 2001. S. 101—108.
- ⁶ Muhina V.S. Iz proshlogo v nastojashhee: rodovye tradicii — iznachal'naja osnova mentaliteta narodov mira // Razvitie lichnosti. 2009. № 4. S. 139.
- ⁷ Sm.: Gennep A. Van. Obrjady perehoda. M., 1999. S. 9.
- ⁸ Kleshev V.A. Narodnaja religija altajcev: vchera, segodnja. Gorno-Altajsk, 2011. S. 82.
- ⁹ Sm.: Tokarev S.A. Simvolika ognja v istorii kul'tury // JeO. 1999. № 5. S. 24—35.
- ¹⁰ Kleshev V.A. Narodnaja religija altajcev: vchera, segodnja. S. 84.
- ¹¹ Issledovanija avtora za 2011 g.
- ¹² Sm.: Chal'chikova S.B. Zagadki nacional'noj odezhdy ojrot-altajcev // Zagadki nacional'noj odezhdy altajcev. Gorno-Altajsk, 2010. S. 19.
- ¹³ Tam zhe. S. 22.
- ¹⁴ Sm.: Tohtonova M.M. Tradicionnaja zhenskaja odezhda altajcev // Zagadki nacional'noj odezhdy altajcev. Gorno-Altajsk, 2010. S. 5—10.
- ¹⁵ Sm.: Muhina V.S. Lichnost': Mify i Real'nost'. S. 708.

Zh. V. Kuznetsova. Ethnic Identity and Mentality of the Southern Altai People in the Context of Realities of the Objective World

The paper concerns the peculiarities of mentality of the people of Altai-Kizhi — the predominant ethnic group of the Republic of Altai, hitherto preserving ancestral traditions including the attitude towards the materialized reality of the objective world. Features common to most tribal cultures and those of this unique ethnic group are described.

Particular attention is paid to subjects that have not only economic, but also sacred significance and represent material embodiment of the image-

bearing and symbolic realities. These items in addition to economic and domestic functions as well as to sacral and protective ones, often, are markers of ethnic identity and accompany a person's life at different stages (birth, marriage, death) and in the process of transition from one state to another.

The analysis of the subjective and sacral component of the Altai-Kizhi dwellings is given demonstrating obvious contradictions between the tendencies towards tribal isolation and realities of cultural integration. Attention is paid to sacral and protective functions of such household items as a hunting rifle, sharp knives and axes, whips as well as to the sacral and symbolic, social and normative components of the Altai-Kizhi ethnic costume. Reflection of the objective reality in various parts of the structure of self-consciousness of the Altai people as representatives of tribal cultures is also considered.

Thus, ethnic self-consciousness of the Altai people includes syncretic connection of multilevel identities. Along with the ethnic isolation, it has a tendency toward development of personal identification according to the model of the new ideology — that of the all-Russia's and the global cultures.

KUZNETSOVA Zhanna Viktorovna, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Moscow State Academy of Physical Education.

Н. М. ИНЮШКИН

Л. Н. МЕШКОВА

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА¹

Ключевые слова: межкультурный диалог, этнокультурное влияние, мировоззрение, М. Ю. Лермонтов

Key words: cross-cultural dialogue, ethno-cultural influence, world outlook, M. Yu. Lermontov

В статье рассматривается творчество М. Ю. Лермонтова, его нравственно-мировоззренческая парадигма как отражение межкультурного диалога, «участниками» которого являются этнонациональные традиции русской культуры, европейская культура и культура Востока.

The paper considers M. Yu. Lermontov's works, his moral and philosophical paradigm as a reflection of cross-cultural dialogue, whose «participants» are the ethno-national traditions of the Russian culture, the European culture and the culture of the East.

200-летие со дня рождения М. Ю. Лермонтова является не только славной исторической датой, но и поводом задуматься о том, насколько значительны для россиян XXI в. творческое наследие и личность великого поэта, прозаика,

ИНЮШКИН Николай Михайлович, заведующий кафедрой изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

МЕШКОВА Людмила Николаевна, доцент кафедры изобразительного искусства и культурологии Пензенского государственного университета, кандидат философских наук.

драматурга. Не претендуя на всеохватность этой темы, осуществим попытку обратить внимание на одну весьма актуальную для нашего времени грань — процесс межкультурного диалога, отраженный в повседневной жизни поэта, его духовных и эстетических исканиях, и формировании своеобразной нравственно-мировоззренческой парадигмы и произведениях.

Даже конспективное рассмотрение факторов, способствовавших творческому восприятию и освоению Лермонтовым этнонационального богатства культурной среды его эпохи, имеет не только познавательный, но и важный воспитательный смысл для современного российского общества. Объективно и субъективно первым таким фактором являются природные характеристики, особенности бытийной среды, окружавшей Лермонтова, да и любого человека с раннего детства. Это эффект, онтогенетически, лично сознательно или бессознательно испытывается каждым. Назовем его культурным импринтингом, имея в виду особую очень раннюю, но глубоко воздействующую, остающуюся весьма надолго, реакцию запечатления: «И долго-долго ум хранит первоначальны впечатления». Запечатленное во многом остается масштабом, мерилом, архитектурическим зовом к родному исконному, своему.

Пожалуй, самое яркое подтверждение этому — лермонтовское стихотворение «1-е января». Поэт уже видел московский «Кремль в час утра золотой», уже полюбил «Цепи синих гор Кавказа», уже жил в столичном Петербурге, «Пестрою толпою окружен», уже очами Демона взирал на «Хоры стройные светил». Но «В минуту жизни трудную», «вольной птицей», все же летит он памятью своей к первозапечатленному тарханскому пространству:

«И вижу я себя ребенком; и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;
Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листья
Шумят под робкими шагами»².

И как развитие впечатлений и оценок среды, с детства поэта окружавшей, пензенскими краями неведанное, и сознательно подчеркнутое Лермонтовым, не всем свойственное умение увидеть и эстетически воспринять объекты неяркого внешнего пространства.

«С отрадой многим незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно...»³.

Но в мир первоначальных впечатлений, по жизни переосмыслявшихся поэтом, тоже в детские годы вошло не только типично для русских природное, бытийное пространство. Пожалуй, почти импринтинговый характер имеют кавказские впечатления, являющиеся одними из первых побудителей поликультурного восприятия мира во всем его богатстве. Именно такой объединительный смысл заключен в строке раннего стихотворения Лермонтова «Кавказ»:

«Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ»⁴.

И, если вдуматься, то по сути развитием поэтического воплощения позитивного восприятия богатства природного мира Отчизны как многообразного единства является и стихотворение «Мой дом» (1820—1831):

«Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен.
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен»⁵.

Две первые строки приведенного четверостишия дают возможность перейти от существующего помимо воли человеческой единого небесного свода, к роли именно человеком создаваемого — звукам песен, слову, тому «в чем есть искра жизни». Именно эти культурой и культурами творимые феномены, артефакты среды, формировавшие духовный мир Лермонтова с детства, являют собой важный фактор поликультурного этнонационального диалога в повседневности бытия, сознании и творчества.

Мысли и чувства, облеченные в слова, для Мишеля, чьи первые годы прошли в российской глубинке, образ жизни дворянской семьи давал возможность восприятия многооб-

разия форм такого облечения. Конечно, это было связано с попытками сознательного, рафинированного, исключаящего низкого неевропеизированного влияния, этнически характерной среды на детей-дворян.

Бабушка Лермонтова, Е. А. Арсеньева, очень старавшаяся сделать для внука все как можно лучше, не в полной мере, а в кое-чем пыталась идти подобным путем. Однако, зная она о записи, сделанной пятнадцатилетним Мишелем в своем дневнике, вряд ли бы стала приглашать ему мамушкой иноземку: «Как жалко, что у меня была мамушкой немка, а не русская — я не слышал сказок народных; — в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности»⁶.

Понимая неправомерность причисления произведений поэта к сфере провинциальной культуры, подчеркнем, что питающими творческую фантазию источниками были в значительной степени впечатления, рожденные естественными, незамечаемыми воздействиями этнобытия, его ценностями и обычаями. Виденное не раз в Тарханах крестьянское отношение к хлебу, при котором, скажем, наступить ногой на малый его кусочек считалось кощунством, когда крошки со стола сметали в ладонь и отправляли в рот, казалось бы, для дворянского небедного подростка не очень понятно и близко. Однако юный поэт, не чуждый модных романтических образов и оборотов, в стихотворении «Пир», где есть упоминание о музах, грациях, Фебе, заканчивает приглашение любезному другу неожиданной строкой: «А снесь — кусок прекрасный хлеба».

В художественные картины поэм и стихотворений, имеющих мировую культурную ценность, будто этюды, запечатленные в памяти с тарханской поры, проходят образы, которые имеют конкретное этническое происхождение.

Семика — древний языческий праздник, совпадающий с христианской Троицей, церковью не признававшийся, но сохранившийся веками в народном быту тарханцев, сопровождался красивыми обрядами. П. А. Фролов в своей книге «Лермонтовские Тарханы» очень подробно, опираясь на исторические факты и личные, многолетние наблюдения, описывает его детали и устойчивое бытование. Мы же видим лишь то, как в лермонтовских стихотворных строках преломляется когда-то увиденное на земле детства.

В «Кавказском пленнике», раннем романтическом произведении 1828 г., читаем:

«И к волосам своим густым
Цветы весенние влетали;
Гляделися в зеркало вод,
И лица их в нем трепетали»⁷.

Так это же отзвук обязательного на Семик гадания, когда каждая девица, подойдя поближе к воде, снимала с головы венки, шептала над ним заветное желание и опускала его в пруд. От того, как поведет себя венок, зависит судьба девушки. Хорошо, если долго на воде продержится да от берега не отойдет далеко, тогда долга будет и счастливая жизнь с любимым. А если далеко унесет — отдадут за постылого и счастья не видать.

Первый приведенный пример взят из раннего произведения, но вот строки одного из последних лермонтовских творений — стихотворения «Сон»:

«И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне»⁸.

Это снова далекое эхо летних Тархан на Троицу, когда на венках уже не гадали, но праздничная толпа девушек и парней, к которым присоединялись и молодые женщины, «увенчанные цветами», водили хороводы и не спеша проходили по улицам села.

«Достаточно в старинном селе Лермонтово послушать старинные песни, особенно когда они излагаются „сказкой“, а не поются „на голос“, — отмечал А. С. Андреев-Кривич, автор книги «Тарханская пора», — чтобы понять, откуда лермонтовский „калашниковский“ язык и стих: прямо от народа, от хранимого из веков народного стиха, от сохраненного песнью старинного языка»⁹. Этническое, фольклорное наследие, питавшее творчество великого поэта, обретает новое качество на тарханской земле в начале XXI в.

Однако еще раз отметим, что несомненность влияния русского слова во всех формах его бытия не противоречила сознанию и интересам растущего Мишеля к европейским языкам. Известно, что уже тарханские воспитатели будуще-

го поэта, немка Х. О. Ремер и француз Ж. Капе, научили его свободному владению своими родными языками, открыв путь к знакомству с культурным богатством этих народов.

Процесс приобщения подростка Мишеля к европейской культуре активизировался после переезда вместе с Е. А. Арсеньевой в Москву в конце лета 1827 г. Не вдаваясь в детали домашнего обучения в первопрестольной, учебы в университетском благородном пансионе и самом университете, отметим главное для наших суждений о роли культурного диалога в жизни и творчестве Лермонтова. Подойдем к обозначению нового по качеству этапа освоения, творческого переосмысления и перевоплощения многогранного европейского культуротворчества, оттолкнувшись от нескольких слов воспоминаний друга Лермонтова А. П. Шан-Гирея: «Мишель начал учиться английскому языку по Байрону и через несколько месяцев стал свободно понимать его; читал Мура и поэтические произведения Вальтер Скотта»¹⁰.

Это был 1829 г., когда гения английского романтизма читал, воспринимал, переживал будущий гений русской литературы, уже начавший писать собственные стихи. Первые дошедшие до нас лермонтовские поэтические строки 1828 г. свидетельствуют о творческом интересе и знании того, что становилось важными интеллектуально-эстетическими компонентами сознания Мишеля. Это «Заблуждение Купидона», «Цевница», «Когда Рафаэль вдохновенный».

Первым иностранным автором, к которому Лермонтов обратился именно в то время в поисках родственных мыслей и сюжетов, был немецкий поэт и драматург Ф. Шиллер. И заметим, что уже тогда начала реализовываться принципиально характерная для диалогического культурного процесса черта лермонтовской творческой личности. Это феномен поэтического переосмысления тех произведений европейских авторов, когда, с одной стороны, сохраняется, подчас усиливается дух оригинала в переводах и переделках русского поэта, а с другой — становится поводом для его собственного творчества. Ф. Шиллер является, пожалуй, именно той многогранной личностью, чьи теоретические взгляды на искусство, мотивы произведений, питали не только разножанровые поэтические создания Лермонтова (лирика, баллада, эпиграммы), но и ранние драматургические работы. И все это не случайно: Шиллер для юного

русского поэта — выразитель идей свободы, тираноборец, борец за права и достоинства личности.

Любопытно, что английскому языку юный поэт начал учиться по Байрону. В развитии творческой личности Лермонтова великий романтик сравним только с влиянием Пушкина, который и сам был не чужд байронизму. При всем многообразии переводов и подражаний, заимствовании сюжетных и стилистических мотивов, личностную значимость для диалога русского поэта с английским гением имело наличие в духе его произведений ненависти к политическому и национальному гнету, противопоставление природы и естественных чувств обществу, разочарованности в людях и сосредоточенности в себе.

Однако, понимая искренность желания равняться на бескомпромиссного романтика («...И Байрона достигнуть я б хотел»), выделим фактор весьма важный для понимания специфики лермонтовского диалога с европейскими культурами. Несомненная творческая важность этого процесса для формирования и развития великого россиянина не исключает сохранение духовной и поэтической самостоятельности.

«Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русской душой»¹¹.

Не вдаваясь в текстологическое рассмотрение развития этого принципиально важного поэтически выраженного тезиса, отметим, что многочисленные словесные, тематические, духовно-романтические заимствования Лермонтова могут быть осмыслены лишь в контексте всей эволюции его творчества, меняющейся роли европейского романтизма в развитии русской культуры. Поэтому, никоим образом не отрицая продуктивности диалогических связей, в частности, с великим Байроном, можно утверждать, что зрелая лермонтовская лирика и проза освобождаются от байронических штампов во имя народности, психологической и социальной конкретности российского бытия.

В этот важный период своей жизни Лермонтов, с детства свободно владевший французским языком, знавший французскую литературу и перекликавшийся с ее идеями и мотивами в творчестве, осознанно отстаивает стремление к

независимости русской культуры. «Мы должны жить своею самостоятельную жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое, — говорил он А. А. Краевскому. — Зачем нам все тянуться за Европою и за французским»¹². В Европе поэт никогда не был, ни с кем из интересных ему деятелей западной культуры знаком не был и диалог, воплощенный в слове, так сказать, слышен только читателям великого русского поэта, прозаика, драматурга.

Восток, чье материальное и духовное многообразие отражено в бытии Кавказа, был частью лермонтовского бытия. Нами уже отмечалось, что этот любимый поэтом с детства край является одним из его первоначальных впечатлений. «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе»¹³.

Эмоциональность в этом произведении 1832 г. доминирует. Если же продолжить приводившиеся выше фрагмент воспоминания А.А. Краевского о беседе с Лермонтовым, то там есть слова, во многом знаменательные для понимания межкультурного диалога именно как процесса развивающегося и обогащающегося разносторонними аспектами. «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, <...> там на Востоке тайник богатых откровений»¹⁴.

Конечно, проникновение в этот тайник не было процессом специфически исследовательским. Познание азиатского мирозерцания, обогащение ориенталистской эрудиции поэта проходили в контексте практического, так сказать, «по жизни» познания и переживания многообразных проявлений культуры этого края, воплощенных в повседневности, в народном искусстве.

Баллады и «южные поэмы» свидетельствуют не только о знании современного Лермонтову быта Грузии, Дагестана, Чечни, Кабарды, но и знакомстве с песенной стороной «сурового края свободы». Близкое знакомство с богатым фольклором кавказских народов, непосредственно изученным в скитаниях по огромному региону, подтверждают легенды Дарьяльского ущелья и черкесские песни его героев.

В поэтические зарисовки бытового жанра, присутствующие во многих стихотворениях на кавказскую тему, в прозу, нередко вплетаются и разнородные психологические, ментальные характеристики горных племен: их гордость, неустранимость, верность долгу, любовь к свободе, художественная одаренность, воплощаемая на фоне чудесной природы. Однако, например, в «Бэле» обозначены черты, не вызывающие положительной оценки. Но тема Кавказа, Востока вообще, присутствующая практически на всех этапах жизни Лермонтова, важна для наших наблюдений за этнокультурным диалогом не только как факт мастерского воплощения сущности национальных культур. По сути «схема» восприятия, осмысления, переосмысления культур Востока — не забудем, что для Лермонтова они означали и классическую древность не только Кавказа, — во многом схожа с процессом познания европейского культурного пространства.

Констатируя это, мы имеем возможность перейти к методологически важному, отражающему мировоззренческую динамику лермонтовского понимания многообразия культур, моменту. Через отмеченную «схему» идет осмысление гением России русской ментальности, рождаемой положением равноудаленности от Запада и Востока. Размышляя об этом, Лермонтов диалектичен. Тема одиночества, ярко выраженная в «Выхожу один я на дорогу» — это, думается, не только передача личностных ощущений, это и понимание того, что, будучи альтернативой разобщенному миру Запада и Востока, срединное положение России предопределяет ее одиночество. Однако в произведениях зрелого Лермонтова, не ставшего ни на западнические, ни на ориенталистские позиции, порой жестко оценивавшего Отечество, любимого «странной любовью», присутствует мысль о важности не противопоставлять, разделять, а соединять, сопоставлять полярности, об исторической важности евразийского диалога.

Мудрый «Герой нашего времени» показывает не только противоречия, но и перспективность совмещения культурных моделей. Коренная черта самобытной открытости русской культуры в способности перенимать, совмещать на благо собственной оригинальности. Жизнь и творческое наследие Лермонтова, чей «гений веки пролетит», являют собой урок важности понимания в современном бытии российского обще-

ства и отечественной культуры этнокультурного диалога, его продуктивного развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-13-58000а «Диалог этнических культур в провинциальном пространстве. История и современность (на материалах Пензенского края)».

² Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961—1962. Т. 1. С. 466—467.

³ Там же. С. 509.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 300.

⁶ Там же. Т. 4. С. 528.

⁷ Там же. Т. 2. С. 19.

⁸ Там же. Т. 1. С. 530.

⁹ Андреев-Краевич С.А. Тарханская пора. [Жизнь и деятельность М.Ю. Лермонтова в Тарханах]. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1976. С. 203—204.

¹⁰ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1964. С. 37.

¹¹ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 361.

¹² М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 245.

¹³ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. С. 353.

¹⁴ М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. С. 245.

Поступила 28.11.2013.

REFERENCES

¹ Stat'ja podgotovlena pri finansovoj podderzhke RGNF v ramkah nauchno-issledovatel'skogo proekta № 12-13-58000a «Dialog jetnicheskikh kul'tur v provincial'nom prostranstve. Istorija i sovremennost' (na materialah Penzenskogo kraja)».

² Lermontov M.Ju. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961—1962. T. 1. S. 466—467.

³ Tam zhe. S. 509.

⁴ Tam zhe. S. 75.

⁵ Tam zhe. S. 300.

⁶ Tam zhe. T. 4. S. 528.

⁷ Tam zhe. T. 2. S. 19.

⁸ Tam zhe. T. 1. S. 530.

⁹ Andreev-Kraevich S.A. Tarhanskaja pora. [Zhizn' i dejatel'nost' M.Ju. Lermontova v Tarhanah]. Saratov: Privolzh. kn. izd-vo, 1976. S. 203—204.

¹⁰ M.Ju. Lermontov v vospominanijah sovremennikov. M.: Hud. lit., 1964. S. 37.

¹¹ Lermontov M.Ju. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. T. 1. S. 361.

¹² M.Ju. Lermontov v vospominaniyah sovremennikov. S. 245.

¹³ Lermontov M.Ju. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. T. 1. S. 353.

¹⁴ M.Ju. Lermontov v vospominaniyah sovremennikov. S. 245.

**N. M. Inyushkin, L. N. Meshkova. Cultural Dialogue
in M. Lermontov's Life and Works**

The paper considers Mikhail Lermontov's works as a reflection of cross-cultural dialogue and ethno-cultural richness of the cultural environment of his era. One of the factors feeding the creative imagination of the poet were the impressions of the village of Tarkhany environment surrounding him since childhood. Undeniable influence of the Russian culture does not exclude influence of the European culture. I was already in the early period of the poet's works, that Lermontov's feature fundamentally characteristic for dialogic cultural process started to manifest itself. This is a phenomenon of poetic rethinking of works by European authors preserving the spirit of the original in translations by the Russian poet becoming grounds for his own creativity. We can therefore say that mature Lermontov's lyric poetry and prose are exempt from Byronic clichés in the name of folk origins, psychological and social specificity of Russia's life.

Enrichment of the poet's Orientalist erudition occurred in the context of practical knowledge of diverse manifestations of the Caucasus culture. The «scheme» of perception of Eastern cultures is, in many ways, similar to the process of knowledge of the European cultural space. It is through this scheme that the poet dialectically understands the Russian mentality, created by the position of being equidistant from the East and the West. There is an idea of historical importance of the Eurasian dialogue in mature works by Lermontov, a poet who preferred neither Western, nor Orientalist grounds, who sometimes strictly appraised his Fatherland. Life and creative legacy of Lermontov are a lesson in understanding the necessity of Russian culture in modern objective reality as well as of ethno-cultural dialogue and its efficient development.

INYUSHKIN Nikolai Mikhailovich, Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor, Head of the Department of Fine Arts and Culturology, Penza State University.

MESHKOVA Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Fine Arts and Culturology, Penza State University.

**М. И. ВЕЧКАНОВА ЯВЛЕНИЕ ТРАНСГРЕССИИ
КАК КУЛЬТУРНЫЙ СЕГМЕНТ
РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА
Дж. К. ОУТС)**

Ключевые слова: трансгрессия, преступление границ, региональный универсум

Key words: transgression, exceeding boundaries, regional universum

В статье проводится исследование явления трансгрессии в региональном социуме на материале творчества Дж. К. Оутс, рассматривается и анализируется поведение главных героев в пограничных состояниях при возникновении срединного мира.

The paper represents the study of the phenomenon of transgression in a regional socium, the case study of works by Joyce Carol Oates; behavior of the main characters in the borderline conditions in emergence of the middle world is considered and analyzed.

Американская действительность обладает уникальной чертой — отсутствием единого регионального центра, культурного универсума. Эта особенность связана с региональным характером американской цивилизации, а также региональными особенностями формирования культурного пространства США.

Одна из крупнейших американских писательниц второй половины XX в., авторитетный критик и теоретик литературы, обладательница большинства литературных премий США, Джойс Кэрол Оутс (р. 1938) является одной из наиболее влиятельных фигур в современном литературном и культурном мире. Она исследует окружающую действительность в региональном социуме для того, чтобы постичь причины происходивших в конце XX в. событий, а сумрачные мистические сферы, воссоздаваемые на страницах ее произведений, позволяют читателям прикоснуться к тем проявлениям повседневной жизни, которые в реальности остаются за гранью восприятия и понимания.

ВЕЧКАНОВА Марина Ильинична, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института Российского университета кооперации, кандидат филологических наук.

Более того, в своем творчестве Дж. К. Оутс стремится построить региональный универсум, подчиненный закону органической нерасторжимости всех его компонентов и выявляющий множество не замечаемых поверхностным взглядом, однако, на деле прочнейших связующих нитей между его обитателями. Ярким доказательством тому служит сборник ее рассказов «Утратившие веру: рассказы о тех, кто преступил границы» («Faithless: tales of transgression», 2001), в которых находит художественное выражение ощущение «конца века», связанное с апокалипсическими и упадническими настроениями, которое невозможно ограничить лишь региональными и даже национальными рамками. Писательница откликнулась на насущные проблемы отчуждения индивида от общества, хаотичности и разорванности его сознания, кризиса личностного самоопределения на рубеже столетий.

При определении термина «транссессии» необходимо обратить внимание на то, что это понятие неоднозначно, не имеет жестко определенного значения и используется по-разному, в зависимости от контекста, функций и задач высказывания. Так, по мнению участников Лозаннского семинара, транссессия — это «особый модус скандального действия по отношению к установленным и общепринятым правилам, неожиданный выход некоего объекта или процесса за пределы, заданные ему “по правилам”»¹. Заимствованное из латыни слово «транссессия» полностью совпадает по структуре и частично по смыслу со славянским словом «преступление».

Согласно теории Ж. Батая «транссессия» тесно связана с понятиями «табу» и «траты». Исходя из вопроса о соотношении сакрального и эротического, под действием «направленного на расход энергии и сопряженного с поисками “суверенной свободы”, которые сопровождаются стремлением к наибольшей интенсивности жизни и порывом человека, существа ограниченного, к безграничному, т. е. к сакральному»², Ж. Батай воспринимает эротику, которая роднится с жертвенными актами. Более того, интенсивность жизни ощущается в состоянии переполненности, которая не вмещается в пределы, начертанные запретом. В свою очередь пределы выявляются посредством выхода из них. Таким образом, транссессия — это испытание предела на его прочность, его нарушение, вслед за которым следует наказание.

Однако М. Фуко по иному трактует понятие «транссессии» в учении Ж. Батая. Он доказывает, что транссессия — это «жест, который обращен на предел, та черта, которую она пересекает, образует все ее пространство»³. Целью движения транссессии не является пересечение границы, поскольку на той стороне оно оказалось бы в другом, но тоже сдавленном границами пространстве. Следовательно, транссессия реализуется в зоне регионального предела, она не отрицает утвержденных нормы и не устанавливает новые. «Не существует предела, — утверждает М. Фуко, — через который абсолютно невозможно переступить; с другой стороны, тщетной будет всякая транссессия иллюзорного или призрачного предела. Да существует ли доподлинно предел во вне этого жеста, который блистательно преодолевает и отрицает его? Что станет с ним после, и чем он мог быть до этого? И не исчерпывает ли транссессия все свое бытие в тот миг, когда переступает через этот предел, не ведая другого существования, кроме этого мгновения? Этот миг как бы восславляет все то, что исключает; предел распадается неистово на беспредельное, вдруг захватывается всем тем, что он отбрасывал, и достигает вершины своего бытия в этой странной исполненности, захватывающей его до самого сердца»⁴.

Обращая внимание на справедливость всех трактовок понятия «транссессии», Дж. К. Оутс в своих произведениях доказывает, что, принимая различные формы, преодоление пределов разрабатывается при помощи транссессии — «выхождения» привычной жизни из своих границ (региональных, социальных, моральных, нравственных и т. д.), отклонение от правил поведения людей, с непременным акцентом на душевной жизни индивида, испытанием внутренних возможностей человека через гротескную внутреннюю конфликтность личности и нарушение границ психической нормы. В описываемых пограничных ситуациях, в которые попадают главные герои произведений малой прозы Дж. К. Оутс, ярко сочетается драма и философия современного мира.

Остановимся более подробно на анализе рассказа «Au Sable». Из телефонного звонка Митчелл, один из главных героев, от лица которого ведется повествование, узнает, что родители его жены Отто и Тереза приняли решение переехать в заброшенный дом, «оторванный от цивилизации,

расположенный среди гор»⁵ и переходящий от поколения к поколению, который становится символическим региональным универсумом. Устав от повседневной суеты, практически утратившие чувство реальности жизни на земле, старики надеются обрести покой в столь призрачном месте, устремляются от реальности к мечте. «Мы все находимся в мире снов и иллюзий. Но после восьмидесяти нам приходится контролировать направления, в которые они нас уводят»⁶. Можно предположить, что особенное понимание неразрывной связи жизни и смерти рождает особое ощущение в душах главных героев — они не боятся смерти и осознают себя единственными реальными вершителями собственной судьбы — «мы приняли решение, и никто не сможет нас остановить»⁷.

Дом в рассказе Дж. К. Оутс «Au Sable» становится местом столкновения двух миров — человеческого и ирреального, сочетанием признаков живого и мертвого. Продолжая жить на земле, старики оказываются вычеркнутыми из жизни. Горы, лес, река, находящиеся возле дома, подчеркивают переходный характер этого места. Природа противопоставляется культурному пространству цивилизации, как и мир смерти — миру жизни и людей.

Нельзя не заметить, что Дж. К. Оутс неслучайно открывает сборник «Утратившие веру: рассказы о тех, кто преступил границы» рассказом «Au Sable», поскольку главные герои оказались потерянными, лишенными веры в будущее, так или иначе умершими для современной жизни. Безысходность способствует принятию мер по отношению к нарушению установленных и общепринятых правил. Их стремление к выходу из сдавленного границами регионального пространства, характерное не только для пожилых людей, но и для молодого поколения, задает общую интонацию рассказам этого сборника.

В то же время очевидно, что Дж. К. Оутс интересуется не только проблема вины и кары за попытку преодоления региональных границ. Писательница затрагивает и более глубокие философские вопросы: проблему нравственности, постоянного выбора, с которым человеку приходится сталкиваться в течение жизни, компромисс с собственной совестью.

Таким образом, можно убедиться в том, что в своем творчестве Дж. К. Оутс показывает героев в региональном

социуме в таких необычайных душевных состояниях и ситуациях, в которых возникает срединный мир, располагающийся между реальным и нереальным. Подобные состояния сознания так же ведут к раздвоению личности, допускают перешагивание границ, непреложных для обычных людей, нарушение общепринятого, обычного хода событий, устоявшихся норм поведения и морали. Однако, порыв за пределы установленных судьбой границ приводит к гибели героя, что в очередной раз говорит о фатальной невозможности преодоления поставленных человеку рамок и определяет специфику художественного метода Дж. К. Оутс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семиотика Скандала / под ред. Н. Букс. М.: Рус. ин-т: Европа; Париж: Сорбонна, 2008. С. 56.

² Там же. С. 58.

³ Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 117.

⁴ Там же.

⁵ См.: Oates J.C. Faithless: tales of transgression. N. Y.: HarperCollins Publishers Inc., 2002. 386 p.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 8.

Поступила 29.10.2013.

REFERENCES

¹ Semiotika Skandala / pod red. N. Buks. M.: Rus. in-t: Evropa; Parizh: Sorbonna, 2008. S. 56.

² Tam zhe. S. 58.

³ Fuko M. O transgressii // Tanatografija jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' serediny XX veka. SPb.: Mifril, 1994. S. 117.

⁴ Tam zhe.

⁵ Sm.: Oates J.C. Faithless: tales of transgression. N. Y.: HarperCollins Publishers Inc., 2002. 386 p.

⁶ Tam zhe. S. 6.

⁷ Tam zhe. S. 8.

M. I. Vechkanova. Phenomenon of Transgression as a Cultural Segment of a Regional Socium (Case Study of Works by J. C. Oates)

The object of the research paper is formation of the US cultural space in the early 21st century as well as the concept of «transgression» in a

regional socium. In shaping the US cultural space, works by one of the greatest modern American writers, an authoritative literary critic and a theoretician of literature and culture — Joyce Carol Oates are extremely important.

The paper presents definitions, theories and perspectives on the concept of «transgression» by different thinkers and philosophers. Taking into account fairness of all the interpretations, the author argues that overcoming the limits is carried out by means of transgression, that is exceeding bounds of habitual life, deviation from the rules of conduct, necessarily with the emphasis on spiritual life of an individual, testing internal capabilities of a person through a grotesque inner conflict nature of human personality and violating the borders of the mental norm. Moreover, the protagonists of stories by Joyce Carol Oates find themselves lost, devoid of faith in the future, anyway, dead for the modern living. Hopelessness promotes adoption of measures concerning the breach of established and generally accepted rules. Their desire to leave the space compressed by the boundaries sets the overall tone of the works by Joyce Carol Oates. At the same time, the writer is interested not only in the problem of guilt and punishment for trying to overcome the regional boundaries, she touches upon even higher philosophical issues: the problem of morality, permanent choice that a person has to face throughout life.

VECHKANOVA Marina Ilyinichna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of the Humanities, Saransk Cooperative Institute Branch of Russian University of Cooperation.

О. В. РАДЗЕЦКАЯ

ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА МОРДОВСКОГО КОМПОЗИТОРА Н. В. КОШЕЛЕВОЙ

Ключевые слова: Н. В. Кошелева, музыка, этнический, женский образ

Key words: N. V. Kosheleva, music, ethnic, female image

Анализируются истоки творческой индивидуальности Н. В. Кошелевой, во многом связанные с древними представлениями мордовского народа о женском начале, как одной из главных основ его этнического мышления и сознания. Это позволило создать композитору галерею ярких женских образов в произведениях различных жанров и стилей.

Origins of the creative individuality of N. V. Kosheleva are analyzed in this paper; they are largely tied to ancient ideas of the Mordva people about female nature as one of the main pillars of their ethnic thinking and consciousness. This allowed the composer to create a gallery of bright female images in the works of various genres and styles.

Музыкальная культура Мордовии неразрывно связана с именем композитора Нины Васильевны Кошелевой (род. 1952 г.). Искренность, особая человеческая теплота и мелодическая яркость ее музыки создают атмосферу духовной чистоты и художественной правды. В произведениях Н. В. Кошелевой оживает самобытный и красочный мир, созданный многовековой историей мордовского народа. В нем звучит таинство древних мифов, легенд и сказок, героика и патриотизм, философская мудрость, острота и публицистика современности, верность народным истокам и основам академической школы, точно выбранная эмоциональная и чувственная нота. «В музыке Кошелевой слушатель всегда ощущает особый фонизм мордовского фольклора, «просвечивающий» в самых традиционных европейских жанрах — оратории, квартете, фуге»¹.

РАДЗЕЦКАЯ Ольга Владимировна, доцент кафедры камерного ансамбля Государственной классической академии имени Маймонида, кандидат культурологии (г. Москва).

Этническая красота творчества Н. В. Кошелевой складывается из ее большой любви к народным традициям, с которыми композитор была знакома с детства, из первых впечатлений об окружающем мире, связанных с с. Вертелим Старо-Шайговского района Республики Мордовия. Атмосфера мокшанских песен, бережно сохраняемые обряды, красота народного костюма, его изысканная простота — все это стало источником замысла многих произведений.

Творческое мировоззрение композитора во многом связано с женским архетипом в пространстве Волго-Уральской цивилизации. В. С. Операй в этой связи указывает на то, что «во все времена у всех народов женщина соблюдала и обеспечивала преемственность этнокультурных, нравственных и религиозных устоев»².

В мифологическом сознании мордвы божественная сущность женщины сосредоточена на ее материнстве, сохранении домашнего очага, оберегающем и покровительствующем отношении к близкому. Женские лики мордовской мифологии — это, прежде всего, Мать Земля и все, что связано с ней. «Мордва почитала Землю как божество, олицетворяло ее и приписывало ей человеческие черты и свойства. В песнях и заговорах дается антропоморфный образ Хозяйки Земли — Матор авы... Зафиксированы указания на существование у нее дома, хозяйства и детей»³.

В музыке Н. В. Кошелевой мифологические мотивы часто связаны со сказочным миром, являющимся частью ее собственного представления о его художественной природе. Это находит свое отражение в музыкальных сказках «Серебряное озеро», «Козни Ведявы», «Кудатя», «Мордовская легенда».

В сборнике детских пьес «Лесная сказка», где были сделаны переложения для фортепиано из различных спектаклей, в том числе из «Серебряного озера», «Куйгорожа», «Кудати» и др., есть номера, относящиеся к женским сказочным образам. Это «Хор колдуний», «Пляска колдуний», «Кувшинки». И. А. Галкина пишет: «"Лесной" сказка называется не только потому, что ее герои звери и растения. По древним поверьям мордвы, все, что окружало людей — деревья, река, лес, небо — было живое и имело своих волшебных покровителей... Вот в музыкальных пьесах Нины Кошелевой кувшинки, оказывается, совсем даже не цветы, а заколдованные девушки»⁴.

Значительным потенциалом для определения эстетической сущности творчества Н. В. Кошелевой обладает фольклорная и профессиональная поэтическая традиция. В ней образ мордовской женщины становятся лирическим и духовным центром этнической истории, связующей нитью между архаикой и современностью.

В устно-поэтическом творчестве древней мордвы особое отношение к женщине, заключается в большом количестве словиц и поговорок, в которых она является символом всего лучшего и значительного, что присутствовало в жизни и быту народов мокши и эрзи: «Без хозяйки (жены) дом — пустой дом», «Семью женщина-мать радует», «Материнское сердце лучше солнца греет».

В творчестве современных мордовских поэтов и писателей женские образы занимают значительное место. Так, сюжетная канва «Масторавы» А. М. Шаронова отличается яркой галереей божественных и простых человеческих образов, в том числе и женских. Интересны и самобытны сказочные женские персонажи в поэме В. К. Радаева «Тюштя». В целом романтическая увлеченность образом мордовской женщины ощущается и в стихах В. А. Гадаева:

Над колодцем облака нависли,
След по снегу вьется кружевной.
На заиндевелом коромысле
У мокшанки два ведра с водой.
Шамурвай — малиновое пламя.
А на поясе — гляди, народ!
Погремушка с алыми кистями.
Снег хрустит. Красавица идет⁵.

Женский архетип нашел свое воплощение и в музыкальном мире Н. В. Кошелевой. Многочисленные страницы ее творчества связаны с вокально-хоровыми жанрами и испытывают на себе влияние народной поэтики. Для голоса и фортепиано на народные слова написана «Мадинь, удинь а урякай» («Легла, вздремнула невестка моя»), к этому же ряду относятся «Никоноронь Катаньясь» («Никонорова Катюша») и «Гаройть Маряц» («Герасимова Марья»), «Мокшанские песни» для голоса и струнного квартета, «Народный триптих» для аналогичного состава, где все части имеют символическую этническую окраску и называются «Вара» («Варвара»), «Марлюня» («Яблонька»), «Сюмерьге баба» («Старуха Сюмерьге»).

Другим важным элементом женской фольклорной основы произведений Н. В. Кошелевой служит образ березы, как священного дерева мордвы, к которому автор обращается в «Пандо прясо од килей» («На горе молодая береза») и в одной из «Мокшанских песен» — «Луганяса келуня» («На лугу березонька»).

В сочинениях для хора авторская индивидуальность Н. В. Кошелевой раскрывается через ставшее для нее традиционным, обращение к народным текстам. Среди них «Коляда», «Туян, тядакай» («Уйду, матушка») и «Девичий венок». Помимо этого, многие из хоровых опусов исполняются женским составом, включая и произведения духовного содержания, такие как «Мзярда Шкайти ломаньц моли» («Когда человек приходит к богу»), «Вай, Иисус» («О, Иисус») на слова В. И. Нестерова, «Алянке минь» («Отче наш») в переводе В. И. Мишаниной, «Мирские молитвы» в соавторстве с Г. В. Бутыревой. В других произведениях, написанных для смешанного хора, часто солируют женские голоса. Это «Туян, тядакай» («Уйду, матушка») с партией меццо-сопрано, «Да будет имя Твое» (текст Г. В. Бутыревой), где первый номер «Господи, Боже мой!» доверено исполнять сопрано в сопровождении хора.

В кантате «Мордовские песни», в которой также звучат народные слова, композитор отдает солирующую партию женскому голосу в четвертой части «Вирьса» («В лесу»). С. С. Молина определяет ее, как песню-плач, который «исполняет меццо-сопрано соло на фоне хорового вокализа без сопровождения. Поэтический народный текст рассказывает о грозе и пожаре в лесу. Молния спалила дубок, одинокая береза горько плачет»⁶.

Символика и метафора музыкального образа березы максимально приближена к единому женскому началу. Она тоскует и оплакивает свою горькую участь. Эта печаль максимально приближена в выразительных средствах к народному песенному колориту за счет подголосочной полифонии в хоровом сопровождении, через которое проходит партия солирующего голоса.

Большое значение в сочинении произведений вокально-хоровых жанров Н. В. Кошелева придает языку и слову, как одному из важных средств передачи эмоционального и духовного состояния. Поэтому в ее музыке так много красок,

связанных с использованием народной поэзии, памятников словесности, сохраняющих колорит мокшанского фольклора. Отсюда в ее творческой мастерской живо и всегда искренне соединяются в единое целое память сердца, привязанность к женскому бытийному началу, как к первооснове жизни. Не случайными оказываются поиски и находки стихотворных текстов, которые принадлежат перу Г. В. Бутыревой, В. И. Мишаниной и др.

Женские образы вокально-хоровых сочинений Н. В. Кошелевой возникли и благодаря поэтической лирике С. В. Кинякина. Это «Аф априякан эсот» («Не упрекаю тебя»), «Сембодонга мазыняй» («Самая красивая»). Некоторые из песен написаны на тексты М. С. Моисеева — «Стирень виденьцама» («Девичье признание»), «А мон кельгса вкять» («Я люблю одного») и других литераторов. Среди них можно назвать И. М. Девина, на стихи которого она сочинила свою первую песню на мокшанском языке «Панжи лайме порась» («Когда цветет черемуха», 1979). «Это первая песня, которая неожиданно стала популярной, поистине народной. Для композитора это высшая награда, если народ считает эту песню своей»⁷. Давние профессиональные отношения связывают композитора с поэтом, прозаиком и журналистом И. Н. Кудашкиным.

В целом, вокально-хоровое творчество Н. В. Кошелевой — это одно из самых ярких событий в музыкальной жизни Мордовии. Композитор создала свой особый мир, в нем ощущается свежесть фольклорных традиций и мастерское владение техническими приемами в передаче их красоты и самобытности.

Женское начало, его чувственная материнская природа угадывается в музыке Н. В. Кошелевой, посвященной детям. Ее искренность, обаяние, простота и изысканность ощущается, как тонкая психологическая тональность, в которой есть место разнообразным проявлениям возраста, характера и ситуации. И. А. Немировская пишет: «Материя детской психологии, детских эмоций, настроений, характеров требует ювелирно тонкого аналитического инструмента ее художественного постижения и воплощения. Любой человек, вглядывавшийся в спокойное детское лицо, даже лицо новорожденного, не раз отмечал в нем серьезное, глубокое,

даже мудрое вопрошание и в то же время странное таинственное знание, непонятное взрослому»⁸.

Почти все «детские» опусы Н. В. Кошелевой написаны на мокшанском языке, включая и сопутствующую им музыкальную терминологию. Так, в «Кафта ёжуфт» («Два хитреца») рассказывается о мальчике, который ловит рыбу на речке и поет песенку, сопровождаемую характерными кварио-квинтовыми интонациями в мелодии и в сопровождении. В «Катоня» («Котенок») исполнителю доверено самому изобразить мяуканье, ограниченное лишь ритмической основой песни.

Женская скорбь слышится в «Плаче об отце» из оратории «Песнь о воинской славе» (1985), в «Вокализе памяти погибших в Беслане» (2004), в «Солдатских вдовах» из кантаты «Эхо войны» (2005). Духовным величием проникнут мелодизм кантаты «Кому поют колокола», возникшей от оглушительного, со слов самого автора, впечатления от личности Ф. Ф. Ушакова, в котором есть, по выражению С. С. Молиной, «познание Бога, искупление грехов, единение с природой»⁹.

В инструментальной музыке Н. В. Кошелевой женские образы олицетворяют любовь, духовную сущность, материнское начало и сопровождают композитора на протяжении всей ее жизни. Так, героика и лирика пронзительно и в то же время величественно звучат в музыке балетной сюиты (1979), а затем и балета «Алена Арзамасская» (2001). Но, пожалуй, особым обаянием образов отличается Сюита «Женские портреты» (2001). Их внутренняя эмоциональная сила раскрывается в стремлении композитора почувствовать и представить настроение и пластику работ мордовского скульптора С. Д. Эрзи, создать вокруг них ауру женственности, нарисовать ее музыкальными красками. Помимо красоты и мастерства, которые были отмечены в многочисленных рецензиях на это сочинение, в них есть и заметное единство профессиональных мнений. В. И. Казенин высказывается так: «В музыке Кошелевой современная техника письма органично соединена с глубинными традициями ее народа»¹⁰. У Ю. С. Корева: «Такое бесконечное мелодическое развитие, естественное, как тропинка в поле вьется... И превосходно оркестрована, просто, но очень изысканно»¹¹.

Из большого количества скульптурных работ С. Д. Эрзи, посвященных женщине, Н. В. Кошелева выбрала те, которые отражают главные этапы ее жизненного пути. В этой обобщенности скрыт глубокий философский смысл, вечная тема человечества: «Утро», «Юность», «Любовь» и «Портрет матери». Изобразительное решение каждой из этих пьес подчинено ее смысловому значению. И если первые из них, «Утро» и «Юность» выдержаны в светлых песенных тонах и более подвижных темпах, то вторая половина цикла, «Любовь» и «Портрет матери» приобретают более сочную мелодическую окраску, проникнуты насыщенным лиризмом, переходящим в возвышенное звучание в последнем номере сюиты.

«Женские портреты» имеют несколько переложений, отличных от оригинального оркестрового варианта: для струнного квартета, а также для фортепиано. В последней версии фактура первого номера разложенными аккордовыми звучаниями передает зыбкость и прелесть пробуждения. На фоне их сопровождения, состоящего, в дальнейшем, из переливов шестнадцатых или их мерном движении, струится нежная мелодия, исполняемая, преимущественно, в октавном изложении. Вторая пьеса «Юность» игрива и танцевальна, в ней преобладает легкая трехдольность, которая ярко и звонко подчеркивает молодость и свежесть музыкального характера, бравурность его мелодики в последних тактах окончания.

«Любовь» пронизана чувственностью и глубокой песенной лирикой. Ее эмоциональный настрой нетороплив и от этого особенно искренен. Кажущаяся бесконечность мелодической линии достигается переменностью в размере и, от этого, музыка отличается свободой, плавностью и отсутствием строгих структурных рамок. «Портрет матери» — это финал всего цикла, его главная мысль. В ней автор вновь приходит к началу всех начал — таинству рождения, святости женщины, дающей жизнь. Поэтому первоначальная тема, написанная в диапазоне квинты-сексты варьируется и в конце пьесы приходит к новому музыкальному материалу, достигающему апогея в *Maestoso*. «В музыке Н. В. Кошелевой "Утро" и "Юность" — воплощение свежести, весеннего пробуждения, "Любовь" — глубокое, сильное, всепоглощающее чувство,

упоенность жизнью, "Портрет матери" — философское обобщение творящего начала»¹².

Таким образом, эстетические сферы творческой индивидуальности Н. В. Кошелевой находятся в тесной взаимосвязи с женским архетипом, одним из древнейших символов Волго-Уральской цивилизации. Этот самобытный и разнообразный в своих проявлениях феномен позволил композитору создать яркие и красочные женские образы, которые имеют большую эмоциональную и психологическую силу. Среди них особое место занимают сказочные и мифологические персонажи, их живые музыкальные характеристики, в которых соединение древней фольклорной традиции и современных средств музыкальной выразительности, дают возможность ощутить объем и выразительность авторского мышления.

Это нашло свое отражение в музыкальных спектаклях на сказочные сюжеты, в которых Добро и Зло имеют конкретное женское начало. Оно основано на знании устной фольклорной традиции, народной мелодики и ритмики, которые невозможно «выучить», это свойство этнического характера, глубоких культурных взаимосвязей.

Индивидуальное ощущение музыкально-поэтического пространства мордовской культуры является важным источником для творческих опытов композитора. В них галерея женских образов представлена образцами фольклорных текстов, сохраняющих разнообразие сюжетных линий, подлинную народную основу, которая становится для Н. В. Кошелевой ориентиром в работе над произведениями в жанрах вокально-хоровой музыки.

Важные подробности этого процесса связаны с профессиональной деятельностью поэтов, писателей, публицистов, литераторов, чей внутренний мир духовно созвучен музыкальному мышлению Н. В. Кошелевой. В этом контексте звучит не только поэтическая метафора, в нем возникает ее исповедальная, лирическая нота. Она ясно, с тонкими психологическими оттенками читается в детских хорах, песнях, инструментальных пьесах и других сочинениях. Отсюда рождается гармония сознания и мышления, которая звучит в сокровенных глубинах души и сердца, оставаясь манящей тайной для окружающих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Галкина И.А. Композитор Нина Кошелева. Буклет. Саранск: Тип. «Красный Октябрь». 2002. С. 2.

² Операй В.С. Женский образ в культуре народов Волго-Камья // Успехи современного естествознания. 2012. № 5. С. 19—20.

³ Юрченкова Н.Г. Особенности женского архетипа в мордовской мифологии // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9—14. VIII, 2010. С. 55.

⁴ Галкина И.А. «Лесная сказка» Нины Кошелевой // Лесная сказка: Пьесы для фортепиано. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1999. С. 5.

⁵ Гадаев В.А. «Мокшанка» // В.А. Гадаев. Собр. соч.: в 3 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2007. Т. 1.

⁶ Молина С.С. Хоровое творчество Н.В. Кошелевой // Н.В. Кошелева. Кому поют колокола: хоровые сочинения. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2007. С. 6.

⁷ Кошелева Н.В. Сотрудничество с поэтами // Рождается мелодия во мне. Саранск: Изд. дом «Книга», 2007. С. 70.

⁸ Немировская И.А. Микрокосм детства в творчестве Чайковского: «16 песен» ор. 54 // Музыкальная академия. 2010. № 2. С. 162.

⁹ Галкина И.А. Праздник украсили «Женские портреты» Нины Кошелевой // Изв. Мордовии. 2013. 26 дек.

¹⁰ Молина С.С. Хоровое творчество Н.В. Кошелевой. С. 11.

¹¹ Там же.

¹² Галкина И.А. Инструментальная музыка Мордовии: от фольклорных традиций к профессиональному творчеству: дис. ... канд. искусствоведения. Саранск, 2005. С. 74.

Поступила 06.11.2013.

REFERENCES

¹ Galkina I.A. Kompozitor Nina Kosheleva. Buklet. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktjabr'». 2002. S. 2.

² Operaj V.S. Zhenskij obraz v kul'ture narodov Volgo-Kam'ja // Uspehi sovremennogo estestvoznaniya. 2012. № 5. S. 19—20.

³ Jurchenkova N.G. Osobennosti zhenskogo arhetipa v mordovskoj mifologii // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba, 9—14. VIII, 2010. S. 55.

⁴ Galkina I.A. «Lesnaja skazka» Niny Koshelevoj // Lesnaja skazka: P'esy dlja fortepiano. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1999. S. 5.

⁵ Gadaev V.A. «Mokshanka» // V.A. Gadaev. Sobr. soch.: v 3 t. Saransk: Mordov. kn. iz-vo, 2007. T. 1.

⁶ Molina S.S. Horovoe tvorcestvo N.V. Koshelevoj // N.V. Kosheleva. Kому поют колокола: horovye sochinenija. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktjabr'», 2007. S. 6.

⁷ Kosheleva N.V. Sotrudnichestvo s pojetami // Rozhdaetsja melodija vo mne. Saransk: Izd. dom «Kniga», 2007. S. 70.

⁸ Nemirovskaja I.A. Mikrokosm detstva v tvorchestve Chajkovskogo: «16 pesen» or. 54 // Muzykal'naja akademija. 2010. № 2. S. 162.

⁹ Galkina I.A. Prazdnik ukrali «Zhenskie portrety» Niny Koshelevoj // Izv. Mordovii. 2013. 26 dek.

¹⁰ Molina S.S. Horovoe tvorchestvo N.V. Koshelevoj. S. 11.

¹¹ Tam zhe.

¹² Galkina I.A. Instrumental'naja muzyka Mordovii: ot fol'klornyh tradicij k professional'nomu tvorchestvu: dis. ... kand. iskusstvovedenija. Saransk, 2005. S. 74.

O. V. Radzetskaya. Origins of the Creative Work of a Mordovian Composer N. V. Kosheleva

The paper examines the basics of the musical thinking and style of one of the most interesting and original authors of modern Mordovian culture — composer N. V. Kosheleva. Sincerity, special human warmth and melodic brightness of her music create an atmosphere of spiritual purity and artistic truth. In the works by N. V. Kosheleva, original and colorful world created by many centuries of the Mordva people's history comes alive. Due to these benchmarks, aesthetic features of her creative profile are associated with the feminine archetype, which is largely dominant in the cultural space of the Volga and Urals region.

This is reflected in the numerous works by the Mordovian composer, whose spiritual, artistic and emotional spheres have a «female look». They belong to ancient mythological subjects; they are associated with fairy tale characters, with the heroic past, and with folk and professional poetic traditions. Therefore, there are so many female solo parts in her works. This is especially noticeable in her miniatures dedicated to children, as well as in individual pages of instrumental music, such as «Women's Portraits», where the author deeply and lyrically sounded paintings of spiritual «maturation» of a woman, of her inner world.

RADZETSKAYA Olga Vladimirovna, Candidate of Culturology, Associate Professor at the Department of Chamber Ensemble, Maimonides State Classical Academy (Moscow).

Е. С. РОМАНЦОВА

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕТЬ ОРЕНБУРГСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: история, библиотечное дело, индустриализация

Key words: history, librarianship, industrialization

Рассматривается состояние и развитие библиотек Оренбургской губернии в период индустриализации. Анализируются динамика и внешние факторы, повлиявшие на развитие библиотечного дела.

The state and development of libraries in the Orenburg Province in the period of industrialization is considered in this paper. Dynamics and external factors that influenced the development of librarianship are analyzed.

В декабре 1925 г. Правительство взяло курс на индустриализацию страны для ликвидации ее социально-экономической отсталости и укрепления обороноспособности. В области сельского хозяйства оно приступило к коллективизации. Эти коренные изменения в жизни страны предъявляли повышенные требования к технической грамотности населения, овладению основами естественных наук.

Оренбуржье с 1925 гг., выйдя из состава КАССР и перестав быть регионом-донором, смогло направить освободившиеся средства на местные нужды¹. Стало постепенно улучшаться снабжение книгами. ГУБОНО регулярно удовлетворяло запросы губернии о пополнении литературой библиотек и изб-читален. По инициативе Губполитпросвета основная закупка новых книг стала производиться централизованно через магазин «Книга». Централизация позволила существенно сэкономить бюджетные средства, так как магазин предоставил скидку в 27 %. Сеть стационар-

РОМАНЦОВА Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры библиотечно-информационных дисциплин Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей.

ных просветительских учреждений, состоящих на местном бюджете, по данным отчета Оренбургского Губоно на конец 1927 г., увеличилась до 61 библиотеки по сравнению с 46, работавшими в период 1925—1926 гг.²

Между тем в 1927 г. Оренбуржье пережило неурожай. Вместо 16 млн пудов зерна, как в 1926 г., было собрано 5 млн пудов. На протяжении 1928 г. местная администрация ликвидировала его последствия³. Уже в 1929 г. она была вынуждена перенаправить значительные средства на индустриализацию региона, согласно плану первой пятилетки 1929—1933 гг. Как следствие, темпы создания новых учреждений в период 1927—1929 гг. стали падать, что было зафиксировано Оренбургским отделом Народного образования (таблица).

Таблица

Динамика роста библиотек Оренбургской губернии в первые годы индустриализации⁴

Вид библиотеки	1927—1928 гг.	1928—1929 гг.	% роста
Городские избы-читальни	66	73	10
Городские библиотеки	7	8	15
Сельские библиотеки	31	30	—
Казачьи избы-читальни	36	73	49,3
Татарские избы-читальни	8	8	0
Казахские избы-читальни	2	2	0
Немецкие избы-читальни	2	2	0

Согласно таблице, количество городских библиотек и изб-читален возросло в указанный период лишь на 15 и 10 % соответственно, а количество национальных изб-читален осталось без изменений.

В целом проблема создания новых национальных изб-читален в связи с приведенными негативными факторами отошла на второй план. Основное внимание было решено уделить качеству обслуживания. В частности, была разработана схема обследования просветительской работы среди нацменьшинств на 1927—1930 гг. Каждый вопрос обследования охватывал данные по каждой национальности. Данные давались в сравнении с обслуживанием русского населения. Проверка велась по числу изб-читален и библиотек, приходящихся в среднем на население нацменьшинств.

Однако потребность в увеличении национальных библиотек и изб-читален сохранялась⁵. В частности, во всем Буртинском

районе для обслуживания казахского населения не имелось ни одной избы-читальни, которая, вследствие высокой плотности казахского населения района, была крайне необходима. Кроме того, существовала необходимость снабжения Беляевской избы-читальни литературой на казахском языке, для обслуживания части казахского населения по аулам. Однако эти проблемы оставались не решенными.

Гораздо лучше обстояло дело с обслуживанием казачества. Число изб-читален в казачьих районах в период 1927—1929 гг. возросло с 36 до 73, т. е. произошло увеличение сети на 49,3 %⁶.

Сеть изб-читален в конце 20-х гг. XX в. планировалась в соответствии с директивами руководящих организаций, которые, анализируя ситуацию на местах, составили необходимый минимум изб-читален на район. Предполагалось, что в среднем на каждый район губернии будет приходиться по 12 сельских изб-читален и 1 районная. Лишь при таком соотношении можно было добиться числа среднереспубликанской обеспеченности сетью изб-читален населения (одна изба-читальня на 4 500 чел.). Перед местной администрацией встала задача обеспечить рост изб-читален для достижения общереспубликанского уровня⁷. Количественно сеть должна была вырасти до 1 500 читален к 1932—1933 гг. Однако отсутствие средств в местном бюджете не позволило реализовать эти планы.

На качественно новый уровень поднялось комплектование библиотек в конце 1920-х гг. Существенную помощь в этом оказывал библиотечный коллектор⁸. Он сосредоточил у себя весь имеющийся на рынке каталожно-библиографический материал, периодические издания с отделами критики, библиографии, рекомендательные списки, каталоги, методическую литературу по вопросам политико-просветительной работы и вел работу по составлению рекомендательных списков книг для библиотек всех типов.

Коллектор доставлял книги в переплетах с наклейками контрольных листков-карманчиков с вложением формуляров и каталожных карточек по следующим ценам: прочные переплеты толстых книг (25 коп.), книг брошюр (по 12 коп.).

По желанию заказчика составлялись аннотированные карточки⁹. При коллекторе существовала постоянно действующая выставка — «новинки за неделю». Коллектор давал

разного рода библиографические справки и консультации по вопросам техники библиотечной работы. Книги для библиотек отпускались коллектором со скидкой на издания 1928—1929 гг. в 10 %, на издания предыдущих лет — 20 и 30 %¹⁰. Согласно договорам с ОСПС и ОбЛОНО коллектор имел право предоставить кредит библиотеке на срок до трех месяцев без внесения задатка наличными деньгами. Пополнение библиотек в 1928—1929 гг. происходило преимущественно через библиотечный коллектор, который существенно облегчал работу библиотекарей.

Между тем к концу 1920-х гг. в библиотечном деле стало ощущаться негативное влияние цензуры. Из фондов изымались книги и переводились на специальное хранение либо уничтожались. Книжный склад был переполнен литературой, «негодной» для библиотек. Заведующая складом Евсеева неоднократно жаловалась на то, что «создается впечатление, что книг на складе много, а между тем требования на литературу не удовлетворяются, необходимо очистить склад от хлама»¹¹.

С 1930 г. стали заметны улучшения в динамике открытия новых библиотек. Уже к 1934 г. библиотечная сеть достигла существенных показателей. По области библиотек всех типов насчитывалось 658, передвижек — 870, научных и специальных библиотек — 33¹².

В период 1925—1934 гг. наблюдается изменение отношения общества к библиотекам и избам-читальням. От агрессивного и нейтрального оно меняется к благожелательному. С инициативой по созданию изб-читален и библиотек начинает выступать местное население. На добровольные пожертвования открываются новые учреждения культуры и выписывается периодика. Работа по обслуживанию читателей стала носить плановый характер с конкретными целевыми установками. Библиотеки стали готовить календарный план мероприятий, что позволило им проводить не только обычные мероприятия, но и выездные вечера, лекции, доклады.

В целом период 1925—1934 гг. можно охарактеризовать как начало поступательного развития библиотек региона. Оренбургская губерния став самостоятельным субъектом смогла изыскать средства на развитие библиотечной сети. Несмотря на неурожай, выделяемые значительные средства на индустриализацию не привели к стагнации в библиотеч-

ном деле, а лишь снизили темпы роста библиотек. С 1930 г. негативные последствия событий были полностью устранены и к концу рассматриваемого периода библиотечная сеть достигла значительных показателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Оренбургской области (далее — ГАОО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 170. Л. 97об.

² Центр документации новейшей истории Оренбургской области (далее — ЦДНННО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 9.

³ Сафонов Д.А. История Оренбургского края. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 247.

⁴ Составлено по: ГАОО Ф. 371 Оп. 5. Д. 53. Л. 12.

⁵ ГАОО. Ф. 451 Оп. 1. Д. 37. Л. 117—119.

⁶ ГАОО. Ф. 1299 Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

⁷ ГАОО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 49. Л. 5.

⁸ ЦДНННО. Ф. 8042. Оп. 1. Д. 324. Л. 3об.

⁹ ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 306.

¹⁰ ГАОО. Ф. 451. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.

¹¹ ЦДНННО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 468. Л. 28—29.

¹² ЦДНННО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3.

Поступила 14 01.2014.

REFERENCES

¹ Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti (dalee — GAOO). F. 50. Op. 1. D. 170. L. 97ob.

² Centr dokumentacii novejshej istorii Orenburgskoj oblasti (dalee — CDNIOO). F. 1. Op. 1. D. 121. L. 9.

³ Safonov D.A. Istorija Orenburgskogo kraja. Orenburg: OGPU, 2006. S. 247.

⁴ Sostavleno po: GAOO F. 371 Op. 5. D. 53. L. 12.

⁵ GAOO. F. 451 Op. 1. D. 37. L. 117—119.

⁶ GAOO. F. 1299 Op. 1. D. 4. L. 9.

⁷ GAOO. F. 451. Op. 1. D. 49. L. 5.

⁸ CDNIOO. F. 8042. Op. 1. D. 324. L. 3ob.

⁹ CDNIOO. F. 371. Op. 1. D. 306.

¹⁰ GAOO. F. 451. Op. 1. D. 37. L. 12.

¹¹ CDNIOO. F. 371. Op. 1. D. 468. L. 28—29.

¹² CDNIOO. F. 7. Op. 1. D. 3.

E. S. Romantsova. Network of Libraries of the Orenburg Region in the Years of Restoration of the Public Economy and of Industrialization

In 1925—1934, having seceded the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic and having ceased to be a donor region, the Orenburg Region was

able to direct the released funds for its local needs. Since 1925, the supply of books began to improve. The Provincial Department of Education regularly satisfied the requests from across the province on the replenishment of libraries and reading rooms with books. Meanwhile, in 1927, the Orenburg Region experienced a poor harvest. In 1928, the local government was eliminating its consequences. Already in 1929, the authorities were forced to redirect significant funds for industrialization of the region. The problem of creating new libraries and reading rooms receded into the background due to certain negative factors. The main attention was paid to the quality of service.

In the late 1920's, acquisition of books for libraries reached a qualitatively new level. Substantial assistance in this process was provided by the Library Collector. However, by the end of the 1920's, the negative impact of censorship was felt in the librarianship. Since 1930, improvement in the dynamics of the opening of new libraries became noticeable. Already by 1934, the network of libraries had reached significant rates. There were 658 libraries of all types, 870 mobile libraries, 33 academic and special libraries in the Region.

Thus, the period of 1925—1934 can be described as the beginning of the progressive development of libraries in the Region. Having become an independent constituent territory, the Province of Orenburg was able to raise funds for development of the library network.

ROMANTSOVA Ekaterina Sergeevna, Lecturer at the Department of Library and Information Disciplines, L. and M. Rostropovich Orenburg State Institute of Arts.

И. А. КУБАНЦЕВА

ПЕРВЫЕ УЧЕБНЫЕ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ДЛЯ МОРДВЫ

Ключевые слова: учебная книга, составитель, грамматика, справочное издание, букварь

Key words: educational book, compiler, grammar, reference book, primer

Рассматривается история создания учебных и справочных изданий на мокшанском и эрзянском наречиях мордовского языка в XIX в. Показан вклад ведущих мордовских языковедов и просветителей в подготовку первых учебников, букварей и словарей для «инородческих» школ.

The paper examines the history of composition of educational and reference books in the Moksha and Erzya dialects of the Mordvinian language in the 19th century. The paper also reveals the contribution of the leading linguists and of Mordvin educators to the preparation of the first textbooks, primers and dictionaries for «non-Russian» schools.

Активизация переводческой деятельности в XIX в. способствовала появлению книг не только с православным религиозным текстом, но и со светским. Подготовка и издание учебников и вероучительных книг для народов Поволжья были важны для единой системы просветительской политики в регионе. Особое значение для развития поволжских народов имело создание алфавитов и норм письменно-литературных языков, что сохраняло и объединяло культурные ценности этносов. Все это в той или иной мере находило отражение на страницах первых азбук, букварей, грамматик.

В 1823 г. попытались создать грамматики мордовского языка. Документально факт подтвержден в переписке ректора Пензенской семинарии с нижегородским протоиереем Г. Симилейским и смотрителем Петровских духовных училищ протоиереем Я. Рождественским. Первый, к кому обратился с предложением ректор, был Г. Симилейский. Но от него

КУБАНЦЕВА Ирина Алексеевна, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук.

последовал отказ, мотивированный тем, что уже 42 года он не говорил по-мордовски. В письме рекомендовалось поручить это дело Петровскому протоиерею Я. Рождественскому, так как «он знает по-мордовски и недавно кончил курс». В то же время Г. Симилейский отметил важность и сложность этого дела: «Язык мордовский скуден и делится на три языка: мордовский, мокшанский и мурзинский»¹.

Я. Рождественский в своем ответе ректору Пензенской семинарии также указывал на деление мордовского языка на три различающихся диалекта и готов был составить грамматику на «мурзинско-арзянском диалекте», так как знал его правила². Свое окончательное решение он подтвердил в другом документе — Рапорте Я. Рождественского Пензенской семинарии (1 января 1824 г.). Однако в дальнейшем сведения о подготовке и выпуске грамматики на «арзянском наречии» отсутствуют³.

Первая эрзянская грамматика опубликована в 1839 г. за границей под названием «H. C. Gabelentz. Versuch elener mordwinischen Grammatikk. — «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Bd.2. — Gottinden, 1839». Ее составителем был известный немецкий языковед Г. Габеленц.

В основу грамматического строя эрзянского языка он положил Новый Завет, переведенный в 1821 г. на эрзянское наречие. Известно, что качество переводов начала XIX в. оценивалось специалистами второй половины XIX в. как очень низкое. К тому же эрзянская грамматика была написана на немецком языке. В связи с этим труд Г. Габеленца не нашел практического применения.

В отличие от грамматики Г. Габеленца работа П. Орнатова оказалась более востребованной. Подготовленная им «Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши...»⁴ представляла собой первую попытку систематического изложения мокша-мордовского языка. Необходимость в таком учебнике появилась после того, как руководство Тамбовской епархии поручило профессору П. Орнатову преподавать мордовский язык в духовной семинарии, так как мордва едва понимала русский язык. Также было решено «ввести в классическое употребление в местной семинарии язык мордовский для приготовления воспитанников к священническим должностям в мордовские селения»⁵. Преподавание мордовского языка началось здесь в 1834 г. Текст

грамматики был составлен на наречии мордвы, населявшей Тамбовскую епархию, в частности Спасский и Темниковский уезды.

Канцелярии Тамбовского семинарского правления для принятия решения об опубликовании учебника необходимо было знать, не использовал ли П. Орнатов в своей работе какую-нибудь ранее составленную грамматику. На это профессор пояснил: «При составлении представленной мною его преосвященству... Арсению грамматики мордовского языка мокшанского наречия, кроме собственного внимательного изучения мордовского языка и наблюдения над всеми видоизменениями и различиями, сочетаниями его в составе речи, при участии в моем труде студента и учителя Евстафия Нечаева..., никаких других пособий решительно не имел»⁶. Перед выпуском в свет «Мордовская грамматика...» прошла проверку в комитете, в состав которого входили священники сел Матчи Кедрова, Кушек Салазгарского и Салазгари Анаевского и других уездов. Труд П. Орнатова был признан правильным, за исключением некоторых слов. Ошибки объяснялись описками писца⁷.

Во второй половине XIX в. продолжилась работа по изучению мордовского языка, направленная в основном на создание миссионерских переводов. Такая литература была необходима для улучшения процесса обучения и воспитания. Образование «иностранцев» в этот период было одной из важных политических проблем.

Пути ее решения предлагались в концепции просвещения нерусских народов Н. И. Ильминского. Его педагогическая система выражала геополитические интересы центральной власти и укрепляла русско-православное влияние в отдельных восточных регионах, что способствовало успешной реализации политических целей иностранческого просвещения 60-х гг. XIX — начала XX в. Обучавшиеся иностранцы в «народных школах» по системе Н. И. Ильминского хорошо учились и занимали к концу, а иногда и в начале курса первые места в классах. Такие ученики легко поступали в духовные семинарии и академию, учительский институт, университет для продолжения образования⁸.

В то же время основной целью педагогической системы Н. И. Ильминского было постепенное продвижение иностранцев к христианству. Православие он считал главным,

ради приобщения к нему допускал возможность широкого использования в учебно-воспитательном процессе родного языка и элементов культуры нерусских народов⁹. Родной язык считался основой воспитания и орудием для изучения русского языка.

В аспекте данных политических целей ученым-лингвистам и педагогам в пореформенный период, пришло понимание того, что учебные книги, переводы должны быть доступными нерусским читателям. Для этого требовалось продолжить изучения мордовского языка, так как немногочисленные грамматики, вышедшие в начале XIX в. не всегда опирались на этнолингвистические исследования, не могли быть надежным пособием в обучении, поэтому исследования в этом направлении продолжились.

Одним из таких примеров выступает работа академика Ф. И. Видемана. В 1865 г. им издана более полная грамматика эрзя-мордовского языка — «F. J. Wiedeman. Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem kleinen mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterburch. — SPb., 1865». Текст книги написан на немецком языке и так же не был понятен широкому кругу читателей. К тому же по оценке М. Е. Евсевьева в этом издании обнаружено большое количество ошибок и «выдуманного самим автором»¹⁰. Примеры для грамматики Ф. И. Видеман взял частично из четвероевангелия на наречии мордвы-эрзи, изданного в 1821 г.

Другая работа этого автора была выпущена также в Санкт-Петербурге в 1884 г. под названием «Грамматика эрзя-мордовского языка». Все слова были разделены на 6 частей речи: существительное, прилагательное, местоимение, глагол, послелог, частица. В состав частей речи Ф. И. Видеман не включил наречие, так как оно, по его мнению, не имело словообразующих аффиксов, поэтому могло быть существительным, прилагательным, наречием. В «Грамматике...» дана подробная характеристика имени существительного, числительного и глагола¹¹.

Выпуск учебных пособий на мордовском и других языках Поволжья и Сибири было сосредоточено в Переводческой комиссии при братстве св. Гурия в Казани. Издаваемые ею учебники в большинстве случаев представляли собой перевод русских пособий. К переводческой деятельности привлекались носители языка. В такой работе участвовали

выпускники Казанской семинарии А. Ф. Юртов, М. Е. Евсевьев, Н. П. Барсов и другие просветители мордовского народа. Со временем они сами стали авторами первых букварей на мордовском (мокша, эрзя) языке.

Первым из них, кто составил эрзя-мордовский букварь, был А. Ф. Юртов. Издание готовилось при содействии Н. И. Ильминского. Основной текст «Букваря для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Издание православного миссионерского общества» (1884)¹² открывал раздел «Букварь для обучения мордовских детей грамоте». В начале книги приведены группы слов на основе русской азбуки эрзя-мордовских фонем. Материал на эрзянском языке автор расположил согласно буквам русского алфавита. Давая оценку труду А. Ф. Юртова, ученые-филологи утверждали, что он в своей работе попытался упорядочить письменные формы эрзя-мордовского языка на лексическом уровне.

Иной уровень развития эрзя-мордовского письменно-литературного языка отражал «Букварь для мордвы-эрзи. Издание православного миссионерского общества»¹³, подготовленное М. Е. Евсевьевым. Составитель пособия усовершенствовал работу А. Ф. Юртова в его первом «Букваре... 1884 г.». Текст учебника М. Е. Евсевьев разделил на две части — мордовскую и русскую. В первой части был материал для запоминания по принципу от простого к сложному¹⁴, как это используется в современных учебных изданиях. Особенности графики и орфографии эрзянского букваря М. Е. Евсевьева нашли применение в другом учебнике для эрзянских школ «Первоначальном учебнике русского языка для мордвы-эрзи» (1892) и во втором его издании (1897)¹⁵, в который вошли сотни новых терминов из различных отраслей знаний.

Работа по составлению грамматики мокша-мордовского языка была продолжена. В этом направлении работал нижегородский иеромонах Макарий, автор работ по мордовской этнографии и фольклору. Свой труд «Краткая грамматика мордовско-мокшанского языка», состоящий из 161 страницы in folio, он направил в Академию наук России вместе с другими рукописями¹⁶. В 1851 г. рукопись рецензировал академик А. Шегрен. Проанализировав текст, ученый сделал существенные замечания, в частности «о звучности, об элементе языка». Рецензент также рекомендовал составить

для мордвы азбуку, которая была бы «навсегда прочна, легка и удобна». Буквы в ней должны были быть русские¹⁷. Рукопись не исправлена автором, поэтому текст грамматики не был опубликован.

Составителем следующей «Граматики мордовского языка по наречию мокша» выступил священник с. Старое Пшенево Инсарского уезда Пензенской губернии Н. Барсов. Нет точных данных о времени написания рукописи. Существуют только предположения о том, что Н. П. Барсов подготовил свою работу в 80—90-х гг. XIX в. Преследовавшаяся им цель определялась желанием автора дать «руководства неправильному употреблению мордовского языка устно и письменно». Н. П. Барсов считал необходимым «подвести мордовские склонения под систему русских» для того, чтобы стимулировать изучение мордовским населением русского языка. Для этого он привел таблицы склонения «с русскими падежами»¹⁸. Диалектной основой грамматики Н. П. Барсова послужил говор с. Старое Пшенево, сочетавший особенности периферийных говоров центрального диалекта, положенного в основу современного мокшанского литературного языка, и юго-восточного диалекта.

Ценность его работы состояла в том, что она являлась продолжением опыта сопоставительной грамматики мокша-мордовского и русского языков, начатого П. Орнатовым. Преимущество «Граматики мордовского языка...» Н. П. Барсова перед предшественниками заключалось в полноте и точности объяснений грамматических категорий, свойственных мокша-мордовскому языку. Кроме того, языки большинства письменных памятников на мокшанском наречии конца XIX — начала XX в. имели одинаковую диалектную основу, которую охарактеризовал в своем труде Н. П. Барсов¹⁹.

В 70-х гг. XIX в. Н. П. Барсовым подготовлены еще несколько учебных пособий для мордовских школ в соавторстве с воспитателем Пензенской учительской семинарии Кечиним: «Азбука для мордовских школ Пензенской губернии», «Указания учителю, как учить азбуку», «Первоначальные уроки русского языка для мордвы». Все рукописи были направлены для просмотра и заключения в Академию наук. Рецензентом их выступил академик Ф. И. Видеман²⁰.

Активная деятельность по выпуску учебной литературы на мордовском языке мокшанского наречия наблюдалась с

1891 по 1892 г. Поводом для этого послужило письмо попечителя Харьковского учебного округа к своему коллеге из Казанского округа. В нем выражалась озабоченность неудовлетворительной постановкой дел по обучению мордвы-мокши в школах. Указывалось также и на недостаточное количество переводов книг на мокша-мордовском языке. Речь шла в первую очередь о жителях Пензенской и Тамбовской губерний, которые в XIX в. входили в Харьковский учебный округ.

Проект мероприятий по исправлению сложившегося положения, опираясь на опыт школ Казанского округа, составителем которого выступил Н. И. Ильминский. По его же рекомендации в Пензенскую губернию был направлен в командировку учитель мордовской школы Казанской учительской семинарии М. Е. Евсевьев. Ему было поручено изучить мокшанское наречие мордовского языка для последующего перевода выбранных руководством текстов. Таким образом, планировалось восполнить лакуны в учебной литературе для мокша-мордовских школ. Помогали ему в работе Н. Барсов, уроженец с. Старое Пшенево Инсарского уезда и М. Беляев, уроженец с. Рыбкино Краснослободского уезда. При их активном участии М. Е. Евсевьевым были переведены на мордовский язык мокшанского наречия: «Крещение Руси при святом князе Владимире». (Казань, 1891), «Евангелие от Луки» (Казань, 1897), «Молитвы и церковные песнопения» (Казань, 1891), «Букварь для мордвы-мокши» (Казань, 1892), «Букварь для мордвы-мокши. 2-е издание» (Казань, 1897), «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши» (Казань, 1892) и другие книги, которые были использованы при обучении грамоте.

Одним из лучших изданий, подготовленных М. Е. Евсевьевым во второй половине XIX в., был «Букварь для мордвы-мокши» (1892.). По структуре основной текст делился на две части: мордовский и русский отделы. Похожая книга в двух изданиях вышла так же и на эрзя-мордовском языке — «Букварь для мордвы-эрзи. С приложением молитв и русской азбуки» (1892.).

Согласно оценке А. П. Феоктистова, графика и орфографическая система «Букваря для мордвы-мокши» имели схожие подходы с «Первоначальным учебником русского языка для мордвы-мокши. Издание православного миссионерского

общества», который представлял собой двуязычный русско-мокшанский словарь с кратким очерком русской грамматики на мокшанском наречии мордовского языка. В словаре приводилось свыше 2 тыс. русско-мокшанских слов. В книгу были включены специальная лексика и отраслевая терминология. Справочные статьи содержали мокшанские слова, относящиеся к разным говорам²¹. «Первоначальный учебник русского языка для мордвы-мокши» имел широкое практическое применение среди обучавшихся грамоте.

В качестве учебного пособия рекомендовалась также работа Н. Д. Гаврилова «Русско-мордовский словарь. Мокшанско-эрзянское наречие. С приложением кратких сведений их этимологии. Допущен в качестве учебного пособия попечителем Харьковского учебного округа для учителей мокшанских школ»²². Однако словарь Н. Д. Гаврилова уступал «Букварю...» (1892) и «Первоначальному учебнику русского языка...» (1892) в точности графической передачи фонетических явлений мокшанского наречия мордовского языка. По мнению современных исследователей, эта работа является менее удачной по составу грамматики и кратким переложением «Мордовской грамматики» П. Орнатова.

Издание Н. Д. Гаврилова не первый опыт по изучению состава мокшанской лексики. Практика составления мордовских словарей берет свое начало в XVIII в. с подготовки кратких словарей разного объема и списков слов. По неполным данным в дореволюционный период было подготовлено около 50 мордовских справочных изданий на мордовском (мокша, эрзя) языке²³. Лексика эрзянского наречия в большом объеме впервые была представлена в сочинении Г.Ф. Миллера. Эрзянская и мокшанская лексика нашла отражение в «Сравнительных словарях всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая» и «часть вторая»²⁴.

Объемный словарь эрзянского наречия мордовского языка в количестве пяти тысяч лексических единиц (эрзянско-немецких и немецко-эрзянских) был представлен к эрзя-мордовской грамматике Ф. И. Видемана в приложениях. Этот материал автор собрал среди мордвы, служивших в 1854—1855 гг. в Ревельском гарнизоне. В эрзянскую часть были включены говоры эрзи. Частично сведения для сло-

варя были заимствованы Ф. И. Видеманом из письменных источников. Эрзянская лексика была представлена в транскрипции на основе латинской графики.

Среди мокшанских словарей большим по объему являлся рукописный «Словарь русско-мордовский наречия мордвы мокши», составленный профессором тамбовской семинарии П. Орнатовым в 1841 г. Одновременно он подготовил и мокша-русский словарь. Оба материала планировались к изданию. Однако рецензировавший их академик А. Шегрен дал чрезмерно критическую оценку. Получив отрицательную рецензию от авторитетного в то время ученого, Синод отказался от идеи выпуска словаря.

Несмотря на недостатки, рукопись русско-мордовского словаря содержала ценные сведения по лексике западного диалекта мокшанского наречия мордовского языка, т. е. о диалекте, на котором на протяжении всего XIX в. издавалась миссионерская литература, грамматики, словари и другие книги²⁵. Особенности центрального и западного диалектов мокша-мордовского языка отражены в коллективной рукописной работе «Материалы для словаря мордовского», написанной в период с 1880 по 1890 г. Есть мнение, что основной текст «Материалов...» лег в основу при составлении «Первоначального учебника русского языка для мордвы-мокши»²⁶.

Таким образом, влияние образовательного фактора среди «инородцев» способствовало развитию не только переводных изданий, но и появлению первых учебников для мордвы. Для инородческих школ издавался примерно тот же перечень учебной литературы, что и для русской: буквари, книги для обучения чтению и письму; двуязычные словари на мордовском и русском языках; грамматики; книги для чтения. Структура учебников была типовой для всех народов Поволжья.

В создании учебников на мокшанском и эрзянском наречиях мордовского языка использовались практические достижения лингвистики. В таких книгах особое внимание обращалось на специфические особенности родного и русского языков, материал в них строился на примерах сопоставления их фонетических и грамматических особенностей, учитывались принципы последовательности, системности и доступности излагаемого материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья: (извлечения из документов) // Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2000. С. 301.

² Там же. С. 302.

³ Там же. С. 303.

⁴ См.: Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы мокши Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым. М., 1838. XIV+160 с.

⁵ Там же. С. IX.

⁶ См.: История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья ... С. 309.

⁷ Там же. С. 310.

⁸ См.: Ильминский Н.И. О системе просвещения и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913. С. XXIII.

⁹ См.: Грачев С.В. Геополитика и просвещение нерусских народов Поволжья (60-е гг. XIX — начало XX в.). Саранск, 2000. С. 50.

¹⁰ См.: Евсевьев М.Е. Прежние работы по мордовскому языку // М.Е. Евсевьев. Избранные труды. Саранск, 1963. Т. 4. С. 312.

¹¹ См.: История Мордовии в лицах: биограф. сб. Саранск, 1994. С. 48.

¹² См.: Букварь для мордвы-эрзи с присоединением молитв и русской азбуки. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1884. 103 с.

¹³ См.: Букварь для мордвы-мокши. Казань: Правосл. миссионер. об-во, 1892. 53 с.

¹⁴ См.: Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. Саранск, 2000. С. 252.

¹⁵ См.: Первоначальный учебник русского языка для мордвы-эрзи. Казань: Правосл. миссионер. об-во, 1892. 167 с.; То же. 2-е изд. Казань, 1897. 165 с.

¹⁶ См.: История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья ... С. 323.

¹⁷ Там же. С. 324.

¹⁸ См.: Феоктистов А.П. Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков. С. 259.

¹⁹ Там же. С. 261.

²⁰ См.: История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья ... С. 341.

²¹ Там же. С. 277.

²² См.: Гаврилов Н.Д. Русско-мордовский словарь. Мокшанско-эрзянское наречие: с прилож. кратких сведений из этимологии. [Пенза], 1899. 54 с.

²³ История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья ... С. 263.

²⁴ Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб., 1789. 411 с.; То же. Ч. 2. СПб., 1789. 491 с.

²⁵ История книгопечатания на мордовских и некоторых других языках народов Поволжья ... С. 268.

²⁶ Там же. С. 269.

Поступила 15.05.2013.

REFERENCES

¹ Sm.: Istorija knigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja: (izvlechenija iz dokumentov) // Feoktistov A.P. Ocherki po istorii formirovanija mordovskih pis'menno-literaturnyh jazykov. Saransk, 2000. S. 301.

² Tam zhe. S. 302.

³ Tam zhe. S. 303.

⁴ Sm.: Mordovskaja grammatika, sostavlenaja na narechii mordvy mokshi Tambovskoj seminarii professorom, magistrom Pavlom Ornatovym. M., 1838. XIV+160 s.

⁵ Tam zhe. S. IX.

⁶ Sm.: Istorija knigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja ... S. 309.

⁷ Tam zhe. S. 310.

⁸ Sm.: Il'minskij N.I. O sisteme prosveshhenija i o Kazanskoj Central'noj kreshheno-tatarskoj shkole. Kazan', 1913. S. XXIII.

⁹ Sm.: Grachev S.V. Geopolitika i prosveshhenie nerusskih narodov Povolzh'ja (60-e gg. XIX — nachalo XX v.). Saransk, 2000. S. 50.

¹⁰ Sm.: Evsev'ev M.E. Prezhnie raboty po mordovskomu jazyku // M.E. Evsev'ev. Izbrannye trudy. Saransk, 1963. T. 4. S. 312.

¹¹ Sm.: Istorija Mordovii v licah: biogr. sb. Saransk, 1994. S. 48.

¹² Sm.: Bukvar' dlja mordvy-erzi s prisoedineniem molitv i ruskoj azbuki. Izdanie pravoslavnogo missionerskogo obshhestva. Kazan', 1884. 103 s.

¹³ Sm.: Bukvar' dlja mordvy-mokshi. Kazan': Pravosl. missioner. ob-vo, 1892. 53 s.

¹⁴ Sm.: Feoktistov A.P. Ocherki po istorii formirovanija mordovskih pis'menno-literaturnyh jazykov. Saransk, 2000. S. 252.

¹⁵ Sm.: Pervonachal'nyj uchebnik russkogo jazyka dlja mordvy-erzi. Kazan': Pravosl. missioner. ob-vo, 1892. 167 s.; To zhe. 2-e izd. Kazan', 1897. 165 s.

¹⁶ Sm.: Istorija knigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja ... S. 323.

¹⁷ Tam zhe. S. 324.

¹⁸ Sm.: Feoktistov A.P. Ocherki po istorii formirovanija mordovskih pis'menno-literaturnyh jazykov. S. 259.

¹⁹ Tam zhe. S. 261.

²⁰ Sm.: Istorija knigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja ... S. 341.

²¹ Tam zhe. S. 277.

²² Sm.: Gavrilov N.D. Russko-mordovskij slovar'. Mokshansko-erzjanskoe narechie: s prilozh. kratkih svedenij iz jetimologii. [Penza], 1899. 54 s.

²³ Istorija knjigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja ... S. 263.

²⁴ Sravnitel'nyj slovar' vseh jazykov i narechij, sobrannye desniceju vsevysochajshej osoby. Otdelenie pervoe, sodержashhee v sebe evropejskie i aziatskie jazyki. Ch. 1. SPb., 1789. 411 s.; To zhe. Ch. 2. SPb., 1789. 491 s.

²⁵ Istorija knjigopechatanija na mordovskih i nekotoryh drugih jazykah narodov Povolzh'ja ... S. 268.

²⁶ Tam zhe. S. 269.

I. A. Kubantseva. First Textbooks and Reference Books for Mordvins

The paper examines the history of composition of educational and reference books in the Moksha and Erzya dialects of the Mordvinian language in the 19th century. Preparation and publication of textbooks for ethnic groups of the Volga region were an important link in the unified system of educational policy in the region. In 1823, for the first time the issue of the need for making grammar of the Erzya dialect of the Mordvinian language was raised. This fact is confirmed in the correspondence of the rector of the Penza Seminary with a Nizhny Novgorod Archpriest G. Simileysky and the Warden of the Petrovsk Religious Schools Ya. Rozhdestvensky. However, there is no further information on preparation and publication of such a textbook.

The first Erzya grammar books were prepared by the German linguists Hans Conon von der Gabelentz (1839) and Ferdinand Johann Wiedemann (1865). However, their works were not clear for the public as they were written in German. The first attempt to systematically expose the Moksha dialect of the Mordvinian language has been successfully undertaken by P. Ornatov. The «Mordvinian Grammar Compiled in the Dialect of the Moksha Mordvins...» (1838) prepared by him, was widely used in practice. The authors of the first primers and grammars in the Mordvinian (Moksha and Erzya) language were graduates of the Kazan Seminary: A. F. Yurtov, M. E. Evseviev, N. P. Barsov and others. With their active participation the following books were composed: «Primary Russian Language Textbook for Moksha Mordvins», «Primary Russian Language Textbook for Erzya Mordvins», «Primer for Erzya Mordvins with Addition of Prayers and the Russian Alphabet», «Primer for Moksha Mordvins» and other books used for teaching to read and write.

Publication of textbooks in the Mordvinian and other languages of the Volga Region was centered in the Translation Committee at the Saint Gury Brotherhood in Kazan.

KUBANTSEVA Irina Alekseyevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of Library and Information Resources, National Research Mordovia State University.

Научно-публицистический журнал

Темы журнала — процессы, происходящие в регионах в области экономической, социальной, политической и духовной жизни, взаимоотношения федеральных и региональных структур власти, региональная политика в научно-технической сфере, образовании и культуре и др.

Научные направления журнала — экономика, социология, философия, политология, культурология.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, а также входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru.

Подписаться на журнал можно в любом отделении «Почты России» по каталогу ОАО «Агентства "Роспечать"».

Журнал распространяется по подписке.

Технический редактор *Л. В. Митякина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод на английский язык *А. В. Пузакова*

Транслитерация примечаний выполнена посредством обращения к интернет-ресурсу <http://www.translit.ru>

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 - 57331 от 17 марта 2014 г. Подписано в печать 31.03.2014. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 11,10. Тираж 1 000 экз. I завод — 500 экз. Заказ № 371.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». Тел.: (834-2) 32-86-14; факс: (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н.П. Огарёва». 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в Издательстве Мордовского университета.
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 24.